

**ПРОБЛЕМЫ
СИСТЕМАТИЗАЦИИ КАТЕГОРИЙ
ИСТОРИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА**

ПРОБЛЕМЫ СИСТЕМАТИЗАЦИИ КАТЕГОРИЙ ИСТОРИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА

ЧЕЛЯБИНСК — 1981

Печатается по решению редакционно-издательского совета Челябинского государственного педагогического института.

В статьях сборника анализируются различные аспекты едва ли не самой актуальной, центральной проблемы марксистской науки об обществе—проблемы систематизации категорий исторического материализма. В них выдвигается немало постановочных и дискуссионных идей, предлагаются подходы и варианты решения данной проблемы. Можно надеяться, что этот сборник окажется полезным читателям, интересующимся фундаментальными проблемами исторического материализма.

Ответственный редактор — профессор Демичев В. А.

Челябинский пединститут, 1981 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРА

Проблема систематизации категорий исторического материализма все более настойчиво поднимается в последние годы как в исследовательской литературе, так и на различных конференциях и совещаниях. В декабре 1976 года, например, такое совещание было проведено в Барнауле; в феврале 1980 года—в Челябинске, а в декабре 1980 года—в Москве (Институт философии АН СССР). Предлагаемый сборник выпускается по следам челябинского координационного совещания. К последнему были выпущены тезисы. Ввиду этого данный сборник не имел обязательной цели повторить в расширенном виде некоторые из уже опубликованных тезисов, непосредственно посвященных проблеме систематизации категорий исторического материализма. В него, кроме того, был включен и ряд других статей по той же проблеме. Хотелось бы надеяться, что читатель найдет на страницах этого издания полезные подходы, соображения, аргументы...

ПРЕДМЕТ, СТРУКТУРА И СИСТЕМА КАТЕГОРИЙ ИСТОРИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА

Современный уровень развития философии актуализирует проблемность в ее самопознании, в философской саморефлексии. Поэтому в последнее время вновь ставятся и широко дискутируются вопросы о логике, структуре, «клеточке», исходной категории и системе категорий исторического материализма. При этом совершенно справедливо подчеркивается, что решение данных проблем имеет важное теоретическое, практическое и методологическое значение. Так, в статье В. Ж. Келле и М. Я. Ковальзона [4], в докладе Ю. К. Плетникова «Проблема начала в теории исторического материализма», сделанного на координационном совещании [5], в ряде работ, опубликованных в последнее время [7], предлагаются различные варианты вычленения и определения исходной категории, различные логические основания для моделирования структуры исторического материализма и систематизации его категорий. Существующая поливариантность может быть объяснена многими причинами, в том числе и попыткой дать решение перечисленных проблем безотносительно к определению предмета философии и, в частности, исторического материализма, который детерминирует природу философского знания, «задает» и «программирует» логику, структуру и систему категорий исторического материализма как науки и как учебной дисциплины.

История становления и развития философского знания и по форме, и по содержанию отличалась слитностью, определенным «синкретизмом» с мифологическим, религиозным, логическим, экономическим, естественнонаучным и другим знанием. Его «кристаллизация» в науку с собственным предметом исследования связана с возникновением марксистско-ленинского учения, которое особенно интенсивно развивалось в советский период. Процесс дифференциации и интеграции наук, как закономерность развития науки в целом, проявляется и в области философского знания, путем оформления собственно философии (диалектический и исторический материализм) и философских наук (этика, эстетика, научный коммунизм и т. д.).

Предмет философии в самом общем виде детерминирован и определяется, во-первых, объектом и субъектом познания и практического преобразования, но не в их расчлененном виде, а в рамках субъект-объектного отношения, которое в принципе должно исключать фиксацию в качестве предмета философии одной из его сторон, что характерно для большинства наук о природе и обществе. Во-вторых, субъект и объект «представлены» в данном отношении не на уровне единичных (индивидуальных форм своего проявления), а на уровне общих и существенных форм (видов) существования (организации) и движения, основных причин (источников) и законов функционирования и развития. Таким образом, предметом философии является субъект-объектное отношение, в котором субъект и объект выступают в наиболее общих и основных формах (видах) существования, движения, причин и законов своего функционирования и развития. Очевидно, предмет философии (диалектического и исторического материализма) должен быть единым, как и у других общих наук (физики, химии, математики и т. д.) при всей разветвленности, дифференциации их на отдельные дисциплины.

В пределах исследования субъект-объектного отношения естественноисторическим образом произошла специализация философского знания (диалектического и исторического материализма), «смещение» акцентов познания, дифференциация и группировка соответствующей проблематики. Но при этом осталась неизменной природа философского знания, которое обладает рядом специфических признаков. Во-первых, философское знание отличается наиболее высокой степенью своей абстракции; во-вторых, интегративностью своего содержания (обобщение и интеграция достижений других наук о природе и обществе); в-третьих, постановкой и решением вопроса о соотношении бытия и сознания (для философии выступающего в качестве основного); в-четвертых, своими «предельными» методологическими и мировоззренческими функциями, как наиболее общий метод познания и преобразования объекта и субъекта; в-пятых, совокупностью своих основополагающих принципов и методов познания.

Единство предмета диалектического и исторического материализма порождает стремление проинтегрировать эти основные структурные элементы философии, которые при всей своей органической взаимосвязи обладают и относительной самостоятельностью. Если диалектический материализм ставит и решает, например, проблему единства и различия основ-

ных форм организации и движения материального мира, то исторический материализм в качестве объекта исследует высшую форму (общество), в котором остальные формы представлены уже в снятом виде. Таким образом, «синтез» форм организации и движения в высшей форме не «исключает» исторический материализм из философии, а лишь подчеркивает его качественную особенность, поскольку его объект, вернее, ракурс исследования — это мир в его свернутой и высшей форме существования и движения. Если диалектический материализм отвечает на вопрос, что есть объект и как он познается, а субъект представлен на уровне методологии в латентной и «растворенной» форме, то исторический материализм отвечает на вопрос, какова роль субъекта в отношении к этому объекту и что есть сам субъект, познающий и преобразующий этот объект, выступающий в виде общества, класса или личности. Наряду с этим следует также учитывать тенденцию к усложнению общества как системы (ее структуры, законов и т. д.) и в связи с этим необходимость специализации в данной области философского знания; огромную и все возрастающую методологическую и мировоззренческую функцию исторического материализма в познании и оценке социальных явлений.

Определение параметра и специфики предмета философии дает объективное основание для конструктивного решения ее «внутренних» проблем и, в частности, исследования структуры, логики, исходной категории и системы категорий исторического материализма. Структура исторического материализма выражается, очевидно, в совокупности важнейших элементов на уровне универсалий, исследуемых социальных феноменов в их координационных и субординационных связях, тогда как его логика проявляется в определенной последовательности изучения и изложения (как учебной дисциплины) этих структурных образований. При этом необходимо иметь в виду, во-первых, что структура и логика исторического материализма есть развертывание познания в его движении от абстрактного к конкретному, обеспечивающее выводимость знаний и категорий по принципу дополнительности, и, во-вторых, не локальное, а универсальное использование основополагающих принципов (таких, как принцип материализма, историзма, системности, партийности, деятельности, гуманизма и т. д.), их распространение и «представительство» во всей его структуре, логике и системе категорий. В этой связи выделение, например, В. Ж. Келле и М. Я. Ковальзонюм трех аспектов соци-

ально-философского исследования (естественноисторический, деятельностный, гуманистический) [4] и на этой основе «блокировка» и структурирование проблематики исторического материализма, хотя и вызывает определенный интерес, но вряд ли может быть принято как окончательный вариант. Дело в том, что при «дешифровке» выделенных аспектов, оказывается, речь идет не об аспектах, а по существу о принципах анализа (материализма, историзма, деятельности и гуманизма), поэтому наделение их «центростремительными» функциями вольно или невольно будет способствовать упрощению проблематики исторического материализма и формированию дискретного способа мышления при ее освоении.

Конечно, в методическом плане иногда более приемлема традиционная комплектровка тем, но абсолютизация такого подхода как раз и приводит к «выбору» логически несвязанных проблем, а исторический материализм превращает в камеру их хранения. Естественно, что более сложная задача состоит в том, чтобы провести, например, принцип материализма через всю проблематику исторического материализма, наполнить конкретным философским содержанием, а не локализовать его преимущественно в рамках «естественноисторического аспекта». Подобный подход, далее, в значительной степени затрудняет развитие познания в его движении от абстрактного к конкретному и обоснование логической сопряженности исторического материализма с диалектическим материализмом.

Отмеченные недостатки особенно рельефно проявляются в процессе выделения исходной категории и систематизации категорий исторического материализма. Анализ соответствующей литературы показывает, что мы еще не имеем сколь-нибудь единого мнения по этим вопросам. В качестве исходных категорий называются, например, «система материальных производственных отношений» (В. Ж. Келле, М. Я. Ковальзон), «деятельность» (Ю. К. Плетников, Г. П. Корнев), «образ жизни» (А. Д. Шершунов) и т. д. Аргументация авторов в пользу той или иной категории действительно имеет определенные основания, но при формальнологическом подходе существующая поливариантность означает «взаимоотрицание», т. е. наложение взаимных ограничений на выполнение каждой из названных категорий функции исходной. Очевидно, этот момент, наряду с другими, вызывает у некоторых авторов глубокое сомнение в целесообразности, возможности и необходимости построения единой системы категорий исторического

материализма и определения исходной категории. В. И. Разин, например, пишет, что «... вполне допустимо использование различных систем классификации категорий в зависимости от цели исследования», и что «... вместо бесплодных споров о том, какая категория главная, необходимо выявить для каждой категории: 1) ее место в науке и связь с другими категориями; 2) ее познавательное значение, смысловую нагрузку; 3) степень обобщения (уровень абстракции); 4) значение для практики» [6, 18]. Содержательный анализ по этим позициям действительно необходим, но он в принципе не может выступать альтернативой системному исследованию категориального аппарата исторического материализма.

Дальнейшая разработка и конструктивное решение поставленных вопросов может базироваться только лишь на комплексном использовании всего богатства методологии и современного уровня развития марксистско-ленинской философии как науки. В связи с этим трудно согласиться с теми авторами, которые обозначают в качестве исходных такие категории, как «система материальных производственных отношений», «деятельность», «общественное бытие», «образ жизни» и т. д. Во-первых, потому, что данные категории не обладают преобладающей степенью абстрактности по сравнению с рядом других категорий исторического материализма, поэтому использование, например, метода восхождения от абстрактного к конкретному в рамках общей системы социального познания не представляется возможным. Во-вторых, использование данных категорий как исходных не обеспечивает в целом логической сопряженности исторического материализма с диалектическим материализмом на основе общности их предмета. Попытка В. Ж. Келле и М. Я. Ковальзона осуществить такую сопряженность посредством выделения действующих в обществе материальных детерминант (законов и материальных отношений) правомерна, но она основывается только на принципе материализма, на «распространении» идеи материализма (В. И. Ленин) в процессе исследования общества. Понятно, что это является главным фактором, но не исчерпывающим все основные и многообразные взаимосвязи диалектического и исторического материализма. Да и сами материальные общественные отношения при всей их понятийной «автономизации» не должны объясняться как некий «обесчеловеченный» феномен, как «социальная материя» [4, 121] и как демиург всех социальных явлений и процессов. Подобные характеристики материальных общественных отноше-

ний связаны, очевидно, с абсолютизацией их как результата человеческой деятельности без достаточного и необходимого учета их и как одновременно способа (формы) ее осуществления. Поэтому В. И. Ленин не случайно определял производственные отношения «...как форму» деятельности человека, направленной на поддержание его существования» [2, 149]. Следует также учитывать конкретно-исторический подход основоположников марксистско-ленинской философии при рассмотрении особенностей возникновения и функционирования материальных общественных отношений, полагая, что при коммунизме люди «являются сознательно общественными существами, подчиняющими себе общественную связь» [1, 449], и что уже при социализме наряду с задачей разрушения старого общества, на первый план выступает «...более существенная задача положительного коммунистического строительства, творчества новых экономических отношений, нового общества» [3, 13].

Представляется более убедительной позиция тех авторов, которые определяют в качестве исходной категории исторического материализма «человеческое общество», (В. А. Демичев, Г. П. Орлов и др.). Во-первых, потому, что данная категория является наиболее абстрактной, несущей в своем содержании все богатство социального в его «свернутом» виде, а процесс движения от абстрактного к конкретному в социальном познании позволяет в таком случае «развернуть», показать человеческое общество как сложное конкретное образование через совокупность его определений. Во-вторых, категория «человеческое общество» обеспечивает преемственность, универсальность логических переходов от диалектического к историческому материализму как выражающая высшую форму организации материи. В-третьих, наделение «человеческого общества» статусом исходной категории органично соотносится с предметом философии, поскольку специализация философского знания в области исторического материализма предполагает изучение субъект-объектных отношений, где в качестве объекта выступает прежде всего общество как сложная и саморазвивающаяся система. При этом следует подчеркнуть, что анализ человеческого общества необходимо начинать с характеристики его атрибутов, основных способов существования, т. е. общественных отношений и деятельности, качественно отличающих его от других форм организации и движения материи. Если общественные отношения выступают способом организации, обусловленности (координации и су-

бординации социальных элементов), системообразующим фактором человеческого общества, то человеческая деятельность (прежде всего труд), является по существу высшей формой движения материи, единственно возможным способом существования и развития общества. Фактором его воспроизводства и динамики. Поэтому структура, логика и система категорий исторического материализма должна представлять собой выделение и последовательное развертывание (в том числе изложение в учебном курсе) универсалий, отражающих основные виды человеческой деятельности и общественных отношений, в которых складываются и проявляются законы общества, возникают и разрешаются социальные противоречия посредством опредмеченных и распродмеченных форм деятельности и отношений, осуществляется прогрессивное развитие общества. Такой подход позволяет использовать методологические принципы (материализма, историзма, гуманизма, партийности и т. д.) «сквозным» образом, во всех разделах и темах исторического материализма как науки и как учебной дисциплины.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. 2.
2. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1.
3. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39.
4. Келле В. Ж., Ковальзон М. Я. Важнейшие аспекты методологии социально-философского исследования. — Вопросы философии, 1980, № 7.
5. Координационное совещание по актуальным проблемам исторического материализма «Проблемы структуры исторического материализма и систематизации его категорий». М., 1980.
6. Разин В. И. О признаках классификации категорий исторического материализма. — В кн.: Проблемы систематизации категорий исторического материализма. Челябинск, 1980.
7. Методологические проблемы исторического материализма. Барнаул, 1976; Категории исторического материализма в их взаимосвязи, Свердловск, 1978; Проблемы систематизации категорий исторического материализма. Челябинск, 1980 и др.

О НЕКОТОРЫХ УСЛОВИЯХ И ПРИНЦИПАХ ПОСТРОЕНИЯ СИСТЕМЫ КАТЕГОРИЙ ИСТОРИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА

За последние годы заметно возросли внимание и интерес не только к разработке отдельных категорий исторического материализма, но и к их систематизации. Это обстоятельство является свидетельством прежде всего развития самой философской науки. Многие авторы высказывают ту справедливую мысль, что определить содержание и методологическую роль философской категории возможно, лишь поставив ее в связь и отношение с другими философскими понятиями и категориями. Это, несомненно, верное соображение заставляет исследователей искать эти связи и отношения, т. е. иными словами, работать над системой категорий. Конечно, этому этапу должен был предшествовать и действительно предшествовал период выделения, анализа отдельных, порою разрозненных категорий, многолетних дискуссий по поводу их содержания. Этот период был, как мне представляется, в целом достаточно продуктивным и интересным. В спорах и дискуссиях определялись позиции, уточнялись точки зрения по поводу категорий, выработанных создателями материалистического понимания истории, являющихся основополагающими для марксистской науки об обществе. Кроме того, были выработаны и введены в научный обиход новые понятия, которые позволили логически отразить некоторые существенные стороны общественной жизни. И хотя нельзя сказать, что все задачи оказались решенными и все дискуссии завершились конструктивными выводами, все же период анализа преимущественно отдельных категорий явно проходит и уступает место периоду поисков и разработки системы категорий исторического материализма.

Внимание к данному вопросу определяется, разумеется, не чисто «внутренними» задачами самой философской науки. Общественная практика нашего напряженного и динамичного века ставит перед наукой новые и новые проблемы, исследование и решение которых требует отточенного, гибкого и совершенного категориального аппарата. Давно прошло, к счастью, время, когда связь общественной науки с жизнью

понималась весьма примитивно, а по сути дела просто порою подменялась иллюстративным фактическим материалом, когда исследование категорий третирувалось как ненужная схоластика. XXVI съезд КПСС указал на огромное значение для практики фундаментальных общетеоретических исследований. Это указание партийного съезда чрезвычайно важно для философии — науки высокой степени абстракции. Философия марксизма связана с практикой и служит ей. Но эту свою роль философия может выполнить не путем отказа от анализа понятий большой общности и абстрактности, а путем раскрытия их роли в познании и в конечном счете преобразовании действительности. Раскрыть сущность, внутреннюю закономерность общественной жизни невозможно с помощью набора фактов. Понять факты можно, только опираясь на теорию.

Все это вместе взятое делает актуальной задачу изучения категорий исторического материализма и проблему их систематизации.

К настоящему времени мы имеем уже целый ряд работ, авторы которых предлагают более или менее удачные способы создания такой системы. Одним из первых это сделал В. П. Тугаринов, после чего вышли работы В. Ж. Келле и М. Я. Ковальзона, Г. Г. Караваева, А. Д. Шершунова, А. И. Вербина и А. Фурмана и др. Вопрос о системе категорий в 70-е годы был наиболее подробно рассмотрен в книгах М. Н. Алексеева «Предмет и структура марксистской философии» и П. В. Алексеева «Предмет, структура и функции диалектического материализма» (изд. МГУ, 1978 г.). Хотя обе эти работы посвящены главным образом общеполитическим вопросам, однако материал их имеет прямое отношение и к вопросу о системе категорий исторического материализма. Более того, истматовские вопросы прямо ставятся в них, особенно в первой книге.

Наконец, в большом числе учебников и учебных пособий по марксистско-ленинской философии и историческому материализму хотя и не обосновываются специально способы и принципы построения системы категорий, тем не менее в них фактически включается та или иная система.

Таким образом, мы уже имеем если и не слишком обширную, то все же довольно значительную литературу по интересующему нас вопросу, а значит, и возможность анализа сильных и слабых сторон разработки данной проблемы.

Ни в какой мере не умаляя заслуг авторов, проделавших значительную работу, выдвинувших важные и интересные соображения, предложивших свое оригинальное решение задачи, хотелось бы вместе с тем сказать, что, как мне кажется, никто из нас пока еще не в состоянии нарисовать достаточно полную картину взаимосвязей и взаимопереходов категорий исторического материализма, которая принималась бы большинством философов и служила бы действенным орудием познания для ученых-обществоведов нефилософских специальностей. Для этого, как мне представляется, необходимы обсуждение и выработка наиболее конструктивных решений по ряду вопросов, принципиальных для построения системы категорий. Решить эти вопросы — не значит построить систему; речь идет пока о том, как ее строить, какими принципами руководствоваться. Здесь у нас много неясного, спорного, неразработанного.

Хотелось бы высказать некоторые соображения, относящиеся к принципам построения системы категорий исторического материализма. Едва ли есть нужда оговариваться, что я коснусь здесь лишь отдельных принципов, далеко не исчерпывая ни их количества, ни содержательной стороны.

1. Представляется, что обязательной предпосылкой и условием построения системы категорий исторического материализма является прежде всего четкая постановка вопроса о предмете этой науки и ее месте в марксистско-ленинской философии. Без ответа на этот вопрос невозможно выявить специфику именно истматовских категорий, вследствие чего в научной и учебной литературе зачастую анализируются проблемы без выделения собственно философского аспекта этих проблем. Так, например, изложение темы «Государство» ничем, по сути, не отличается от разбора этой темы в юридической литературе (в курсе теории и истории государства и права). Не спасает и включение вопроса о государстве в более широкую тему «Политическая организация общества», поскольку и она рассматривается, как правило, вне ракурса философии. Получается, что исторический материализм как бы суммирует знания, добытые юристами, экономистами, историками, специалистами в области научного коммунизма. Естественно, специалист в каждой из этих областей всегда компетентнее того, кто суммирует хотя бы и несколько научных дисциплин. Система категорий истмата есть не что иное, как способ воспроизведения в теоретическом мышлении предмета этой науки. Вот почему любая система имплицитно всегда содержит в себе пред-

ставление ее создателей о предмете данной науки. Так, если исторический материализм определяется как наука об обществе, взятом в его целостности, и наиболее общих законах развития этого целого, то это, естественно, порождает и соответствующий принцип классификации: выделяются группы категорий и законов, присущих любой формации (общее), нескольким формациям (особенное) и отдельной формации единичное).

Но классификация такого рода вызывает вопрос: почему те или иные категории и законы получают статус философских? Достаточно ли для этого указания на всеобщность их действия? Ведь существуют, например, экономические законы, действующие во всех, а уж тем более в нескольких формациях. Как быть с ними? Считать философскими или экономическими закон соответствия производственных отношений характеру и уровню развития производительных сил, категорию способа производства и т. д.?

В настоящее время в нашей литературе распространение получило определение исторического материализма как философско-социологической науки. Одним из первых это представление начал развивать В. П. Тугаринов [10]; обстоятельная разработка этой концепции была дана в работах В. Ж. Келле и М. Я. Ковальзона.

Большая заслуга этих авторов состояла в том, что они в своих трудах выявляли философский характер исторического материализма, его неразрывную связь с материализмом диалектическим. В соответствии с этим, В. Ж. Келле и М. Я. Ковальзон, опираясь на произведения В. И. Ленина, сформулировали положение о том, что основным вопросом исторического материализма является вопрос об отношении общественно-го бытия и общественного сознания.

В настоящее время эти важные идеи уже прочно вошли в сознание и потому многим кажутся чем-то само собою разумеющимся. Однако нельзя забывать того, что в учебниках по историческому материализму, изданных в послевоенный период, именно философский аспект исторического материализма фактически отсутствовал, да и в учебных программах по марксистско-ленинской философии стержневая философская тема «Сущность материалистического понимания истории» появилась сравнительно недавно. И как раз потому, что определение исторического материализма как философско-социологической науки было существенным шагом вперед и ориентирова-

ло на философский анализ общества, оно вскоре стало почти общепризнанным.

Однако, как мне кажется, в этом определении имеет место известная логическая непоследовательность, в силу чего истмат оказывается как бы склеенным из 2-х частей—философской и социологической. С одной стороны, он решает круг вопросов, связанных с соотношением общественного бытия и общественного сознания, а с другой—изучает общество в его наиболее общих связях, отношениях, закономерностях, элементах, т. е. рассматривает общество как целостную систему, наиболее общие элементы этой системы, их место, роль, функции и т. д. И хотя все авторы постоянно подчеркивают неразрывное единство обеих частей, невозможность социологического анализа без философских предпосылок и наоборот, тем не менее проблема остается: можно ли считать социологический аспект истмата философией? Если да, то термин социологический не несет иной нагрузки, кроме той, что это «философия общества». Если же это нечто дополнительное к философскому аспекту, что-то отличное от него, то логика требует признать, что в истмате есть не только философская, но и не собственно философская сторона. К каким трудностям это приводит, видно на примере книги В. П. Тугаринова «Соотношение категорий исторического материализма». Выделив философские категории исторического материализма, автор замечает, что эти категории немногочисленны. Но в таком случае, можно ли вообще относить истмат к философии, если именно философские категории здесь немногочисленны? И тогда главным признаком философского подхода опять-таки становится всеобщность. Но при этом ни один автор этот признак последовательно применить не может, т. к. это потребовало бы «выбрасывания» из истмата таких вопросов, как государство, классы, политика и др. Приходится вводить наряду со всеобщностью признак «группы формаций» и даже одной (как правило, коммунистической) формации. При этом получается, что исторический материализм занимается и общими законами, и специфическими, и даже присущими отдельным ступеням общественного развития. «Исторический материализм есть наука о законах общественной жизни и о ее общих явлениях,—пишет В. П. Тугаринов.—Соответственно он занимается лишь такими понятиями общественной жизни, которые связаны с законом этой жизни и ее общими явлениями. Остальные же, т. е. более частные понятия, изучаются и рассматриваются в исторической науке и в других общественных науках,

по не истматом, за отдельными исключениями, ввиду особой теоретической важности этих исключений. К последним относятся общие категории социалистического общества» [11. 38]. Здесь, как видно, переход от общего к единичному обосновывается особой теоретической важностью проблем социалистического общества. Нет сомнения в том, что проблемы эти чрезвычайно важны. Но очевидно и то, что в подходе к их рассмотрению у каждой науки, в том числе и у философии, должен быть свой «профиль», не позволяющий ей превратиться в комментатора других наук. Здесь не место подробно развивать вопрос о предмете исторического материализма, и поднимается он лишь для того, во-первых, чтобы показать, что построение системы категорий науки обязательно зависит от понимания предмета этой науки, и, во-вторых, чтобы как-то выявить те трудности в понимании предмета истмата, которые есть и над преодолением которых еще предстоит работать.

Что же касается позитивного решения вопроса, то мне представляется, что его следует искать на пути осмысливания роли и значения основного вопроса философии для понимания предмета этой науки. Для исторического материализма таким вопросом, в котором выражена специфическая особенность именно этой науки и ее предмета, является отношение общественного бытия и общественного сознания. Основной вопрос поэтому и является основным, что в нем выражен тот угол зрения, который присущ только этой науке и который не исследуется ни одной другой наукой, ни целой совокупностью наук об обществе. Всякое иное толкование этого вопроса в качестве основного неизбежно приводит либо к тривальности, либо суживает его значение до некоей лакмусовой бумажки, с помощью которой мы можем определить, материалистом или идеалистом является тот или иной философ.

П. В. Алексеев в своей фундаментальной и очень интересной работе [6] высказывает мысль о том, что сведение предмета философии к основному вопросу слишком сузит и сам предмет, и задачи этой науки. Думается, что такое опасение не основательно. Конечно, предмет и основной вопрос — не одно и то же. Так, предметом исторического материализма является не сам по себе вопрос об отношении общественного бытия и общественного сознания, а реально существующие закономерности этого отношения, формы и способы взаимодействия двух сторон данного отношения. Однако закономерности эти столь многообразны, к тому же с развитием и изменением

общественного бытия и общественного сознания они сами не остаются неизменными, что можно смело сказать: предмет, которым занимается исторический материализм, неисчерпаем. Поэтому нет нужды дополнять, как это делает П. В. Алексеев, определение философии как науки «о всеобщих чертах, законах отношения мышления к природе и обществу» тем, что это одновременно «наука о наиболее общих свойствах, связях, отношениях, законах и формах действительности» [6, 91]. Более того, характеристика законов, свойств, связей и отношений в качестве всеобщих схватывается мышлением именно в ракурсе соотношения предельно широких философских категорий, каковыми являются материя и сознание.

Представляется, что такое понимание предмета исторического материализма поможет освободиться от тех трудностей и логических противоречий, о которых речь шла выше. Исторический материализм изучает действительно всеобщее, потому что отношение общественного бытия и общественного сознания — это всеобщее отношение, не только характерное, но и существенное для общественной формы движения материи. Вместе с тем его исследование предполагает анализ этого отношения на разных уровнях абстракции, в разных формациях, в различных общественных явлениях. И именно это дает ключ как к вычленению истматовских категорий, так и для их систематизации.

II. Второй вопрос, на котором хотелось бы остановиться, с чего начать построение системы. В последние годы данный вопрос обсуждался в 2-х аспектах: во-первых, на основе каких признаков выделить исходное понятие («клеточку» системы) и, во-вторых, какую конкретно категорию считать таковой «клеточкой».

Отложим пока рассмотрение 2-го аспекта проблемы и сосредоточим внимание на первом. В настоящее время в ряде работ дается характеристика «клеточки», т. е. исходного понятия марксистской философии в целом или только исторического материализма (см. работы П. В. Алексеева, М. Н. Алексеева, Ю. К. Плетникова, А. Д. Шершунова и др.). Тезисы докладов, изданные в Челябинске в 1980 г. к республиканскому совещанию по проблемам систематизации категорий исторического материализма, показывают, что поиски «клеточки» овладели умами многих авторов.

Опираясь на известную ленинскую характеристику марксизма анализа капиталистического общества, большинство исследователей выделяет следующие признаки «клеточки»:

1. Она должна выражать специфику изучаемого объекта («изучаемого целого», — как пишет А. Д. Шершунов [10, 25]), или «специфику социальной действительности по сравнению с процессами природы», — по определению Ю. К. Плетникова [9, 34];

2. Быть массовым, повторяющимся общественным явлением;

3. Заключать в неразвернутой форме все главные противоречия изучаемого целого.

В ряде случаев подчеркивается, что «клеточка» не только массовидна, но и отражается на эмпирическом уровне. Наиболее четко эта мысль выражена у А. Д. Шершунова, который даже связывает необходимость выделения «клеточки» с установлением некоторого единства этапов научного познания во всех без исключения научных дисциплинах: «Необходимость выделения «клеточки» социального целого в качестве одной из первоначальных категорий определяется тем, что исторический материализм как наука о сущности общественной жизни должен начать исследование этой сущности подобно любой науке с явлений, фактов, опираясь на эмпирическую основу» [10, 21]. Отсюда ясно, что «клеточка» отождествляется с явлениями, фактами, обладающими признаками массовидности, т. е. с чем-то конкретно-чувственным, эмпирически очевидным.

С такой трактовкой исходной философской категории трудно согласиться. Поскольку речь идет о развертывании философской системы, постольку возникает вопрос, что же является эмпирическим базисом этой системы и тождествен ли он эмпирическому базису любой другой науки? Думаю, что на последний вопрос следует ответить отрицательно. Специфика философии как раз в том, что для нее питательной основой являются результаты, добытые в ходе научного познания, практики, ставшие элементами человеческой культуры. Именно они составляют базис, без которого не может ни существовать, ни развиваться философия. Конечно, и к этой основе можно применять понятия «факты», «эмпирический базис» и т. д., но при этом нужно помнить, что это факты и эмпирия другого рода, чем в естественных, технических или конкретных общественных науках. Здесь в роли фактов выступают понятия, законы, проблемы, методы других наук и социальной практики.

Поэтому, как мне кажется, было бы неверно искать исходную категорию для построения философской системы в том

эмпирически очевидном, массовидном, что схватывается и отражается на непосредственно-чувственном уровне. Восхождение от абстрактного к конкретному само по себе требует в качестве предварительного условия выработки ряда теоретических абстракций. И это справедливое для любой науки требование тем более необходимо учитывать, когда речь идет о философии. Следовательно, исходное понятие нужно искать не в самих явлениях действительности, с которыми мы непосредственно сталкиваемся в своей повседневной жизни, а в тех абстракциях, которые выработаны долгим путем философских исканий и которые наиболее полно выражают ее специфику.

Думаю, что понятие «клеточки» вообще не рационально употреблять по отношению к исходной для построения системы философских, в том числе и истматовских категорий.

Вспомним, что о «клеточке» Маркс говорит всего один раз в предисловии к первому изданию «Капитала». Разумеется, все, даже единожды сказанное Марксом, представляет научную ценность. Но все же «учения о «клеточке», как об этом иногда пишут в нашей литературе, у него нет. Воспроизведем соответствующее место из предисловия: «Форма стоимости, получающая свой законченный вид в денежной форме, очень бессодержательна и проста. И, тем не менее, ум человеческий тщетно пытался постигнуть ее в течение более чем 2000 лет, между тем как, с другой стороны, ему удался, по крайней мере приблизительно, анализ гораздо более содержательных и сложных форм. Почему так? Потому что развитие тела легче изучать, чем клеточку тела. К тому же при анализе экономических форм нельзя пользоваться ни микроскопом, ни химическими реактивами. То и другое должна заменить сила абстракции. Но товарная форма продукта труда, или форма стоимости товара, есть форма экономической клеточки буржуазного общества. Для непосвященного анализ ее покажется просто мудрствованием вокруг мелочей. И это действительно мелочи, но мелочи такого рода, с какими имеет дело, например, микроанатомия» [2, 6]. Как видно из приведенного отрывка, Маркс, во-первых, называет здесь клеточкой тот элемент целого, из которого исторически развивается это целое, который поэтому содержит в себе в свернутом виде существенные черты целого, и, во-вторых, показывает, что изучить, понять, объяснить клеточку можно лишь при определенной зрелости самого целого. Логическое и историческое здесь совпадает: изучение буржуазного общества начинается с его «клеточки» — товара, но выделение последнего и его анализ стали возмож-

ны лишь на том высоком уровне товарного производства, когда сама рабочая сила превратилась в товар. Прекрасную характеристику логики исследования товарного производства, совпадающей с его историческим развитием, дал В. И. Ленин в «Философских тетрадах» [4, 318].

Все эти положения, тем более их применение в научном анализе, классические образцы которого дали К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин, имеют огромное значение для разработки логики научного познания.

Тогда, когда анализу подвергается развивающийся объект и теоретически воссоздается его история, начинать надо с некоторой структурной единицы целого, которую Маркс образно назвал «клеточкой». При этом «клеточка» выделяется, как таковая, тоже не эмпирически, а в результате теоретических поисков и лишь на определенном уровне развития самого целого. Когда же речь идет о системе категорий философии, в том числе и исторического материализма, то здесь по отношению к исходной категории неприемлема характеристика части, из которой генетически порождается целое. Поэтому само понятие «клеточки» здесь не работает, оно отражает иную логику движения теоретической мысли, и потому лучше и правильнее говорить не о «клеточке», а об исходной категории или начале построения системы¹.

Иногда ссылаются на следующее указание В. И. Ленина, пытаясь доказать необходимость выделения простого, обычного, массовидного для построения затем философской системы: «Анализ вскрывает в этом простейшем явлении (в этой «клеточке» буржуазного общества) все противоречия (respective зародыши всех противоречий) современного общества. Дальнейшее изложение показывает нам развитие (и рост, и движение) этих противоречий и этого общества в Σ его отдельных частей, от его начала до его конца.

Таков же должен быть метод изложения (respective изучении) диалектики вообще (ибо диалектика буржуазного общества у Маркса есть лишь частный случай диалектики)» [4, 318.] Но во-первых, здесь ничего не говорится о системе категорий, а, во-вторых, речь идет об изложении и изучении диалектики, о раскрытии всеобщности ее законов и принципов в простей-

¹ Следует заметить, что в некоторых работах, особенно в книге П. В. Алексеева «Предмет, структура и функции диалектического материализма», проводится различие между «клеточкой» и «началом». Однако различие это не доведено до логического вывода о том, что при определении исходной категории вообще следует отказаться от поисков «клеточки».

шем, самом элементарном, повсеместно встречающемся. И В. И. Ленин требует обращения к этим простейшим примерам, на которых выявляется суть взаимопроникновения и связей противоположностей (отдельное — общее, случайное — необходимое, сущность — явление). О том, что речь идет именно о способах изучения, о примерах, совершенно ясно из слов В. И. Ленина, завершающих отрывок, из которого обычно цитируют только первые фразы: «Таким образом, в любом предложении можно и должно, как в «ячейке» («клеточке»), вскрыть зачатки всех элементов диалектики, показать таким образом, что всему познанию человека вообще свойственна диалектика. А естествознание показывает нам (и опять-таки это надо показать на любом простейшем примере) объективную природу в тех же ее качествах, превращение отдельного в общее, случайного в необходимое, переходы, переливы, взаимную связь противоположностей» [4, 321]. В этих словах прекрасно показано, что диалектика всеобща; она и в познании, и в природе; это видно на примере простейшего предложения, это же иллюстрирует естествознание. И надо уметь пользоваться простыми, массовидными примерами при изложении и изучении диалектики. Такова важная мысль В. И. Ленина. Но отсюда не следует, что систему категорий нужно начинать, например, с таких «ячеек», как «Иван есть человек» или «Жучка есть собака», хотя, конечно, в каждой из них содержится диалектика.

Итак, понятие «клеточка» во многом метафорично; не случайно В. И. Ленин всегда берет его в кавычки. Но если уж употреблять его в качестве научного понятия, то оно хорошо и образно отражает сочетание зародышевого состояния объекта и его дальнейшей истории и может быть применено при характеристике и анализе способов исследования генезиса сложных развивающихся объектов.

Что же касается исходной категории (или начала), о чем собственно и следует говорить при построении системы категорий, то она должна, во-первых, выражать специфику исторического материализма; во-вторых, быть предельно абстрактной; в-третьих, сразу же задавать методологическую основу для анализа связей и отношений всех других категорий системы. О том, что именно и почему целесообразно полагать в качестве такового начала, следует поговорить отдельно в связи с категорией деятельности.

III. Начиная с конца 60-х годов, в философской литературе стали появляться отдельные статьи, а позже и монографи-

ческие работы, посвященные исследованию данной категории. Хотелось бы сразу со всей определенностью сказать, что, хотя я и не принадлежу к сторонникам того взгляда, что именно с этого понятия следует начинать изложение и построение системы категорий истмата, однако я вовсе не отрицаю ни значения категории деятельность, ни заслуг авторов, разрабатывающих ее. Такую оговорку следует сделать, т. к. порою создается превратное впечатление, что все те, кто не считает деятельность исходной категорией, тем самым, якобы, недооценивают эту категорию вообще и являются чуть ли не ретроgrадами, отстаивающими вчерашний день нашей науки.

К сожалению, примерно такой акцент сделан в статье М. С. Кагана «Еще раз о философском анализе человеческой деятельности», написанной как ответ на статью М. Я. Ковальзона «Философский анализ человеческой деятельности» [7, 7]. Не вдаваясь в существо полемики между этими глубоко уважаемыми мною авторами и высоко оценивая книгу М. С. Кагана «Человеческая деятельность», не могу вместе с тем не заметить, что в полемическом задоре М. С. Каган по сути дела обошел основную аргументацию, содержащуюся в статье М. Я. Ковальзона, и сосредоточил внимание на том, чтобы доказать, как важно и нужно исследовать в философии категорию деятельности. Это несомненно, как несомненен и тот факт, который внес сам М. С. Каган в эту разработку. Кстати, если отбросить некоторые неудачные выражения, содержащиеся в статье М. Я. Ковальзона, последний вовсе не отрицает ни того, ни другого.

Но если это так, то в чем же разногласия? М. С. Каган придает категории деятельность роль исходной категории, своеобразного начала исследования. Вот как раз с этим-то и трудно согласиться.

Отстаивая свою позицию, М. С. Каган ссылается на Маркса, в трудах которого он без всяких колебаний и сомнений усматривает подтверждение своей позиции. Отметив, что в статье М. Я. Ковальзона «так и остается неясным, является все-таки категория «деятельность» «исходной» или не является», М. С. Каган далее пишет: «Однако К. Маркс дал четкий и недвусмысленный ответ на этот вопрос, назвав «исходным пунктом» изучения общества именно материальную деятельность человека. Во «Введении» к «Критике политической экономии» он писал: «Индивиды, производящие в обществе,—а, следовательно, общественно-определенное производство индивидов,—таков, естественно, исходный пункт» [7, 43]. Но, во-

первых, деятельность и материальная деятельность, которую, по словам автора статьи, Маркс назвал исходным пунктом,— это не одно и то же; и, во-вторых, словам Маркса об индивидах, производящих в обществе, непосредственно предшествует подзаголовок «Производство» и следующая за ним фраза: «Предмет исследования—это прежде всего материальное производство» [3, 17]. Следовательно, Маркс говорит об исходном пункте анализа производства, потребления, распределения и обмена, и выделяет при этом материальное производство. Здесь и речи нет об историческом материализме и исходном для этой науки пункте исследования. При этом из деятельности, естественно, вычлениается материальное производство.

Думается, что нельзя сделать такого абсолютно однозначного вывода, как это делает М. С. Каган («таков действительный, исходный пункт марксистского философского анализа общества») [7, 44], и из хорошо известного положения «Немецкой идеологии»: «Предпосылки, с которых мы начинаем... это действительные индивиды, их деятельность и материальные условия их жизни, как те, которые они находят уже готовыми, так и те, которые созданы их собственной деятельностью» [1, 18]. Если поставить эту цитату в общий контекст соответствующей главы «Немецкой идеологии», то станет ясно, что Маркс противопоставляет идеологическому пониманию истории, любым конструкциям, основанным на «Духе», «Разуме», «Самосознании», живых индивидов с их деятельностью и условиями существования. Это и есть общество. Но его необходимо объяснить, а для этого нужен теоретический аппарат, система категорий, благодаря которой мы переходим от констатации эмпирически очевидного факта: индивиды, их деятельность, условия их существования к теоретическому анализу, к выделению определяемого и определяющего, первичного и вторичного. А этого нельзя сделать, положив в основу системы категорию деятельности.

Будем объективны. М. С. Каган не говорит прямо о деятельности как исходном пункте системы категорий истмата, он говорит об исходном пункте исследования. В отличие от него целый ряд авторов находят «клеточку» именно в деятельности, а затем стремятся вывести из нее категории исторического материализма. Сборник тезисов докладов по проблемам систематизации категорий исторического материализма (Челябинск, 1980) свидетельствует о том, что число сторонников этой точки зрения стремительно возрастает. А между тем, как мне представляется, категория деятельности, положенная в

основу философской системы, ведет к смешению материализма и идеализма.

Вот так!
Вот так!
Вот так!
Дело в том, что эта категория обладает не сразу различным коварством: деятельность (и это справедливо также в отношении практики, труда) всегда направляется сознанием, она включает в себя момент целеполагания. Употребляя известное выражение Маркса, следует сказать, что цель, как закон, определяет и направляет деятельность. Именно поэтому, когда в основу философской системы кладется деятельность, практика или труд, то это на первый взгляд кажется очень материалистичным, а на деле с того самого момента, когда мы это сделали, почва материализма начинает уходить из-под наших ног, то бишь системы. Потому что признав сознательный, целеполагающий характер деятельности, мы легко можем заключить, что сознание и есть основа деятельности, а значит и общественной жизни. Нет нужды оговариваться, что никто из советских авторов такого заключения не делает и потому записывать их в разряд сторонников «Праксиса» по меньшей мере бестактно. Но и забывать уроки «Праксиса» непозволительно. Естественно, не для того, чтобы вставать в позу непогрешимых и грозить кому-то ярлыками, а для того, чтобы делать выводы из опыта истории. Признание практики в качестве основы философской системы привело, как известно, к субъективации самой практики, и не спасло сторонников «аутентичного» марксизма от идеализма. Ни практика, ни труд, ни тем более деятельность не есть начало и основа материалистической системы категорий; взятые беспредпосылочно, они могут привести к субъективно-идеалистическим ошибкам, когда практика или деятельность субъективируются. Следовательно, в основу системы должны быть положены такие категории, используя которые можно было бы любую последующую категорию, в том числе и деятельность, практику, труд истолковать и осмыслить диалектико-материалистически. Такими исходными категориями, на мой взгляд, могут быть только общественное бытие и общественное сознание.

В защиту своей позиции сторонники критикуемой здесь концепции приводят обычно следующее соображение: деятельность не может быть интерпретирована идеалистически, поскольку истмат—это часть общей философской теории марксизма, носящей последовательный диалектико-материалистический характер. Но, во-первых, общая материалистическая предпосылка не приводит автоматически к материалистическому пониманию общества. История философии в прошлом

и настоящем — тому доказательство. Найти объективную, материальную основу человеческой истории чрезвычайно сложно и в общей теории, и в конкретных исследованиях. Сделать это тем более сложно, если не сказать безнадежно, если идти в исследовании от категории, отражающей единство субъективного и объективного.

А, во-вторых, такое возражение оборачивается как раз против тех, кто его выдвигает. Исторический материализм, действительно, неразрывная часть марксистской философии. Это тот же диалектический материализм, но на ином уровне, конкретизированный применительно к обществу. Поэтому принцип единства диалектического и исторического материализма должен стать одним из основных принципов построения системы категорий истмата. Можно в известном смысле сказать, что содержание этих категорий и их система проверяется соответствием содержанию и системе категорий диалектического материализма. Разумеется, такое соответствие вовсе не является единственным, а тем более последним критерием, но это уже особый вопрос, выходящий за рамки обсуждений проблемы. И подобно тому, как философская система, в том числе и марксистская, строится на базе соотношения предельно широких философских категорий — материя и сознание, подобно этому и основанием, исходным пунктом, началом системы категорий истмата должны быть общественное бытие и общественное сознание.

Данные категории не могут быть выведены из других в силу их предельной для философии общности. Они и выступают первоначально как наиболее абстрактные категории, соотношение которых позволяет вырабатывать принцип подхода к интерпретации всей системы, а в конечном счете к объяснению общественных явлений, человеческой истории. Первоначально речь идет и может идти именно о принципе, сформулированном в самой абстрактной форме. Его еще нельзя раскрыть, нельзя даже доказать его истинность, потому что то и другое возможно сделать лишь в движении от абстрактного к конкретному, т. е. через систему категорий и применение ее к объяснению общественной жизни.

Очень важно иметь в виду и то обстоятельство, что категории общественного бытия и общественного сознания, положенные в основу системы, не только дают возможность последовательно провести материализм через всю систему в целом, но и «задают» философский угол зрения движению категорий. Сейчас трудно сказать, как будет строиться эта система, но

почти наверняка, не однолинейно. Каждый ряд, виток или блок категорий этой системы должны наполнять все более и более конкретным содержанием соотношение общественного бытия и общественного сознания. Абстрактные вначале, эти же категории в конце (относительном конце, поскольку речь идет об открытой системе) обогащаются всем предшествующим содержанием. Но это содержание ограничено рамками предмета истмата, и поэтому каждая категория раскрывает ту или иную сторону этого предмета. В том же случае, когда понятие или блок понятий не дают конкретизации основного вопроса философии применительно к обществу, то такие понятия должны быть вынесены за пределы системы категорий истмата. Их место — в системе других научных дисциплин.

IV. При разработке системы категорий исторического материализма важно, как мне представляется, обратить внимание еще на один вопрос, который, хотя и является частным по отношению к ранее поставленным, но тем не менее имеет принципиальное значение. Речь идет о введении категории «практика» систему истматовских категорий и об определении ее места и роли в этой системе.

Дело в том, что вплоть до настоящего времени в учебниках и учебных пособиях категории «практика» отводится недопустимо скромное место: она раскрывается только в курсе диалектического материализма, да и то преимущественно в связи с теорией познания. Что же касается исторического материализма, то в этом курсе вопрос о практике вообще не ставится. Этого пробела не могут восполнить такие темы, как классовая борьба, социальная революция, присутствующие в любом учебном пособии по философии. Не могут, потому что ни одна из них не заменяет общей характеристики социально-преобразующей деятельности. К тому же последняя не ограничивается классовой борьбой. А как быть с обществом, где эта борьба отсутствует? Разве там нет социальной практики? Стоит только поставить эти вопросы, как становится очевидным необходимость исследования практики, направленной на преобразование общественного бытия, в ее всеобщих характеристиках и основных формах проявления.

Введение практики в систему категорий истмата — необходимый момент в разворачивании категорий от самых абстрактных, исходных к более конкретным. Для понимания общественной жизни недостаточно указания на первичность общественного бытия и вторичность общественного сознания. Этот важнейший методологический принцип — только необходимое

условие и вместе с тем начало научного познания. В соответствии с этим философский подход к любому явлению общественной жизни предполагает исследование его материальной и идеальной сторон или субъективного и объективного моментов, а также анализа их соотношения с учетом определяющей роли общественного бытия.

Восхождение от абстрактного к конкретному предполагает далее выделение в самом соотношении общественного бытия и общественного сознания двух взаимосвязанных, но не тождественных сторон, или аспектов. И подобно тому, как при рассмотрении основного вопроса философии мы выделяем онтологический и гносеологический аспекты, точно так же можно и должно видеть и не смешивать онтологическую и гносеологическую стороны основного вопроса исторического материализма.

Стержень онтологического аспекта — проблема материального единства мира, т. е. признания сознания — свойством, проявлением высокоорганизованной материи. В этом аспекте нет и не может быть абсолютного противопоставления материи и сознания. Гносеологический аспект предполагает абсолютное противопоставление сознания материи, т. е. отраженного и отражаемого, образа и оригинала¹.

В историческом материализме онтологический аспект исследования — это изучение единства и взаимовлияния общественного бытия и общественного сознания в ходе социально-исторической практики. Расчленив общественное бытие и общественное сознание на противоположности, мы затем переходим к их конкретному единству, которое реально осуществляется на практике. Признание первичности общественного бытия дает ключ к материалистическому истолкованию практики, а практика, в свою очередь, открывает возможность для анализа происхождения общественного сознания и его роли в изменении общественного бытия.

Представляется, что выделение онтологического аспекта истмата и конституирующей роли категории «практика» в этом

¹ В этой связи хотелось бы отметить, что данная постановка вопроса принципиально отличается от той, которую развивает М. П. Алексеев в книге «Предмет и структура марксистской гносеологии» (М., 1973): Не могу согласиться ни с отрицанием этим автором онтологического аспекта марксистской философии, ни с утверждением об абсолютной противоположности материи и сознания, когда речь идет о 1-й стороне основного философского вопроса, и об относительной — когда речь идет о 2-й стороне этого вопроса. Абсолютно противопоставив материю и сознание в рамках 1-й стороны основного вопроса философии, мы неизбежно придем к выводу о субстанциональности сознания.

аспекте позволяют философски осмыслить те темы, которые с большой долей насилия укладываются в истмат, когда последний определяется как наука о наиболее общих законах развития общества. Ведь совершенно ясно, что, например, классовая борьба не является таким всеобщим законом. Значит, следуя логике определения, эта тема не входит в исторический материализм, а вместе с тем совершенно очевидно, что без анализа этой проблемы изучение общества невозможно.

Введение категории «практика» сразу же снимает эти трудности. Рассматриваемое в онтологическом плане соотношение общественного бытия и общественного сознания предполагает раскрытие механизма «перевода» идеального в материальное. Такой перевод осуществляет общественно-историческая практика людей. Отсюда необходимость изучения ее роли, форм, субъектов, объекта и т. д. В этой сетке находят место и приобретают философский угол зрения вопросы классов, как исторических субъектов практики, государства, общественных институтов, как специфических для общества орудий исторической практики и т. д.

Онтологический аспект, таким образом, должен быть представлен рядами философских категорий, позволяющих дать метод изучения происхождения общественного сознания и его роли в изменении и преобразовании общества на основе практики.

Что же касается гносеологического аспекта, то и в этом случае конкретизация общественного сознания как отражения общественного бытия возможна лишь при анализе роли практики. Хорошо известно, что переворот, произведенный Марксом в философии, связан с преодолением созерцательности старого материализма. Но если уже в общефилософском плане научная гносеология строится на базе изучения роли практики, то это тем более важно при исследовании познания социальных процессов. В этом случае отражение сложнейшим образом опосредовано практикой классов, их интересами, институциональным воздействием на общественное сознание государства и общественных организаций. Поэтому в рядах философских категорий, воссоздающих теоретическую модель отражения общественного бытия общественным сознанием, вновь, но теперь уже под новым углом зрения, мы обращаемся к классам, народным массам, государству. Теперь они интересуют нас уже как субъекты познания и практики, через посредство которой осуществляется отражение общественного бытия социальным субъектом.

Наконец, хотелось бы отметить, что включение практики в систему истматовских категорий позволит конкретизировать и уточнить предмет этой науки. В 1-м разделе была сделана попытка дать понятие об историческом материализме как науке, изучающей закономерности соотношения общественного бытия и общественного сознания. Сейчас настало время подчеркнуть, что эти закономерности не сводимы к гносеологическим. На таком одностороннем понимании, кстати сказать, строят свои возражения те, кто опасается, что данное определение предмета истмата ведет к гносеологизму. На самом деле исторический материализм призван исследовать закономерности соотношения общественного бытия и общественного сознания во всем их многообразии, а отнюдь не только теоретико-познавательные. Его задача — раскрыть общие законы, механизм движения от материального к идеальному в обществе, и от идеального вновь к материальному с помощью и на основе практической деятельности людей. Именно поэтому истмат и его категориальный аппарат дают методологическое орудие как познания, так и преобразования общественной жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 3.
2. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 23.
3. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. 1.
4. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29.
5. Материалы XXVI съезда КПСС. М., ИПЛ, 1981.
6. Алексеев П. В. Предмет, структура и функции диалектического материализма. МГУ, 1978.
7. Каган М. С. Еще раз о философском анализе человеческой деятельности. — Вестник МГУ, серия 7, № 3, 1980.
8. Ковальзон М. Я. Философский анализ человеческой деятельности. — Вестник МГУ, серия 7, № 2, 1978.
9. Плетищев Ю. К. Некоторые направления разработки теории исторического материализма. — Коммунист, № 17, 1978.
10. Проблемы систематизации категорий исторического материализма. Челябинск, 1980.
11. Тугаринов В. П. Соотношение категорий исторического материализма. МГУ, 1958.
12. Шершунов А. Д. Категории исторического материализма в их взаимосвязи. М., 1975.

НА ПУТЯХ К СИСТЕМЕ ЗАКОНОВ И КАТЕГОРИИ ИСТОРИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА

Система законов и категорий исторического материализма — объективный итог развития науки.

Исторический материализм на всем протяжении своего вот уже скоро полуторавекового развития непрерывно анализирует, открывает новые стороны, грани, соотношения и т. д. общественной жизни, непрерывно пополняется, обогащается новым содержанием. Каждый шаг его эволюции — это наступление на неизвестность, это появление новых выводов, определенная переоценка уже достигнутого. Это непрерывное обогащение, постоянный охват новых сторон общественной жизни — неотъемлемая черта научного познания.

Именно эта сторона исторического материализма прежде всего привлекает к себе внимание, когда исследуется вопрос о его развитии.

Вместе с тем процесс развития исторического материализма выражается и в иных, более глубоких, показателях. Речь идет о самой специфике философско-социологической науки, ее предмете, системе ее законов и категорий. Иначе говоря, развитие исторического материализма выражается в более глубоком научно точном понимании его предмета, его специфики, в том числе и системы его законов и категорий.

Для правильного понимания этого результата научного развития исторического материализма следует, на наш взгляд, подчеркнуть следующие моменты.

Во-первых, система законов и категорий исторического материализма есть нечто изменяющееся, развивающееся. Конечно, динамизм системы исторического материализма иного плана, чем, скажем, изменение самой тематики исторического материализма. Здесь больше ощущается стабильность, устойчивость всего, так сказать, системно-структурного каркаса исторического материализма, в определенной мере инвариантного по отношению к смене новых тем, проблем в историческом материализме. И тем не менее в этой области есть своя эволюция, свое движение, углубление познания. Выражается это движение, например, в большей внутренней упорядоченности, организованности всего материала исторического материализма.

лизм, в более четком уяснении связей его законов и категорий, в более методологически обоснованном разграничении тематики исторического материализма и смежных наук, и как результат всего этого — в более направленном, точном, философско-социологическом анализе проблем общественной жизни. Крупные качественные этапы в развитии исторического материализма поэтому представляют собой одновременно и стадии в преобразовании, развитии его системной природы.

Во-вторых, продвижение в области систематизации исторического материализма есть именно объективный результат общего развития науки. Это особо важно подчеркнуть в связи с тем, что непосредственно фиксируемых общественных причин исследования системы законов и категорий нет. Если, например, активизацию исследования проблем НТР можно и должно связать с реальным развертыванием НТР, то аналогичную зависимость изучения системы законов и категорий исторического материализма установить не удастся. Это обстоятельство порождает иллюзию, что импульсы в разработке системы исторического материализма содержатся в субъективных факторах, в интересах определенных лиц и т. д. Такого рода иллюзии серьезно сдерживают успешную разработку данной проблематики. Конечно, систематизацией исторического материализма, как и вообще любой проблемой в науке, занимаются люди, специалисты. Но занимаются они ею не просто потому, что это интересно, занимательно и т. д. Нет, именно общее, так сказать, фронтальное развитие исторического материализма достигает на определенных этапах такого уровня, что оно требует серьезного пересмотра, углубления, нового осмысления самой специфики данной науки, его систематизации. Именно в этом смысле развитие системы законов и категорий исторического материализма выступает объективным итогом, объективной потребностью исторического материализма. Эта потребность не только не зависит от склонностей, интересов специалистов, но, напротив, сама определяет эти профессиональные интересы.

Таким образом, собственно развитие философско-социологической науки проявляется не только в том, что в круг проблем исторического материализма входят новые темы, скажем, НТР, проблемы стран третьего мира и т. д. и т. п., но и в том, что на каждом этапе углубляется понимание сути данной науки, ее собственной системной организации.

Эти две стороны, эти противоположности единого процесса развития исторического материализма находятся в неразрыв-

ном единстве. Прежде всего эти стороны невозможны друг без друга. Так, если б не было в историческом материализме развития своей системности, цельности, если б не было в нем этого, так сказать, единого развивающегося стержня, то постоянное обновление исторического материализма привело бы просто к саморазрушению этой науки. Особо это нужно сказать именно об историческом материализме, науке, бесконечным количеством связей соотносенной со всем общественным, со всей общественной практикой.

В этих условиях развитие системного базиса исторического материализма как бы увязывает, объединяет все эти исследования, направляя их по одному руслу — руслу философско-социологического познания общества, т. е. создает условия для сохранения исторического материализма со всем множеством его проблем.

Но если бы не было и многообразия всех исследований исторического материализма, если б философско-социологическому анализу не подверглись самые разнообразные проблемы общественной жизни — и производство, и политика, и революция, и культура, и многое-многое другое, — то без этого не выявилась, не развилась бы и системность, присущая историческому материализму как науке, не вскрылись бы именно те связи и зависимости общественной жизни, которые и составляют саму основу философско-социологического познания общественной жизни.

Непрерывное обогащение проблематики исторического материализма, с одной стороны, и все более четкое оформление его устойчивых, системных связей, с другой, не только взаимобусловливают, но и стимулируют, способствуют развитию каждой из этих сторон. Чем богаче материал исторического материализма, чем интенсивнее работает эта наука, чем шире захватывает она в орбиту своего анализа вопросы общественной жизни, тем благоприятнее условия для развития ее специфики, ее системной природы. Точно так же развитие системы законов и категорий исторического материализма способствует подъему на новый уровень всего исторического материализма.

Не для инвентаризации науки, не для установления пределов нужна система законов и категорий, а для того, чтобы более глубоко понимать ее собственную суть, чтоб понимать, где, как и почему ее возможности в познании общества окажутся наиболее полезными. Следовательно, чем глубже мы понимаем, что такое система законов и категорий исторического ма-

териализма, чем полнее и сознательнее на нее опираемся в изучении общественной жизни, тем эффективнее, глубже, все-стороннее это познание, тем лучше отвечает исторический материализм запросам, которые предъявляет ему и общественная практика и общественная наука.

Мы считаем особо необходимым подчеркнуть эту связь разработки системы законов и категорий исторического материализма с творческим развитием исторического материализма не только потому, что она важна сама по себе. Мы тем самым хотим возразить тем, кто вольно или невольно противопоставляют анализ современных общественных вопросов в историческом материализме изучению таких проблем, как система его законов и категорий. В представлении некоторых товарищей бытует точка зрения, что если исторический материалист занимается, скажем, экологической ситуацией, то он связан «с жизнью», а если же он изучает систему законов и категорий, то он «уходит от жизни». Подобное противопоставление в корне ошибочно.

В историческом материализме связь с жизнью, с современной действительностью определяется не самими проблемами, а уровнем их разработки, умением использовать все богатство их философско-социологического содержания. Поэтому в равной степени могут быть как органично, так и мало связанными с современностью работы, посвященные системе законов и категорий исторического материализма, и работы, описывающие, например, процессы НТР.

Мы понимаем актуальность, связь с современностью разработки системы законов и категорий исторического материализма в том смысле, что она выступает методологической основой глубокого философски-всестороннего изучения любого вопроса современной общественной жизни.

Если же эта база развита недостаточно, если исследователь не вполне ясно себе представляет систему законов и категорий исторического материализма, принципы их использования в познании общественной жизни, то и философско-социологический анализ современности становится очень расплывчатым, нечетким. Не этим ли объясняется тот факт, что появилось немало работ, претендующих на философско-социологический статус, в которых полным-полно самых разных фактов, но в которых нет одного — философско-социологической культуры исследования. Читая эти работы, видишь, что от самого главного, что автор обязан был сделать и на что он претендовал: от философско-социологического анализа дан-

ного явления, он уклонился, замаскировав свою слабость обилием фактов, цифр, имен, дат и т. д.

Разработка системы законов и категорий исторического материализма, вытекающее из нее повышение философско-социологической культуры исследования должно служить углублению изучения всех проблем современности, а, значит, и преодолению той поверхности подхода к проблемам, который еще дает о себе знать.

Два основных этапа развития системы законов и категорий исторического материализма

Основопологающие начала системы законов и категорий исторического материализма разрабатывались К. Марксом, Ф. Энгельсом, В. И. Лениным. Это выражалось прежде всего в том, что классики марксизма-ленинизма не просто открывали те или иные законы, но каждый раз определяли их место в обществе, а значит и в целостной системе философско-социологических знаний. Например, К. Маркс и Ф. Энгельс, раскрыв законы материально-производственной деятельности человека, показали их основополагающую роль во всей жизни общества.

По существу, и ко всем другим законам общественной жизни классики марксизма-ленинизма подходили с системных позиций, раскрывая определенные связи, зависимости между различными сторонами жизни общества. Это проявилось в раскрытии соотношений общественного бытия и общественно-го сознания, материальных и идеологических отношений, базиса и надстройки, экономики и политики, производительных сил и производственных отношений, классов и наций, классов и государства, общества и личности, общества и природы, понимании общественно-экономической формации как целостного организма и во многих других вопросах. Все эти взаимосвязи, зависимости, открытые и обоснованные классиками марксизма-ленинизма, выступают исходным содержанием систематизации законов и категорий исторического материализма. Без них — этих классических положений — разработка системы законов и категорий исторического материализма невозможна.

Вместе с тем остается фактом, что специально классики марксизма-ленинизма вопросом о системе законов и категорий исторического материализма не занимались. Этот вопрос — уже на уровне отдельного рассмотрения — решался в ходе последу-

ющего развития исторического материализма. Особо важный вклад в его разработку внесли советские философы.

Рассматривая общую эволюцию в развитии исторического материализма в СССР с 1917 года до сегодняшних дней, можно отметить два важных этапа, когда вопрос о системе законов и категорий исторического материализма ставился на новой качественной основе. Первый из таких этапов связан с более четким тематическим размежеванием диалектического и исторического материализма. Произошло это размежевание примерно в начале 30-х годов. Второй этап связан с разведением тематики исторического материализма и теории научного коммунизма. Произошло это разведение в 50-х—60-х годах.

Два эти рубежа озаменовались существенными изменениями в историческом материализме. В это время происходило не простое разделение тем, когда одни из них изымались, отпочковывались от исторического материализма, а другие конституировались именно как философско-социологические. Такое разделение тем, выделение собственно философско-социологической проблематики со всей остротой ставило вопрос о необходимости уяснения самой специфики данной науки, принципов связи ее законов и категорий, т. е. о системе данной науки. Вот почему указанные два этапа представляют собой не просто вехи в общей эволюции марксистско-ленинских философских знаний, но и качественно переломные моменты в развитии системных представлений в области исторического материализма.

Как нам представляется современный период в развитии исторического материализма характеризуется тем, что вызывает новый этап в развитии системных идей исторического материализма. Этот этап связан с намечающимся размежеванием тематики исторического материализма и глобальных проблем современности. Пока что место в науке глобальных проблем современности четко не определено. Но по характеру своему они очень близки к историческому материализму и, видимо, поэтому развиваются в самой тесной связи с историческим материализмом, зачастую не отделяясь от общей его проблематики.

Думается, такое состояние является переходным. По мере развития и исторического материализма, и глобальных проблем современности возникает необходимость в более четком определении их взаимосвязи, включающем в себя и тематическое разведение этих проблем. В связи с выдвижением этой проблемы вопрос о системе законов и категорий историческо-

го материализма, несомненно, обнаружится в своих новых аспектах. Это и будет новым, третьим этапом в развитии систематизации исторического материализма.

Основные достижения в систематизации законов и категорий исторического материализма в СССР

В настоящее время уже можно считать в основном установившимся круг законов, категорий, тем, проблем и т. д., которые разрабатывает исторический материализм, раскрыты основные их соотношения. Основанием для такого вывода может служить обзор тем, проблем научных исследований, учебных пособий, программ по историческому материализму в СССР. Из этого обзора отчетливо видно, что при определенных модификациях подходов, трактовок, позиций и т. д., основной круг вопросов исторического материализма стабилен. Такое состояние можно считать значительным завоеванием философской науки.

Установление определенного общепризнанного состава законов и категорий исторического материализма не означает вместе с тем, что вопросы выявления, истолкования внутренних связей самой философско-социологической науки окончательно решены. Ведь сама по себе эта стабилизация не означает автоматического появления соответствующего теоретически развернутого понимания данной системности. Она лишь создаст надежную фактическую базу для развития этого понимания, так сказать, очеркивает плацдарм для теоретического исследования в этой области. Стабилизация законов и категорий исторического материализма в определенном смысле даже заостряет, актуализирует проблему систематизации философско-социологического знания, более наглядно вскрывает имеющиеся в этой области недостатки.

Поэтому вполне понятно, что в последние десятилетия вопрос о системе законов и категорий исторического материализма привлекает к себе все большее внимание исторических материалистов в СССР.

Пожалуй, еще преждевременно утверждать, что сложилось общепринятое понимание системы законов и категорий исторического материализма. Но и оснований для пессимистических оценок состояния разработки данной проблемы у нас нет. Ибо на современном этапе в результате длительного и сложного развития исторического материализма, появления соответствующих исследований вычленились некоторые принципы,

подходы, которые могут быть реальной основой для существенного продвижения в разработке системы законов и категорий исторического материализма. Мы бы выделили четыре таких принципа, подхода.

— I. Система законов и категорий исторического материализма складывается из определенных подсистем, групп законов и категорий.

Исходными элементами системы исторического материализма являются определенные законы, категории, принципы и т. д. Они и объединяются в определенную систему знания. Но объединение это не носит непосредственного характера, когда из отдельных законов, категорий и т. д. прямо складывается их система. На самом деле этот путь от вычленения отдельных элементов философско-социологического знания до их интеграции в целостную систему включает в себя своеобразный промежуточный этап — объединение определенных законов, категорий в подсистемы, группы категориальные ряды. Целостная же, общая система исторического материализма складывается именно как объединение этих подсистем, групп. Если пользоваться современной терминологией, то можно сказать, что система законов и категорий исторического материализма представляет собой своеобразную метасистему, включающую в себя системы более частного порядка.

Уяснение необходимости выделения указанных подсистем было значительным шагом на пути к более конкретной постановке вопроса о построении системы категорий исторического материализма. Оно — это уяснение — было достигнуто благодаря известным работам В. П. Тугаринова, Г. Г. Каравашева, Г. С. Арефьевой и некоторых других авторов [13; 5; 1; 3; 4].

II. Система законов и категорий исторического материализма включает в себя выделения определенных аспектов рассмотрения общества.

Известно, что общество, как объект философско-социологического исследования едино и целостно. Но оно же и многокачественный, многосторонний объект. Соответственно и целостность теоретического отражения общества отнюдь не противоречит тому, что можно и должно в рассматриваемом объекте вычленять различные стороны, грани и рассматривать их отдельно. Такой подход вполне оправдан. Именно для того, чтобы более адекватно отразить целостность общества, и необходимо правильно выделять искомые аспекты рассмотрения и реализовать их.

Идея многоаспектного рассмотрения общества наиболее

полно разработана в советской философско-социологической литературе применительно к анализу сознания общества. Мы имеем в виду разграничение познавательных, социологических и других аспектов общественного сознания, развитое в трудах В. Ж. Келле, М. Я. Ковальсона, А. К. Уледова, В. А. Ребрина и других [6; 14; 11].

Как нам представляется, методологическое значение этих разработок шире, чем собственно изучение духовной стороны жизни общества. Ведь если подобное разграничение эффективно применительно к изучению одной стороны, грани общественной жизни, то оно может быть столь же полезным и при изучении общества в целом.

Выделение различных аспектов при анализе общества в целом впервые было реализовано В. Ж. Келле и М. Я. Ковальсоном в их учебном пособии «Исторический материализм» [7; 8]. Эти авторы выделили два аспекта анализа общества: общество как естественноисторический процесс и как продукт деятельности людей. Как мы видим, здесь в основу деления положено не просто распределение законов и категорий, а выделение своеобразных ракурсов, аспектов, углов зрения на общественную жизнь.

Каковы они — эти аспекты, сколько их — до конца эти вопросы еще не решены. Но уже есть признание, что они могут быть разными. Важность этого признания в том, что оно показывает, что система законов и категорий исторического материализма допускает, что один и тот же закон, категория не обязательно связаны только с одной позицией. Он может рассматриваться неоднократно, но каждый раз в новом ракурсе, новом аспекте. Тем самым исторический материализм выступает многоплановым отражением общества. Образно говоря, он представляет не одноплоскостную фотографию, а своеобразное голографическое отражение общества.

III. Система законов и категорий исторического материализма включает в себя выделение различных уровней отражения общественной жизни.

Общественная жизнь как объект отражения в историческом материализме единая и целостная. Но это отнюдь не противоречит тому, что в рамках этой целостности выделяются различные уровни, то есть сущности разных порядков. Соответственно в историческом материализме как научной системе выделяются категории и законы разных степеней обобщения. Такая постановка вопроса позволяет преодолеть определенную одноплановость в историческом материализме, где все его законы

и категории рассматриваются как абстракции одного и того же масштаба обобщения.

Теоретическая реализация этой идеи позволяет представить систему законов и категорий исторического материализма как своеобразное многоуровневое отражение общественной жизни. При этом процесс познания общества, задаваемый данной системой, означает не просто «горизонтальное» познание общества, т. е., простой переход от анализа одной его части к другой, но и «вертикальное» движение, т. е. переход от одного уровня к другому, от одной сущности к другой, более глубокого порядка. Анализ системы законов и категорий исторического материализма в такой плоскости был начат в трудах В. П. Тугаринова, он также был осуществлен в наших работах, в трудах других авторов [13; 3; 4; 10].

В интерпретации уровней отражения общественной жизни, в системе законов и категорий исторического материализма имеются весьма существенные расхождения. Но важны сегодня не эти различия, а сама постановка вопроса об уровне дифференциации законов и категорий исторического материализма, ибо она дает основания надеяться на плодотворные перспективы в данном вопросе.

IV. Система законов и категорий исторического материализма включает в себя выделение основных сфер общественной жизни.

Исторический материализм невозможно себе представить без таких тем, как способ производства материальных благ, классы и классовая борьба, государство и его роль в обществе, общественное сознание, наука и т. д. Вместе с тем сам подход к подобным темам в историческом материализме не остается неизменным. Сегодня эти темы все чаще рассматриваются сквозь призму категории «основные сферы общественной жизни».

Такое изменение имеет принципиальное значение с точки зрения исторического материализма. Оно свидетельствует об однородности данных сторон общества, о их синтезировании в некоторую группу на базе этой однородности. Иначе говоря, в историческом материализме выделяется группа законов и категорий, которую можно обозначить — основные сферы общества, их связи. Группа эта очень отчетливо отделяется от других законов и категорий исторического материализма.

Разработка вопроса об основных сферах общественной жизни, о их связях и роли в обществе осуществлена в работах

А. К. Уледова, В. Г. Афанасьева, В. П. Рожина, М. В. Лашиной, В. И. Разина и других [2; 12; 9; 14; 15].

Конечно, здесь еще есть много спорного, в частности, относительно критериев деления основных сфер общества. Но сама идея выделения основных сфер, само стремление рассматривать многие частные проблемы исторического материализма сквозь более обобщенную призму — в рамках основных сфер общества — нам представляется весьма важным для дальнейшей разработки системы законов и категорий и исторического материализма.

Названные четыре принципа построения системы законов и категорий исторического материализма не являются строго логически разведенными. Скорее всего, они взаимопереходят друг в друга. Так, принцип выделения основных сфер общественной жизни может быть оценен как выделение определенной подсистемы, определенного уровня отражения общественной жизни. Но нас в данном случае интересует не сама по себе логическая строгость дифференциации данных принципов. Нам важно было, выделив эти принципы, показать, что в историческом материализме в СССР идет реальный и плодотворный процесс все более глубокого проникновения в сущность системы законов и категорий исторического материализма.

Два уровня отражения целостности общества в системе законов и категорий исторического материализма

Раскрытие системы законов и категорий исторического материализма включает в себя множество разных граней, аспектов и т. д. В прежних наших работах мы писали о системе законов и категорий исторического материализма именно как философской теории. Сейчас же мы хотим сформулировать некоторые соображения о системности исторического материализма как общесоциологического учения. При этом под общесоциологической теорией мы понимаем содержание исторического материализма, которое отражает прежде всего целостность общественного организма.

Исходя из высказанных выше соображений, мы считаем, что основное содержание исторического материализма может быть сгруппировано в четырех группах, блоках законов и категорий. Во-первых, это основные сферы общественной жизни: материально-производственная, социальная, политическая, духовная, законы их структуры, развития, функционирования. Во-вторых, — это законы структуры общества в целом. В-треть-

их,— это законы развития общества в целом. И, наконец, в-четвертых,— это движущие силы общества.

Выделение этих четырех блоков опирается в определенной мере на принципы систематизации законов и категорий исторического материализма, достигнутые и закрепленные в философско-социологической науке сегодня. Так, «сферный» подход реализован в выделении специального блока основных сфер общественной жизни. Идея разноаспектного отражения общества воплощена в дифференциации наиболее общих законов на законы структуры, развития, движущие силы, ибо различие между ними невозможно выявить, не учитывая именно разные аспекты жизни общества. И, наконец, уровневый критерий реализован в определенном разведении основных сфер общественной жизни, с одной стороны, и законов структуры, развития, движущих сил общества в целом—с другой, как отражающих разные уровни целостности общества.

По нашему мнению, общий системный критерий для оценки места и значения в историческом материализме того или иного закона или категории связан не просто с анализом их содержания и т. д. Прежде всего этот критерий связан с тем, как тот или иной закон или категория служат теоретическому отражению целостности общества. Если с этих позиций подойти к оценке выделенных четырех блоков законов и категорий исторического материализма, то можно сказать, что в них мы обнаруживаем два своеобразных образа, «портрета» целостности общества. Первый из них складывается на основе выделения основных сфер общества и их взаимосвязей. Второй— на основе выделения общих законов структуры, развития общества, его движущих сил.

Совершенно очевидно, что эти два образа общества как целостности и связаны и отличны один от другого. Остановимся вначале на их отличиях.

Так, основные сферы общественной жизни выступают как важнейшие компоненты, части общества. В этом смысле они являются системными элементами и несут на себе определенную печать, отражение всей системы, многогранности общественной жизни. Вместе с тем ясно, что эти важнейшие составные части общества не суть непосредственно характеристики общества именно как целостности. Поэтому анализ самих по себе материального производства, социальных отношений, политической структуры, системы образования и воспитания и т. д., не есть еще непосредственное описание общественной целостности. Аналогично, например, описание в отдельности

колес, кузова и т. д. еще не есть описание общих черт, свойств автомобиля.

С этих позиций понятно, в каком качестве выступает общество как целостность на уровне изучения основных сфер общественной жизни. Пока мы изучаем только материальное производство, только социальную жизнь и т. д., образа общественной целостности еще нет. Он появляется там и тогда, где и когда мы рассмотрели все основные сферы, где и когда мы их связали друг с другом. Вот тогда, в качестве определенно-го подытоживания, суммирования знания о всех сферах и их связях, мы можем сказать, что общество есть нечто большее, чем просто отдельные сферы, есть их связь, их единство, понимаемое как некая наличность целостности общества, отличная от своих частей. Но какова природа этой сложившейся целостности именно как целостности, каковы ее черты именно как целостности, на данном уровне нам еще не известно.

Ответы на эти вопросы мы получаем в историческом материализме тогда, когда рассматриваем общество с позиций общих законов структуры, развития, движущих сил общества. Ведь в историческом материализме законы и категории структуры общества такие, как общественно-экономическая формация, система общественных отношений, законы развития, такие, как общественный прогресс, социальные революции, движущие силы, такие, как интересы и потребности людей, характеризуются ярко выраженной интегральностью, всеобщностью. Это уже не части общества типа сфер, имеющие относительно отдельное существование в рамках всего общества. Нет, это черты, стороны, грани именно всего общественного организма. Вместе с тем деление общества по общим законам структуры, развития, движущим силам представляет собой более глубокое, более абстрактное сечение общества, чем деление на основные сферы.

Отсюда следует, что на этом уровне целостность общества выступает не просто как итог, как некоторое следствие, которое возникает на финише познавательного процесса. Напротив, буквально с первых описаний законов и категорий структуры общества эта целостность выявлена, задана как предпосылка, как предмет теоретического анализа. Иначе говоря, на этом уровне анализируется именно сама целостность общества в ее различных сторонах, свойствах, определениях.

Подчеркивая различия образов общественной целостности, мы должны вместе с тем указать на единство этих уровней, их взаимозависимость.

Прежде всего это единство проявляется в том, что рассмотрение основных сфер общественной жизни обеспечивает саму теоретическую постановку вопроса об обществе как целостности. Так, до того, как анализировать стороны, грани общественной целостности, нужно знать, что оно, общество в целом, есть, нужно его сначала, если можно так выразиться, построить, воспроизвести. Изучая основные сферы общества, их связи, мы и приходим к выводу о том, что общество — это не только отдельные его области, отдельные его органы, но это некоторая связь, единство этих частей, т. е. некоторая целостность.

Далее следует сказать о том, что в содержательном плане анализ сторон общества в целом опирается на материал основных сфер жизни общества, продолжает, углубляет его. Ведь в историческом материализме рассмотрение любых законов структуры — скажем, типов общественных отношений, социологической структуры; структуры общественного сознания и т. д., любых законов развития, скажем, революционных процессов, соотношения прогресса и свободы и т. д., любых движущих сил, скажем, роли субъективного фактора, мотивов трудовых действий и т. д. и т. п. — все это опирается на изучение основных сфер общественной жизни: материально-производственной, социальной, политической, духовной. Содержание законов этих сфер это как бы резервуар исторического материализма, откуда черпается материал для анализа выделения общесоциологических структурных и любых других общих законов.

Все сказанное позволяет сделать вывод о единстве данных двух уровней.

Итак, налицо два уровня изучения целостности общества в историческом материализме, отличных друг от друга и в то же время единых, взаимосвязанных. По нашему мнению, это и есть основные уровни системы законов и категорий исторического материализма. Система законов и категорий исторического материализма и представляет собой определенный процесс, этапы которого отличаются не просто тем, что фиксируются разные части, стороны и т. д. общества, а прежде всего тем, что в них закреплены разные ступени теоретического фиксирования общества как целостности. Это означает, что в системе законов и категорий исторического материализма целостность общества не задается просто как предпосылка, когда законы и категории исторического материализма лишь иллюстрируют эту известную заранее целостность, заполняя

поочередно «пустующие» клетки. Это означает также, что в системе законов и категорий исторического материализма целостность общества и не выступает просто как некоторый окончательный итог такого типа, что, анализируя отдельные законы и категории, мы понятия не имеем о целостности общества и лишь на самом финише вдруг обнаруживаем, что общество представляет собой определенную целостность. Нет, целостность общества теоретически вызревает, обогащается, все более полно раскрывается, развивается в самой системе законов и категорий исторического материализма.

На уровне основных сфер общественной жизни целостность общества предстает в своем самом первом непосредственном виде. Этот образ целостности можно назвать начальным, простым, экстенсивно-количественным. Второй уровень познания углубляет, раскрывает в собственном значении целостность общества. Исторический материализм здесь показывает, что целостность общества сложно дифференцирована, она включает в себя внутренние различия общества как структуры, развития, движущих сил и связи, зависимости между ними. На этом уровне целостность общества раскрывается как интенсивно-качественная, содержательная в своих внутренних определениях.

И, наконец, подводя итоги рассмотрения целостности общества на первом и втором уровнях, исторический материализм приходит к интегральному обобщенному пониманию общества как целостности. Это понимание включает в себя и признание того, что целостность общества есть единство, связь основных сфер общественной жизни и признание того, что данная целостность есть единство и связь основных сторон, граней самой этой целостности. Именно это понимание и выступает основным социологическим итогом всей системы законов и категорий исторического материализма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арефьева Г. С. Социальная активность.— М.: Политиздат, 1974.
2. Афанасьев В. Г. Научное управление обществом.— М.: Политиздат, 1968.
3. Барулин В. С. Отношение материального и идеального в обществе как проблема исторического материализма.— Барнаул, 1970.
4. Барулин В. С. Соотношение материального и идеального в обществе.— М.: Политиздат, 1977.

5. Караваев Г. Г. Исторический материализм — метод познания общественных явлений.—М.: Высшая школа, 1973.
6. Келле В., Ковальзон М. Формы общественного сознания.—М., 1959.
7. Келле В., Ковальзон М. Исторический материализм.—М., 1962.
8. Келле В., Ковальзон М. Важнейшие аспекты методологии социально-философского исследования.—Вопросы философии, 1980, № 7.
9. Лашина М. В. Закономерности политики как общественного явления.—В кн.: Политика как общественное явление.—М., 1972.
10. Плестников Ю. К. О природе социальной формы движения.—М., МГУ, 1971.
11. Ребрин В. А. Методологические проблемы социалистического общественного сознания.—Новосибирск, 1974.
12. Рожин В. П. Введение в марксистскую социологию. Категории исторического материализма.—М.: Мысль, 1980.
13. Тугаринов В. П. Соотношение категорий исторического материализма.—Л.: 1958.
14. Уледов А. К. Структура общественного сознания.—М.: Мысль, 1968.
15. Уледов А. К. Социологические законы.—М.: Мысль, 1975.

Н. Н. БОЛЬШАКОВ

ВЫБОР ИСХОДНОЙ АБСТРАКЦИИ ТЕОРИИ ИСТОРИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА

Общегносеологическая, исходная абстракция теории исторического материализма—есть категориальное выражение самого массовидного, обыденного, миллиарды раз встречающегося фрагмента социальной действительности. В ней фиксируется непосредственное отношение людей, элемент системы общественной жизни. Лишь поэтому она становится своеобразным зародышем логического и исторического развертывания системы общественных отношений. Вместе с тем исходная абстракция теории исторического материализма должна соответствовать определенным социально-гносеологическим требованиям, она должна соответствовать социально-методологической системе, в которой разворачивается предмет исторического материализма в целом.

Научно-теоретический анализ социально-исторического процесса стал возможен только тогда, когда сам процесс обрел относительно зрелую и завершенную форму, когда в нем реально выявилась органическая система отношений, вырос-

шая из одного основания—из одной клеточки, т. е. при капитализме. Одновременно теоретическое освоение капиталистического бытия при ближайшем рассмотрении оказалось теоретической мерой всей предшествующей истории. С помощью социально-практического подхода в критике капитализма, с помощью социально-гносеологического инструментария анализа его противоречивого развития К. Маркс рассмотрел всю предшествующую историю. Анатомия капиталистического общества стала в определенном смысле ключом к анатомии истории в целом.

Исторический материализм, хотя и представляет собой теоретический анализ общественного развития в целом, тем не менее не берет историю и общество лишь в универсальных, всеобще-абстрактных определениях. Всеобщие определения в историческом материализме получают категориальное содержание и значение лишь в связи с «общественно-экономической формацией». Здесь субстанциональная характеристика истории в целом берется сквозь призму практического и теоретического овладения исторической реальностью, социальной действительностью. Глубина исторического самопознания человека заключается прежде всего в истине его актуального самопознания.

В исходной абстракции исторического материализма как в категориальном выражении клеточки социальной жизни должна содержаться, так сказать, цель общественного развития. Именно поэтому в ней скрываются все противоречия общественного движения. В обмене товаров заключена цель капиталистического производства и буржуазного общества в целом. Для капитализма обмен товаров содержит в себе, как в зародыше, субстанцию производства и соответствующего общества. Поэтому обмен товаров служил в роли исходной абстракции не только политэкономического, но и социально-философского анализа. Не означает ли это, что мы должны попросту включить экономическое содержание в состав теории исторического материализма в его политэкономической форме? В буквальном и непосредственном виде—нет, определенным образом—да. Ибо политическая экономия выступает ядром марксистского частнонаучного теоретического обществоведения. Экономическое входит в теорию исторического материализма не в форме политэкономической исходной абстракции. Экономическое отношение берется здесь как социальное отношение. Клеточка для теоретического обществоведения одна, поскольку в самой системе социальной действительности

сти нет различных клеточек, различных зародышей системы. Но входит и фиксируется в разных теоретических системах она по-разному, в меру их предметного теоретического самоопределения. В этом плане обмен товаров в социологическом анализе брался как элементарное социальное отношение, содержащее в себе элементарное конкретно-историческое отношение бытия и сознания—товарный фетишизм.

Необходимо ли с безусловностью искать исходные абстракции для каждого типа социально-исторического процесса? Представляется, что можно обходиться и без формального историзма, поскольку метод теоретической реконструкции прошлых общественных форм в определенном смысле находится в методе теоретического анализа наиболее развитого общественного состояния, понимание его организации дает возможность проникновения в организацию всех отживших социальных форм.

В современных условиях исторический материализм представляет собой диалектико-материалистическую реконструкцию истории, дошедшей до социализма. Социалистическое общество есть наиболее развитая и наиболее многосторонняя организация производства и общения, именно поэтому смысл всемирной истории может быть более глубоко и всесторонне раскрыт с позиций социализма, разворачивающегося в коммунизм. Однако здесь обнаруживается новое социально-гносеологическое противоречие. Становлением социализма начинается принципиально новый период человеческой истории. Именно поэтому в нем и его зародыше содержится «снятие» зародыша прошлого общества, отрицание прошлого даже в его исходной предпосылке, в его элементарном отношении. Если буржуазное общество вырастало из предпосылки обмена вещами, а не производства вещей, то социализм ставит в своем фундаменте отношение в созидании в его буквальном и непосредственном значении.

В то же время в эпоху капитализма в обмене товаров заключается элемент общечеловеческой природы—его родовая сущность—общение, отношение, обмен. Естественно, социализм «вырастает из капитализма», но через его принципиальное отрицание. Все же он наследует в себе и в своем элементарном отношении весь предыдущий исторический процесс. Именно поэтому он и его зародыш содержит в себе актуальную цель—коммунистическое общество. Коммунизм несет в себе, взращивает, пестует зернышко будущего, цель будущего в ее непосредственном значении—развитие человеческих спо-

способностей, развитие человеческой индивидуальности. В манифесте будущего общества — «от каждого — по способностям, каждому — по потребностям» заключено его исходное общественное отношение, из которого и произрастает будущее общество. Богатство этого общества — это богатство способностей его людей, качество этого общества — это качество его составляющих ансамблей общественных отношений, это совокупная способность его людей. Этот обмен становится повседневным отношением* и потому смыслом нового общества, а не побочным продуктом, как прежде. Механизм обмена способностей опосредуется удовлетворением разумных, общественно необходимых потребностей. Формула Т-Д-Т' (с приращением) оборачивается ныне в формулу С-П-С' (с приращением). Из этого и вырастает вся система действительности и возможностей коммунизма, его принципиальная неограниченность, гуманистическая открытость его системы. Развитие каждого становится условием развития всех, а коммунизм — в полном смысле саморазвивающейся системой, качественные преобразования которой будут свершаться на уровне действительной человеческой сущности — в творчестве.

В. А. ДЕМИЧЕВ

ОБ ИСТОРИЧЕСКОМ МАТЕРИАЛИЗМЕ КАК ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ И НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ЕГО ИЗЛОЖЕНИЯ

Многогранная проблема систематизации категорий исторического материализма выдвигает целый ряд вопросов, в том числе и, если можно так выразиться, «предварительного» характера.

Прежде всего. Никакая теория — и, стало быть, исторический материализм также — не может быть сведена к своим категориям или хотя бы к их системе. Нет сомнения в особом, даже «решающем» значении категорий как логических компонентов системы теоретического знания. Однако верно и то, что в живую ткань такой системы органично вплетаются некатегориальные понятия, законы, гипотезы, доказательства, описания, анализ отобранного фактического материала и т. п., тесным

образом связанные с категориями, переходящие в них, но обладающие и собственной спецификой. Поэтому, говоря, о «системе категорий», стоит иметь в виду, что речь, собственно, должна идти об историческом материализме как теоретической системе.

Далее. Что реально означает, в чем заключается в наших условиях идея «систематизации категорий исторического материализма»? Ведь несомненно, что поскольку марксистская наука об обществе представляет собой не эклектическую мешанину положений, а стройную концепцию, постольку ее категории уже образуют единую целостную (хотя и открытую) систему. И этот факт подтверждается и проявляется, например, в согласованности крупных «блоков» исторического материализма—скажем, учений о различных сферах общественной жизни,—в возможности указать на прямые или опосредованные связи практически любых взятых наугад двух или нескольких категорий исторического материализма. И вместе с тем вот уже сколько лет немалое число исследователей и преподавателей высказывает свою озабоченность состоянием систематизированности структуры и категорий исторического материализма, принимаются попытки разобраться в сути и путях решения проблемы систематизации категорий исторического материализма. Вряд ли такие усилия можно оценить в качестве поверхностных веяний, не имеющих связи с реальными серьезными тенденциями в науке и общественной практике. Разбираясь в отмеченной ситуации, следует, очевидно, иметь в виду, что и на теоретическом уровне развития не только продолжает обогащаться содержание науки, но также, и в связи с этим, возрастает степень ее логической зрелости, уровень систематизации категорий. При этом стоит отметить, что концепция, представляя собой лишь главный замысел и идеи, «крёдо» теории, содержит в потенции теоретическую систему, возможность выявления и развертывания системы теоретических положений, задавая направление и границы для исследования все новых граней теории. Тогда понятно, что потребности усложняющейся социальной практики и дальнейшего прогресса самой науки неизбежно актуализируют на определенных этапах развития теоретического знания проблему систематизации категорий. Есть все основания утверждать, что именно на таком этапе развития находится ныне марксистская наука об обществе.

Проблема систематизации категорий исторического материализма (как и других отраслей научного знания) ставит,

далее, вопрос о том, сколько может быть систем категорий этой науки: одна, две, некое множество... Как известно, единого мнения по данному вопросу в нашей литературе нет. В этой связи, наверно, не бесполезными будут следующие соображения. Любая существующая в рамках науки концепция представляет собой, пусть неразвернутое, единое целостное теоретическое воззрение, понимание исследуемого предмета. Любая же теория концептуальна и необходимо должна характеризоваться неким составом своих категорий и вполне определенными связями между ними, т. е. их системой (иначе она будет представлять собой эклектический конгломерат положений) — это необходимое условие для теоретического целого. Конечно, по мере развития науки происходят изменения в составе и структуре ее категорий. Однако эти изменения происходят в границах уже существующей системы категорий и, по крайней мере, до поры до времени, вряд ли могут характеризоваться в качестве смены одной категориальной системы другой. Вполне бесспорным представляется то положение, что подлинно научная система категорий должна соответствовать системности исследуемого наукой предмета (фрагмента действительности), в этом смысле должна быть одной и иметь объективный характер (как и вообще истина).

Но, говорят, в конкретных научных или дидактических ситуациях методологически актуальными могут оказаться отдельные фрагменты системы категорий, важен тот или иной ракурс, акцент категорий и их связи. Нет нужды выискивать возражения против этого. Важно только отметить, что в подобных случаях речь идет по существу не о системе категорий науки, не о ее построении и развитии, а об использовании. При конкретном же использовании и впрямь могут остаться в тени одни стороны и фрагменты категориальной системы и выступить на первый план другие.

Однако если система категорий — аналог своего предмета, фрагмента действительности ею отражаемого, и в этом смысле должна быть одной единственной, то нельзя ли различными способами излагать эту систему? Порой именно это, способ изложения, и имеется в виду, когда ставится вопрос о систематизации категорий и возможности существования множества систем категорий одной и той же науки. Между тем система категорий и ее изложение, «развертывание» явно не одно и то же. Это проявляется уже в том, что излагая, мы, волей-неволей, должны «выстраивать» категории ниточкой, цепью; взаимосвязь же соответствующих исследуемых момен-

тов действительности нередко значительно сложнее. Предлагая соответственно особенностям аудитории и целям курса обстоятельное или сокращенное, академическое или популярное изложение, мы также имеем дело с разными изложениями одной системы.

С другой стороны, невозможно не видеть единство, тесную взаимосвязь системы категорий и ее изложения. Пожалуй, верно будет заключить, что изложение есть способ выявления и воплощение, необходимое наличное бытие системы категорий. Поэтому разные концепции не могут быть без очевидного насилия изложены по одной схеме, «анкетным» образом (о чем свидетельствует и история науки). Изложение должно соответствовать замыслу и логике теории, вскрывать их. Единство теоретической системы и ее изложения проявляется уже в том, что даже при определенной «ловкости» начать изложение системы можно далеко не с каждой категории или суждения. Так вполне очевидно, что изложение исторического материализма невозможно начать, например, с категории «народность». Но за первой категорией должна последовать вторая — и опять-таки не любая, а «соответствующая» строению теории как аналога исследуемого фрагмента действительности. А потом следующая категория... и так до конца изложения. Стало быть, задача нахождения «естественного», соответствующего системе категорий изложения науки имеет содержательный характер.

Вопрос об исходной категории, о начале разворачивания марксистской концепции общества также дискуссионен. Его можно повернуть прежде всего в такой плоскости: имеет ли какой-то исходный момент, «начало» теоретическая система, исторический материализм в частности? Если понятия и положения теории в их отдельности отражают материальные образования (вещи), свойства и отношения действительности, то их взаимосвязь, их система есть отражение взаимосвязи разных аспектов фрагмента действительности, выступающего в качестве предмета теории. Как отмечалось выше, в истинной теории, какой является и исторический материализм, система ее понятий, положений соответствует системности предмета, и, стало быть, имеет объективный характер, как и вся истинная теория. Тогда вопрос о «начале» теоретической системы фактически может быть сформулирован и иначе: имеется ли в каком-то смысле «начало» в тех или иных фрагментах действительности, изучаемых отраслями науки? По-видимому, можно положительно ответить на этот вопрос по крайней мере в

двух смыслах. Во-первых генетически. Если иметь в виду не мир в целом, не материю и ее атрибуты вообще, а те или иные материальные образования (общество, планету, Галактику...), то они имеют исторически свое «начало», т. е. из чего-то возникают и этап за этапом далее развиваются. Во-вторых, в ином, несколько, пожалуй, метафорическом плане можно сказать, что «началом» тех или иных сфер действительности, материальных образований выступают их сущности, поскольку из них «выводятся», т. е. они определяют явления, объясняют главное и второстепенное в них. Отражением отмеченных двух обстоятельств, очевидно, и является тот факт, что изложение теоретических систем осуществляется путем различного сочетания исторического и логического (дискурсивного) или в более или менее чистом виде одного из этих подходов. Если общесоциологическую теорию (социологию), и марксистскую— исторический материализм— в частности, понимать как науку об обществе, то по очевидным причинам следует склониться к тому выводу, что сам его предмет характеризуется «началами» в обоих отмеченных смыслах. Это обстоятельство может служить серьезным основанием для попыток совмещения исторического и логического (дискурсивного) в систематизации марксистской теории общества.

Но когда речь идет об изложении теоретической системы, тогда необходимо иметь в виду и еще одно обстоятельство. Да. В изложении теоретическая система находит свое воплощение, свое наличное бытие. Однако само изложение — процедура гносеологического характера и не может быть свободно от законов функционирования мышления. В связи с обсуждаемым вопросом стоит отметить устойчивые тенденции, закономерности движения мышления от простого к сложному и — на теоретическом уровне — от абстрактного к конкретному.

О «начале» теоретической системы в нашей литературе сказано уже немало. В свете предложенных выше рассуждений хотелось бы обратить внимание на следующие моменты. «Начало» должно, очевидно, быть абстрактным и вместе с тем «простым», т. е. чем-то довольно очевидным. Однако его «абстрактность», по-видимому, должна быть абстрактностью особого рода — таящей в себе как бы в скрытом, свернутом виде возможность перехода в процессе теоретического анализа ко все новым определениям и граням, должна быть, если можно так выразиться, «конкретной абстрактностью». Далее. Чтобы начало было действительно началом, его суть, природа не

должна быть опосредована другими категориями этой же теоретической системы.

Многие из предлагаемых вариантов исходных категорий вызывают серьезный интерес: в них есть свои преимущества, хотя, по-видимому, и свои слабости. Достаточно ясно, что категория народности не может быть исходной: для этого она имеет излишне частный характер. Вызывает сомнение и предложение начать с категории деятельности—эта категория одна из центральных, но производная. Ведь деятельность есть всегда деятельность некоего субъекта, его атрибут, им объясняемый. Вряд ли можно ее существо, ее необходимость, дифференцированность на различные виды и т. п. объяснить, обосновать, проанализировать, не обращаясь к субъекту деятельности. Из диалектического материализма известно, что материя, отдельное, сущее обуславливает, определяет движение, существование, процессуальность. Частным же случаем последних и является деятельность. Не получится ли, что в этом случае мы фактически должны будем начать с категории субъекта, хотя и скороговоркой, «делая вид», что начинаем с его деятельности? По той же причине вряд ли верно будет начинать изложение системы категорий исторического материализма с категории общественного отношения. Конечно, можно сказать и так: поскольку все категории системы взаимосвязаны, постольку искать первую категорию как необусловленную другими—напрасный труд. Однако это верно лишь отчасти. В данном случае материальный субстрат, свойство, отношение взаимосвязаны. Но в этой взаимосвязи они выступают не на паритетной основе. Субстрат определяет отношения и свойства, его специфика раскрывается в них. Но не наоборот. Отсюда, в частности, следует тот вывод, что если попытаться реализовать два последние предложения, то в результате мы должны будем получить соответственно теорию социальной деятельности и теорию общественных отношений. Вряд ли можно трактовать исторический материализм и его предмет подобным образом.

Привлекает внимание предложение посчитать исходной категорию общественно-экономической формации. Но, по-видимому, она также по-своему «производна», в данном случае излишне сложна, к ней надо еще придти в ходе теоретического анализа. Быть может, следует начать с категории общественного бытия как центральной и относительно «простой» в ее первом, если можно так сказать, приближении. И далее дать анализ «категориального ряда» общественного бытия, а затем

«ряда способа производства»... Но дискуссионно понимание содержания самой категории общественного бытия. И во всяком случае, если это есть бытие общества, то категории общественного бытия явно должно в каком-то виде предшествовать понятие общества.

Немаловажно учесть и еще один аспект рассматриваемой проблемы. Дело в том, что поиски исходной категории, как правило, совмещаются с поисками «клеточки». Понятия «клеточки» и исходной категории к тому же нередко просто отождествляются. И то, и другое вызывает сомнения. Прежде всего. Если понятие исходной категории фиксирует, очевидно, ту первую категорию, с которой начинается теоретический анализ, изложение теоретической системы, то понятие «клеточки» отражает некий фрагмент действительности, в котором непосредственно воплощены главные противоречия и закономерности исследуемого теорией предмета. В этом смысле употребляют термин «клеточка» К. Маркс и В. И. Ленин [2, 23, 6; 3, 318], из работ которых ведь и исходят современные марксисты. Конечно, возможно, что анализом зафиксированной «клеточки» предмета исследования и начинается развертывание теоретической системы [2, 23, 43]. Но, быть может, это не обязательная общенаучная норма? Более того. На каком основании иногда молчаливо предполагается, что любая наука должна иметь свою «клеточку»? Имеются ли для такого предположения серьезные научные аргументы? Наверно, поучительно в этой связи сравнить начальные этапы марковского развертывания системы политической экономии капитализма в «Капитале» и диалектико-материалистического учения об обществе в «Немецкой идеологии». В первом случае, действительно, К. Маркс характеризует «товарную форму продукта труда, или форму стоимости товара» в качестве «формы экономической клеточки буржуазного общества» [2, 23, 6] и начинает свое исследование «анализом товара» [2, 23, 6, 43]. Во втором же случае К. Маркс, как известно, начинает с «действительных предпосылок», это — «действительные индивиды, их деятельность и материальные условия их жизни, как те, которые они находят уже готовыми, так и те, которые созданы их собственной деятельностью» [1, 18]. А далее идет, по существу, характеристика общественно-экономических формаций—этапов развития общества [там же, с. 19—24]. Можно спорить по поводу интерпретации тех или иных рассуждений классиков, находить в них те или иные акценты, но, вероятно, невозможно утверждать, будто бы развертывание теории исторического материа-

лизм проводится путем выведения из исходной категории— «клеточки» общества — цепи, системы всех других категорий исторического материализма.

Чем же объяснить отмеченное обстоятельство? Думается, в данном случае правильным будет объяснение, связанное с некоторыми объективными особенностями объектов (и предметов) данных наук. Не в том ли кроется ответ, что политическая экономия капитализма — наука о сущности, законах функционирования и изменения **экономических отношений** буржуазного общества, а эти отношения не существуют как некая «самость», целостность, отдельное. Сами по себе они поэтому неуловимы. В этом и подобных случаях и важно найти «материализацию», воплощение объекта исследования в чувственно данном объекте. Товар является таковым. Аналогично, например, обстоит дело и с философией как наукой о всеобщем. Всеобщее реально существует лишь в отдельном, как момент последнего. Отдельное (точнее, «вещь») в таком случае и следует считать «клеточкой» всеобщего (а вместе с тем исходной категорией науки о всеобщем). Но объект исторического материализма — общество, саморазвивающийся социальный организм. Он существует непосредственно как специфическое материальное образование, целостность, отдельное. Вовсе нет поэтому необходимости искать для анализа этой целостности еще какое-то воплощение, «материализацию» в некоей «клеточке». Напротив, наука об обществе, его сущности, структуре, законах функционирования и развития должна представлять собой и должна быть изложена как система суждений («определений») об обществе в его различных аспектах. И если сказанное выше верно, то из него следует, что исторический материализм являет собой пример такой науки, исходная категория, исходные определения которой не имеют «клеточного» характера.

При этом, однако, если говорить об изложении, то оно неизбежно должно, подчиняясь законам мышления, в общем идти от простого к сложному, от скрыто конкретной абстракции к системе абстракций. В последовательности же и взаимосвязях суждений, понятий должна быть выявлена объективная логика предмета. Причем в свете предложенных ранее рассуждений становится ясно, что взаимосвязь последовательно излагаемых категорий и положений вовсе не всегда будет «выведением» из одной — предшествующей — категории другой — последующей. Даже Гегель, представляя себе изложение философии в качестве воспроизведения закономерно происходя-

шего движения мышления, каждый последующий шаг которого «вытекает» с необходимостью из предшествующего, не смог избежать рядоположенности, возвратов к прошедшему, известных параллелизмов между некоторыми категориями. Но с точки зрения материализма непереносное выведение всех категорий одной из другой было бы ошибкой. Это выведение необходимо там и настолько, где и насколько оно обусловлено объективной логикой предмета. Относительная автономность тех или иных сфер и фрагментов социальной действительности не должна ли проявиться при изложении исторического материализма в относительной рядоположенности, к примеру, учения о политической организации (вообще сферы социального управления, регуляции) и учения об общественном сознании? По-видимому, должно искать необходимые связи, субординацию, «выводимость» разделов, положений, категорий исторического материализма, но вместе с тем не превращать такие поиски в непомерно раздутую самоцель, не идти на псевдодialeктические, софистические натяжки во имя такого рода самоцели, не отклоняться от объективной, отнюдь не «нечеткой» логики действительности.

В свете сказанного представляются имеющими основания следующие соображения об основных разделах изложения исторического материализма как системы социологического знания.

I. Общество — вид материи, специфическое материальное образование, «социальный организм». Такое начало достаточно очевидно и просто. Оно опирается не на собственно социологические понятия. Но далее, конкретизируя эти положения, необходимо показать, что общество принадлежит к специфическому классу целостностей — органическим целым. Для последних характерна самодифференциация на составляющие части, изменение своей структуры в ходе развития, взаимоналожение и взаимопроникновение частей. Эти особенности создают почву для рассмотрения проблем социальной структуры, социальной группы и общности, личности и ее соотношения с группами и социальным целым. Особенностью органических целостностей является и то, что они вместе с тем — открытые саморегулирующиеся целостности. Анализ этого аспекта социального целого приводит к диалектике потребностей и деятельности, закономерного, объективного и субъективного в истории, к обоснованию правомерности и необходимости функционального аспекта рассмотрения общественных явлений и, наконец, к выводу о производстве материальных благ как со-

циальном типе обмена веществ, создающем основание для функционирования и развития других сфер жизни общества.

II. Второй раздел должен перевести анализ с «целостного» довольно абстрактного на более конкретный уровень рассмотрения сфер жизнедеятельности общества и их взаимной обусловленности. Помимо производства материальных благ и на его основе, здесь нужно рассмотреть сферу управления социальными процессами (в формах самоуправления и политической), прямо связанную и «вырастающую» на экономическую почву, и сферу духовной жизни общества. Последняя обусловлена потребностями общественного бытия, органически входит в сферы производства и управления и вместе с тем относительно автономна. В ряду основных сфер жизни общества называется и «социальная», которая понимается как сфера структуры (обычно в ее динамике) социального организма. Подобный подход вызывает сомнения. Разумеется, социальная структура — несомненный и фундаментальный факт. Существуют, наверно, специфические закономерности формирования и изменения структуры общества. И они должны быть объектом исследования в историческом материализме. Но исследовать социальную структуру в ее динамике необходимо в качестве аспекта общества как материального образования, целостности, а не в ряду областей общественной жизни. Объявление этого аспекта особой сферой жизни общества равносильно зачислению анатомии в разряд раздела физиологии.

III. Анализ основных сфер общественной жизни как сфер жизнедеятельности социального организма создает почву для более конкретного воспроизведения общества как целостности, механизма и перспектив его функционирования и развития. В третьем разделе изложения системы исторического материализма следовало бы поэтому, опираясь на два предшествующих, рассмотреть проблему механизма жизнедеятельности общества в целом и проблему общественного прогресса в плане его типологии и тенденций.

Можно предположить, что кратко изложенная идея структуры и систематизация исторического материализма имеет определенные перспективы и потому основания для ее обсуждения и более детальной разработки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. соч., т. 3.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Собр., соч., т. 23.
3. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29.

О СИСТЕМАТИЗАЦИИ КАТЕГОРИЙ ИСТОРИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА

В последние годы значительное внимание в философской литературе уделяется проблеме систематизации философских категорий, в том числе и категорий исторического материализма, в связи с чем разрабатываются различные подходы к данному вопросу, представляющие несомненный интерес. Ввиду этого все в большей мере проявляется и необходимость анализа, обобщения различных подходов к проблеме систематизации, в частности, необходимость выделения и обоснования фундаментальных принципов, которые бы выступали в качестве исходных при построении системы категорий исторического материализма.

В настоящей статье авторы, не претендуя на полноту анализа, рассматривают некоторые важные методологические вопросы, определяющие общий подход к систематизации категорий исторического материализма.

Конкретная система категорий исторического материализма, как и система понятий любой другой науки, является продуктом исторического познания. Она возникает как результат активно-творческого отражения объекта познающим общественным субъектом, в силу чего система категорий, выражающая исторически определенные знания об исследуемом объекте, необходимо характеризуется многоаспектным единством объективного и субъективного, воспроизводящим диалектику объекта и субъекта. Это единство противоположных моментов, присущее системе категорий научно-теоретического знания, влияет на характер, конкретную структуру этой системы, определяя ее сложность, внутреннюю противоречивость, историческую относительность. Применительно к системе категорий исторического материализма единство противоположных моментов объективного и субъективного раскрывается, на наш взгляд, по крайней мере в следующих аспектах.

Прежде всего строй конкретной системы категорий исторического материализма определяется особенностями объекта отражения, т. е. социальной системой как единого общественного организма. Характеризуя некоторые особенности общественного организма как системы, К. Маркс писал: «Сама эта

органическая система как совокупное целое имеет свои предпосылки, и её развитие в направлении целостности состоит именно в том, чтобы подчинить себе все эти элементы общества или создать из него еще недостающие ей органы. Таким путем система в ходе исторического развития превращается в целостность» [2, 229]. Общество, представляя собой органически целостное динамичное образование, функционирует и развивается как саморегулируемая система, включающая определенный комплекс отдифференцированных, относительно обособленных подсистем, их элементов, необходимо связанных и взаимодействующих, «сцементированных» сложной сетью нелинейных причинных зависимостей [5, 3].

Социальная система как единое целое обладает общими объективными законами исторического развития и функционирования, существенными определенностями, отражаемыми соответствующими категориями исторического материализма. Вместе с тем различные подсистемы социального организма, образуя различные уровни, аспекты его структуры, характеризуются особыми типами связей, своеобразными законами развития и функционирования, что определяет наличие относительно обособленных, хотя и тесно взаимосвязанных подсистем исторического материализма. Категории, образующие их, обладают различной степенью абстрактности и общности, находятся в разнообразных координационно-субординационных связях, отображающих многообразные нелинейные зависимости отношения элементов, подсистем общественного организма.

Таким образом, объективные особенности социальной системы составляют онтологическую основу, определяющую сложность и нелинейность разноуровневой структуры системы категорий исторического материализма, воспроизводящей в теоретической форме развивающуюся социальную систему.

Особенности системы категорий исторического материализма существенным образом определяются и гносеологическими факторами, тесно связанными с активностью познающего субъекта, характеризующими субъективный момент категориальной системы. В этом плане прежде всего необходимо отметить специфику исторического материализма как особого — философско-мировоззренческого и общесоциологического — научно-теоретического знания, характеризующегося двумя срезами, двумя аспектами рассмотрения социальной системы. Эта особенность исторического материализма определяет и две ос-

новные взаимопроникающие концептуальные системы, которые в своем единстве образуют новые линии связей, новые содержательно-методологические аспекты и структурные уровни категориальной системы исторического материализма. Причем категориальный строй каждого из двух основных срезов исторического материализма обладает относительной самостоятельностью, обособленностью, что в зависимости от задач и целей конкретного исследования позволяет смещать акцент при построении системы категорий на категориальный строй того или иного среза. Данное обстоятельство допускает возможность построения различных систем категорий исторического материализма.

Эта возможность усиливается и тем, что познание социальной системы носит исторически ограниченный характер, ему присущи специфические, а также общеносеологические закономерности, выражающие творчески-активный субъективный характер познания. С этим связана исторически преходящая, относительная незавершенность системы категорий исторического материализма. Каждая категория исторического материализма (и философские категории вообще) и их система характеризуются известной определенностью, позволяющей достаточно адекватно отражать социальную действительность, и вместе с тем обладают достаточной неопределенностью, позволяющей осуществлять научно-теоретическое воспроизведение диалектически противоречивой, многообразной социальной действительности.

Момент субъективности систем категорий исторического материализма, в частности, связанный с целями социального познания, с различными подходами к исследованиям социальной действительности и т. д., также стимулирует создание различных по своей структуре конкретных систем категорий исторического материализма.

Таким образом, единство объективных и субъективных моментов, присущее концептуальному аппарату исторического материализма и обусловленное, по крайней мере, рассмотренными онтологическими и гносеологическими факторами, допускает возможность создания различных по своему конкретному строю систем категорий исторического материализма. Это в свою очередь, видимо, допускает и возможность различных комплексов исходных принципов систематизации категорий, некоторые из которых (принципов) могут быть варьируемы в зависимости от целей и задач, решаемых субъектом в

процессе социального познания. Вместе с тем существуют фундаментальные принципы систематизации категорий, выражающие специфику исторического материализма как философского и общесоциологического знания. Такие принципы составляют необходимое ядро каждого возможного комплекса системобразующих принципов, лежащих в основе той или иной научно обоснованной системы категорий исторического материализма, являющихся логической формой достижения и выражения этого специфического знания.

. Выделение и обоснование фундаментальных принципов систематизации категорий исторического материализма в первую очередь связано с особенностью исторического материализма как философской науки, которая, как писал В. И. Ленин: «...опирается, во-первых, на материалистическое понимание истории и, во-вторых, на диалектический метод» [3, 184].

Принцип материалистического понимания истории явился выражением распространения философского материализма на объяснение общественных явлений. «Не для одной только политической экономии,— отмечал Ф. Энгельс,— а для всех исторических наук (а исторические науки суть те, которые не являются науками о природе) явилось революционизирующим открытием то положение, что «способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще», что все общественные и государственные отношения, все религиозные и правовые системы, все теоретические воззрения, появляющиеся в истории, могут быть поняты только тогда, когда поняты материальные условия жизни каждой соответствующей эпохи и когда из этих материальных условий выводится все остальное» [1, 491]. Только материалистическое понимание истории создало возможность научной социологии, возможность рассматривать общественный прогресс как естественноисторический процесс, как закономерное развитие единой целостной социальной системы. В этом обнаруживается тесная связь данного принципа с принципом научной объективности. Сказанное позволяет рассматривать принцип материалистического понимания истории как фундаментальный принцип систематизации категорий исторического материализма. Этот принцип, будучи непосредственно связан с научным решением основного вопроса философии, фиксирует специфику исторического материализма, как оценочно-мировоззренческого знания. Конкретизация рассматриваемого принципа приводит к целому

ряду других важных методологических принципов, выражающих философскую специфику исторического материализма и определяющих особенности его концептуальной системы. Речь идет, прежде всего, о принципе единства диалектического и исторического материализма, о принципе партийности и некоторых других принципах.

Необходимо подчеркнуть, что методологическая значимость принципа материалистического понимания истории при построении концептуальных систем выходит далеко за рамки исторического материализма. Данный принцип является существенной методологической предпосылкой построения концептуальных систем политической экономии, научного коммунизма, этики, эстетики и других социальных дисциплин.

Вторым не менее важным фундаментальным принципом систематизации категорий исторического материализма является принцип диалектики. «Диалектическим методом — в противоположность метафизическому, — пишет В. И. Ленин, — Маркс и Энгельс называли не что иное, как научный метод социологии, состоящий в том, что общество рассматривается как живой, находящийся в постоянном развитии организм... для изучения которого необходим объективный анализ производственных отношений, образующих данную общественную формацию, исследование законов ее функционирования и развития» [3, 165]. При этом диалектика выступает как метод научного анализа социального организма, реализующий материалистический подход в его понимании. Отсюда уже следует тесная взаимосвязь двух названных принципов.

Принцип диалектики, примененный к анализу социального организма, конкретизируется как принцип развития, реализующий исторический подход к анализу социальной системы, и как принцип связи, обеспечивающий рассмотрение социального организма как единой целостности.

Материалистическое понимание истории предполагает рассмотрение общественного организма как сложноорганизованной, саморазвивающейся системы, образованной из относительно самостоятельных элементов. «Отдельное бытие (предмет, явление etc), — отмечает В. И. Ленин, — есть (лишь) одна сторона идеи (истины). Для истины нужны еще и другие стороны действительности, которые тоже лишь кажутся самостоятельными и отдельными... Лишь в их совокупности (zusammen) и в их отношении (Beziehung) реализуется истина» [4, 178]. Следовательно, и категории, отражающие со-

пциальную действительность, должны находиться в соответствующей взаимосвязи и взаимозависимости. Конкретное истинное содержание категорий исторического материализма может быть установлено с учетом их соотношения и взаимосвязей, причем не любых, а только тех, которые образуют целостную концептуальную совокупность (систему), обеспечивающую научно-теоретическое воспроизведение объекта социального познания в его противоречивости и целостности. Образование концептуальной системы приводит не только к конкретизации содержания отдельных категорий, но и к включению в их содержание тех признаков, которые присущи им как элементам данной системы. Более детально исследовать весь круг этих вопросов помогает системно-структурный подход, который предполагает выявление системообразующих элементов, выделение различных по характеру, по значимости связей (структурных, причинно-следственных, функциональных и т. д.). Многообразие различного рода системных связей предполагает нелинейность концептуальной системы, ее всестороннюю разветвленность, где каждая категория оказывается связанной со всеми остальными.

Таким образом, принцип связи дает возможность развернуть концептуальную систему во всем многообразии ее различных элементов, во всей сложности связей, воспроизводящих отображаемую на теоретическом уровне целостность.

Принцип связи находится в единстве с принципом развития. В. И. Ленин пишет: «...если все развивается, то относится ли сие к самым общим понятиям и категориям мышления? Если нет, значит, мышление не связано с бытием. Если да, значит, есть диалектика понятий, и диалектика познания, имеющая объективное значение» [4, 229].

Принцип развития требует рассматривать систему категорий подвижной, находящейся в постоянном историческом развитии и изменении. «Человеческие понятия,— пишет В. И. Ленин,— не неподвижны, а вечно движутся, переходят друг в друга, переливают одно в другое, без этого они не отражают живой жизни» [4, 226—227]. Этим определяется необходимость конкретно-исторического подхода к построению системы категорий исторического материализма, которая является более или менее точным, относительным воспроизведением противоречивой сущности развивающейся социальной системы. Конкретно-исторический подход предполагает не только постоянное развитие отдельных категорий исторического материализ-

ма, анализ их взаимосвязей, совершенствование их системы, но и выделение на каждом определенном этапе познания социальной действительности главных, узловых категорий, групп категорий, методологически организующих, направляющих социальное исследование на теоретическое воспроизведение объекта в его противоречивой целостности.

Система категорий исторического материализма призвана обеспечить логически-конкретное, теоретически-последовательное воспроизведение исторически развивающейся социальной системы. Поэтому принцип развития как принцип систематизации категорий получает дальнейшую конкретизацию посредством принципа единства исторического и логического.

Принцип диалектики внутренне связан еще с одним фундаментальным принципом, лежащим в основе построения системы категорий исторического материализма, — с принципом единства онтологии (объективной диалектики), гносеологии и логики. Категории исторического материализма не только воспроизводят в своем содержании социальную действительность в ее диалектически противоречивых существенных определенностях и многообразных связях, но и функционируют в качестве общих логико-гносеологических форм, обеспечивающих достижение и системное выражение объективно-истинного теоретического знания в процессе движения социального познания от абстрактного к конкретному. Поэтому категории исторического материализма в своих системных связях должны отражать и противоречивую сущность целостного социального объекта, и вместе с тем выражать направленность его теоретического познания, воспроизводить необходимую связь последовательных ступеней, понятийно-логических форм процесса теоретического воспроизведения социальной действительности. Это требование к построению системы категорий исторического материализма и фиксирует принцип единства онтологии, гносеологии и логики, выражающий существенную специфику исторического материализма как философского и общесоциологического знания, выполняющего важные общегносеологические, логико-методологические функции в любой сфере социального познания.

В заключение отметим, что в настоящей статье речь шла лишь о наиболее важных, фундаментальных принципах систематизации категорий исторического материализма, которые в своей внутренней взаимосвязи образуют ядро системообразующих принципов. В каждом отдельном случае, в зависимости

от целей систематизации и других факторов, выражающих активно-субъективный характер социального познания, эти принципы могут быть соответствующим образом конкретизированы, дополнены другими принципами, что и определяют конкретный строй системы категорий исторического материализма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 13.
2. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. т. 46, ч. 1.
3. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1.
4. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29.
5. Афанасьев В. Г. Исторический материализм и проблемы управления обществом.—Философские науки. 1972, № 3.

В. Ж. КЕЛЛЕ, М. Я. КОВАЛЬЗОН

СИСТЕМАТИЗАЦИЯ КАТЕГОРИЙ И ОПЫТ ИСТОРИИ

Обсуждая проблему систематизации категорий исторического материализма, очень важно, на наш взгляд, учесть опыт предшествовавшего социально-философского познания вообще, опыт изложения исторического материализма как учебной дисциплины в частности и особенности. Рассмотрим сначала последний.

В наших многочисленных учебниках по историческому материализму используется, как правило, следующая схема изложения материала: сначала рассматривается способ производства, его законы, затем идет характеристика социальной (классы, классовая борьба), политической и духовной сфер общественной жизни, а в конце характеризуется роль масс и личности в истории. Эта схема, конечно, варьируется, но важно подчеркнуть, что все это вариации данной схемы.

Имеет ли она свою, оправдывающую и обосновывающую ее логику? Безусловно. Материальная жизнь общества первична, и она рассматривается в первую очередь, а затем последовательно излагаются темы, относящиеся к характеристике сфер общественной жизни, расположенные в порядке их уда-

ленности от исходной и определяющей. Достоинство этой схемы — которую мы здесь описали в несколько упрощенном виде — в том, что она отражает реальную зависимость духовного от материального, вторичного от первичного, позволяет раскрыть диалектику различных сфер общественной жизни, выявить движущие силы истории, дать описание различных общественных явлений, показать их место и роль в общественной жизни и т. д.

Короче говоря, она позволяет донести до читателя основные идеи исторического материализма.

Но эта схема изложения имеет и ряд недостатков. Один из них, на который мы бы хотели в данном случае обратить внимание, состоит, по нашему мнению, в том, что при таком изложении недостаточно прослеживается, а иногда даже **теряется** связь с обществом в целом. А ведь задача теории **как раз** и состоит в том, чтобы понять развитие общества **как целостной системы**, то есть как развитие и смену **целостных «социальных организмов»**, общественно-экономических **формаций**, а различные общественные явления — как **элементы** этой конкретной целостности. Значит, необходимо **избрать** такой способ подачи теории, чтобы она, включая все достоинства принятой схемы изложения исторического **материализма**, ориентировала в то же время на целостный **подход к обществу** в его развитии.

В связи с этим возникает необходимость изложить принципы материалистического понимания истории и выработать такую схему изложения, которая не только была бы адекватна его содержанию, но и представляла бы его в форме наиболее обоснованной, позволяющей наиболее эффективно его использовать в качестве методологии познания общественной жизни, исторического процесса во всем их многообразии и сложности и вместе с тем в их единстве и целостности.

Решению этой задачи, на наш взгляд, и служит выделение трех методологических аспектов изучения истории, трех ее измерений. Мы говорим именно об аспектах, поскольку характеризуем не отдельные сферы общественной жизни, но общество в целом, избирая лишь различный угол зрения на него, давая определенный его срез.

Первый аспект — анализ развития общества как материального естественноисторического, то есть закономерного и независимого от воли и сознания людей процесса. Анализ общества под этим углом зрения позволяет раскрыть действие

общих законов истории, стягивающих ее конкретное многообразие в единый и цельный процесс развития и смены общественных формаций.

Второй аспект — анализ исторического процесса как результат деятельности людей. Здесь мы подходим к проблемам, которые не возникают перед естественными науками, а составляют специфику наук социально-исторических, гуманитарных. Речь идет о задачах изучения и объяснения самого субъекта исторического творчества, его деятельности и ее результатов. Поскольку это измерение социальной реальности исследуется не само по себе, а в связи с предыдущим и на его основе, то этим уже задается возможность научного материалистического объяснения деятельности людей в истории, выявления форм проявления и действия ее законов и открывается путь к анализу исторического процесса во всей его конкретности с учетом активности субъекта, диалектики объективного и субъективного, творческого характера деятельности и т. д.

Третий аспект анализа исторического процесса возникает потому, что задача философско-социологической теории и методологии состоит в том, чтобы указать пути не только научного познания истории, но познания человека в истории, взаимодействия общества и человека в их историческом развитии. Такой подход позволяет выделить круг методологических проблем, относящихся к исследованию зависимости человека, индивида от общества. Человек есть продукт истории и потому история общества есть одновременно и процесс развития человека. Но в этом взаимодействии заключен еще один важный момент, который выявляется, если рассмотреть самую историю с точки зрения развития человека. В этом случае выявляется как бы «смысл» человеческой истории, ее «загадка», состоящая в том, что общественная история людей есть не что иное, как история их индивидуального развития.

Попробуем теоретически обосновать представленный здесь методологический подход и для этого рассмотрим вопрос несколько подробнее.

* * *

Модель науки, объясняющей социальную жизнь действием природных закономерностей, оказалась несостоятельной. Из этого обстоятельства следовали два вывода. Первый, связанный с отказом от признания закономерности в истории. По

этому пути, начиная с Канта, пошли многочисленные школы буржуазной философии, и второй, связанный с поисками специфических для самой истории объективных законов. По этому пути пошел диалектический материализм.

Общественная жизнь, как известно, носит практический характер. Общественная жизнь — это практическая деятельность людей. Вне этой деятельности нет ни общества, ни его истории, ни «социальной формы движения» вообще. Поэтому познать общественную жизнь, значит, познать деятельность людей, понять историю, значит, объяснить деятельность людей в истории.

Из этих простых и самоочевидных положений мы можем сделать вывод, что ни одна социальная теория или методология признания общественной жизни не может обойти проблему деятельности людей. Для исторического материализма принцип деятельности является одним из фундаментальных принципов социального исследования.

Но вместе с тем надо полностью отдавать себе отчет в том, что признать всю важность исследования деятельности для общественной науки еще недостаточно для того, чтобы проводить материализм в историю. От признания деятельности в качестве предмета социального познания очень «легко» идти и к идеализму, и к позитивизму, и к другому подобному «изму». Ведь в деятельности люди руководствуются «идеальными побуждениями», т. е. своим сознанием или эмоциями, или настроениями и т. п. И надо сказать, что буржуазная социология и социальная психология, рассматривая себя в качестве «поведенческих» наук, изучающих действия людей, идут именно по этому пути, т. е. сбиваются на психологическое объяснение истории, критический анализ которого уже давно был сделан в нашей литературе.

Основоположники марксизма неоднократно указывали, что материализм в истории не отрицает идеальных побудительных мотивов практической деятельности людей, но он идет дальше, вскрывая материальные причины этих идеальных побудительных сил. Вот здесь мы подходим к самой сути марксистской постановки вопроса. А суть эта заключается в следующем.

Что значит «вскрыть материальные причины идеальных побудительных сил»? Это значит материалистически объяснить деятельность людей. Причем речь идет, конечно, не о действиях отдельных личностей, а о действиях и движениях

больших масс людей, ибо из них складывается в своих существенных чертах ход человеческой истории.

Но если мы исходим из того, что люди, массы делают историю, и если мы ставим задачу материалистически объяснить их действия, значит мы с помощью этого объяснения хотим понять саму историю, в данном случае понять и объяснить, почему люди делают свою историю так, а не иначе. Однако из этих рассуждений следует еще один важный и принципиальный вывод (или, напротив, в основе этих рассуждений лежит одна принципиальная предпосылка): деятельность нельзя объяснить из нее самой. Действительно, чтобы понять историю, надо объяснить деятельность людей в истории, а чтобы материалистически объяснить эту деятельность, надо обратиться к чему-то независимому от нее, а именно к материальным причинам, определяющим идеальные побудительные силы и мотивы человеческой деятельности. Где же их искать? И марксизм дает четкий и определенный ответ на этот вопрос: в материальных условиях и объективных законах общественной жизни. Таким образом и выделяется слой или аспект анализа общества, который рассматривается прежде всего. Анализ общества на уровне его общих законов, основных экономических и социальных структур и т. п. — это очень высокий уровень абстракций. И марксизм выделяет этот уровень анализа общества именно потому, что только таким путем можно объяснить деятельность людей в истории, проникнуть в самое сущность исторического процесса. И знание это имеет теоретико-методологическое значение для всего обществознания, для всех общественных наук.

Но затем возникает вопрос: если выделены общие законы, определяющие ход истории, и тем самым разработана теория общественного развития, то достаточно ли этого для методологических целей социального познания? Надо иметь в виду, что уже на этом уровне абстракции содержится деятельность только в снятом виде. Ведь материальные условия, в которых осуществляется деятельность, сами представляют собой результаты предшествующей деятельности — деятельности прошлых поколений. А законы хотя мы и можем рассматривать вне деятельности, абстрагироваться от деятельности, ибо они выражают существенные отношения, которые воспроизводятся в обществе, отражают устойчивые связи общественных явлений. Но реально ведь они существуют в деятельности людей и только в ней проявляются. Может быть, для методологиче-

ских целей достаточно именно такого рассмотрения истории и деятельности людей в истории? И дальше познание должно осуществляться только путем применения этой методологии в конкретных областях социально-исторического исследования.

Однако ответ на этот вопрос будет отрицательным. Марксистская теория исторического процесса включает в себя и другой более конкретный «слой» теоретико-методологических проблем или уровень их рассмотрения, который выделяется, когда мы рассматриваем историю как результат практической деятельности людей, т. е. анализируем в теоретико-методологическом плане самую деятельность, а не абстрагируемся от нее. Этот теоретико-методологический «срез» не противостоит предыдущему, а дополняет его, опирается на него и в определенном отношении включает его в себя.

О важности и теоретико-методологической значимости рассматриваемых в этом плане проблем можно судить хотя бы по тому, что именно здесь речь должна идти о роли масс в истории, о классах и классовой борьбе, о всех видах социальной дифференциации различных обществ, о движущих силах социалистического общества и т. д. Но пока мы обсуждаем не эти конкретные проблемы, а общую постановку вопроса. И это надо сделать, ибо в нашей литературе за очень небольшим исключением данная тема не выступала в качестве предмета специального анализа¹. Что же касается курсов исторического материализма, то в них вопросы располагаются в определенной последовательности, без учета обозначенных здесь аспектов методологического подхода.

Трактовка развития общества как естественнo-исторического процесса со всем рассматриваемым здесь кругом проблем является исходной для материалистического понимания и объяснения истории. Анализ исторического процесса на этом уровне абстракций даст возможность объяснить зависимость деятельности людей от материальных условий этой деятельности, зависимость идеального от материального, надстройки от базиса, общие причинные и закономерные связи между элементами структуры социального целого. Иначе говоря, дает объяснение структуры общественной и экономической форма-

¹ Этим исключением, кроме нашего учебного пособия «Исторический материализм» (первое издание 1962 г.), является статья И. В. Блауберга и Э. Г. Юдина «Системный подход в социальном познании», в которой авторы идею о двух аспектах методологического анализа попытались перевести на язык системного подхода и представить их в виде двух структурных рядов, накладывающихся друг на друга.

ции, в рамках которой осуществляется социальная деятельность людей.

Далее, этот анализ позволяет объяснить общее направление исторического процесса, определяемое его законами, а, следовательно, понять направление деятельности масс людей в данную историческую эпоху.

Наконец, именно на основе понимания естественноисторического характера развития общества мы можем предвидеть возможные результаты деятельности людей в той мере, в какой они определяются объективными условиями и законами. Например, марксизм всегда четко указывал, что борьба крестьян за землю, если она даже ведется под социалистическими лозунгами, не может привести к социализму в силу того, что объективное содержание этой борьбы является буржуазно-демократическим, а не социалистическим.

Итак, материальные условия деятельности, общее направление деятельности и ее возможные результаты — вот то, что может дать для объяснения деятельности людей в истории ее анализ как естественноисторического процесса. Спрашивается, достаточно ли этого для исследования конкретно-исторического процесса? Иначе говоря, дает ли этот методологический срез весь минимально необходимый для исследования конкретной истории «набор» методологических принципов или нет?

Он дает очень многое: он дает то, без чего материалистическое понимание истории и ее научное исследование вообще невозможны и немыслимы. И в то же время он все-таки ограничен, в нем еще отсутствует многое из того, что необходимо для научной методологии исследования конкретного исторического процесса.

Что же отсутствует? Прежде всего отсутствует субъект деятельности. Когда история рассматривается только как объективный естественноисторический процесс, субъект как бы включается в этот процесс, не выявляется особо. Но целостный подход к истории немыслим без характеристики субъекта исторического действия. И этот субъект с необходимостью появляется, когда мы рассматриваем историю как результат деятельности людей: здесь «бессубъектное» рассмотрение истории уже просто невозможно.

Мы хотели бы подчеркнуть этот момент — что субъект вводится с необходимостью, концептуально, а не просто декларируется его включение в методологию социально-исторического

анализа. Но вместе с «появлением» субъекта разворачивается полотно новых методологических проблем, например, о соотношении объекта и субъекта в истории, объективной необходимости и сознательной деятельности, о роли «субъективного фактора», об изменении реального субъекта исторического действия, о соотношении масс и личности в истории и т. д. и т. п.

Далее, когда мы приступаем к познанию деятельности исторического субъекта, возникает задача анализа уже не только общих материальных условий деятельности, но и условий конкретно-исторических, задача, которую В. И. Ленин называл конкретным анализом конкретной ситуации действия. Здесь получает дальнейшее развитие и принцип историзма, последовательное проведение которого в реальном процессе познания невозможно без конкретного анализа. А без этого «посредствующего» звена был бы весьма затруднен переход от общих законов истории и материальных предпосылок деятельности к описанию и оценке реального исторического процесса.

Наконец, рассматривая историю как объективный, естественноисторический процесс, мы в общем игнорируем роль случайности в истории. Когда же мы начинаем рассматривать законы истории не «в чистом виде», не в абстракции, а в формах их реального проявления в деятельности людей, в противоборстве различных исторических тенденций, в столкновении интересов, борьбе классов и т. д., то игнорирование роли случая может обернуться большими методологическими просчетами. Недаром еще К. Маркс писал, что история выглядела бы весьма мистически, если бы случайности не играли в ней никакой роли. Поэтому проблема учета случайности в истории является и методологической проблемой и она «вводится» тогда, когда мы начинаем рассматривать историю как результат деятельности людей.

Таким образом, выделение «деятельностного» аспекта анализа общества подводит нас к разработке методологических проблем на более конкретном уровне, включающем субъекта исторического действия, определение конкретных условий деятельности и роли случайности в истории, что позволяет анализировать законы общественного развития не только в чистом виде, но и в формах их проявления в деятельности людей.

Основоположники марксизма-ленинизма отмечали наличие этого более конкретного методологического уровня. Так, В. И. Ленин специально подчеркивал, что без понятия «классы» и классовое общество понятие общественной формации

недостаточно конкретно [3, 383], что именно теория классов и классовой борьбы дает руководящую нить в познании противоречивых стремлений и интересов различных общественных классов, слоев, народов, обществ и т. д. [2, 58].

Этот «деятельностный» аспект методологии исторического материализма выступает в качестве посредствующего звена между самыми абстрактными уровнями методологии и теории общественного развития — уровнями формации, общих законов истории и т. п. и конкретным познанием социальных явлений и процессов различными специальными общественными науками. Но в то же время мы должны подчеркнуть, что это еще не само конкретное социальное и историческое знание, а определенный уровень методологии познания.

Рассмотрев принципы анализа истории как объективного закономерного естественноисторического процесса и как результата деятельности людей, мы можем показать, что выявление закономерностей общественного исторического процесса служит основой для объяснения самой деятельности, в которой эти закономерности только и существуют и действуют. Казалось бы, этими методологическими срезами научный анализ целостного исторического процесса исчерпывается: рассмотрены и законы истории и формы их реализации в деятельности людей. Однако стоит подчеркнуть, что при анализе истории как результата деятельности людей задача состояла — как и в любой науке — в сведении единичного к общему, случайного к необходимому, а в общественных науках — индивидуального к социальному. Поэтому сама деятельность людей рассматривалась в таких общих категориях, как классы, массы, исторические общности и т. д., т. е. категориях, которые позволяли вскрыть закономерный характер человеческой деятельности в истории. В обоих этих срезах анализа истории человек, конечно, присутствует, но лишь как компонент более общей системы — производительных сил, производственных отношений, класса и т. д. Между тем, задачей гуманитарного знания — и в этом его отличие от типа знания естественнонаучного — является познание не только общих, необходимых, существенных связей и отношений, но и познание их проявления в индивидуальном. Поэтому, например, в истории как науке индивидуальное событие, исторический факт служат не только основой для обобщения, но имеют и самостоятельную ценность [7, 21]. Это объясняется тем, что историю делают люди, накладывающие на ее ход печать своей индивидуальности.

Но не только люди делают историю, а и история делает людей. Более того, история приобретает смысл, если она раскрывается как история собственного развития человека. И эта идея заложена в самой сущности материалистического понимания истории. Поэтому все разговоры (и предложения) дополнить марксизм экзистенциализмом, т. е. дополнить материалистический детерминизм особым учением о человеке, основаны на недоразумении, на непонимании подлинной сущности исторического материализма, его гуманистической природы.

«Общественная история людей,— писал Маркс,— есть всегда лишь история их индивидуального развития, сознают они это или нет» [1, 402—403]. Это важнейшее положение Маркса выдвигает необходимость выделить в методологии исторического анализа особый срез исследования целостного исторического процесса, который позволяет рассмотреть историю под новым углом зрения и уловить те проблемы, которые раньше либо оставались в тени, либо вводились в методологию социального анализа чисто механически, а не концептуально.

Рассмотрение истории как истории индивидуального развития людей позволяет, во-первых, ввести в методологию философско-социологического исследования общества проблемы человека, индивида, личности не просто в виде отдельной темы (общество и личность и т. п.), а как один из аспектов подхода к историческому процессу в целом, имеющий особенно важное значение для методологии исторической науки, гуманитарного знания вообще.

Во-вторых, такой подход позволяет разработать методологические принципы перехода от социального к индивидуальному в различных общественных условиях и тем самым органически ввести категорию «образ жизни», существо которой, на наш взгляд, и состоит в проявлении социального в индивидуальном.

В-третьих, открывается возможность анализа исторических типов социальности, формирующих индивидов и определяющих характер взаимодействия индивида и общества.

В-четвертых, понять коммунизм как «разрешение загадки мировой истории» (Маркс). Коммунизм нами раскрывался и как закономерный продукт истории и как результат активной творческой деятельности масс людей, но только здесь мы подходим к пониманию его подлинного гуманистического смысла. Коммунизм — это общество, в котором свободное и всесторон-

нее развитие каждой отдельной человеческой личности становится самоцелью. Но чтобы понять, как это становится возможным, надо рассмотреть типы взаимоотношения общества и личности в прежних формациях, рассмотреть процесс формирования человека как личности, т. е. рассмотреть развитие общества как процесс индивидуального развития человека.

Введение в методологию исторического материализма данного, третьего среза анализа истории имеет, однако, не только теоретическое значение. В настоящее время в процесс активного исторического творчества включаются многие миллионы людей, в недалеком прошлом жившие под пятой колонизаторов, людей, сформировавшихся в самых различных, в том числе архаических социальных структурах. Чтобы понять, как будут развиваться события в странах «третьего мира», важно учитывать не только внутренние и международные условия, но и характер того «человеческого материала», который ныне выступает на историческую арену в Азии, Африке, Латинской Америке. А это можно узнать, лишь проанализировав, какими их сделала предшествующая история, те типы социальности, в которых они формировались.

Сложные процессы возникают ныне и во взаимоотношении общества и личности в развитых капиталистических странах. Общий кризис капитализма болезненно сказывается на личности, на росте ее «социальных болезней» в мире всеобщего отчуждения. Анализ этих процессов и порождаемых буржуазным образом жизни болезней личности является существенным аспектом критики современного капитализма, ибо каждая социальная система оценивается ныне в конечном счете по тому, что она дает для человека.

И, наконец, перед нашим обществом в условиях развитого социализма стоят грандиозные задачи формирования нового человека — личности коммунистического общества. Анализ того нового типа взаимоотношений личности и общества, который складывается в условиях социализма, и выявление формирующихся здесь тенденций, возникающих проблем существенно важны для успеха и разработки соответствующей методологии.

Вычленив три аспекта социально-философского исследования, стоит подчеркнуть, что это не искусственная конструкция, придуманная для удобства субъекта, познающего общественную жизнь. Нет, само общество предстает перед познающим субъектом и как объективно функционирующая и развиваю-

шаяся система, подчиняющаяся законам, не зависящим от воли и сознания людей, и как продукт и результат человеческой деятельности, и как процесс становления и развития человеческой индивидуальности. А это значит, что выделение этих аспектов дает, по нашему мнению, ту концептуальную основу для систематизации категорий исторического материализма, которая обеспечивает их соответствие отражаемому объекту.

Таким образом, чтобы научно подойти к исследованию общества, необходима разработка в рамках исторического материализма сложного и многоуровневого методологического инструментария, который вряд ли может заменить жесткая, однолинейно расположенная система категорий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 27.
2. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26.
3. Ленинский сборник, т. XI.
4. Исторический материализм и социальная философия современной буржуазии.—М.: 1960.
5. Кон И. С. Позитивизм в социологии.—М.: 1964, гл. 3.
6. Поршнев Б. Ф. Социальная психология и история.—М.: 1966.
7. Философские проблемы исторической науки.—М.: 1969.

З. А. ЛАЗЧЕНКО

ПРОБЛЕМА СООТВЕТСТВИЯ КАТЕГОРИЙ ИСТОРИЧЕСКОГО И ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА

Проблема систематизации категорий исторического материализма — это проблема единства исторического материализма, так же как и проблема систематизации категорий диалектического материализма — проблема единства диалектического материализма. Эти проблемы до настоящего времени рассматриваются отдельно, как проблемы самостоятельные. Есть многообразные попытки сформулировать принципы систематизации категорий диалектического материализма и категорий исторического материализма, определить исходные категории диалектического материализма и исходные категории исторического материализма.

Но нам представляется, что при решении как проблемы систематизации категорий исторического материализма, так и проблемы систематизации категорий диалектического материализма не в достаточной степени реализуется принцип единства диалектического и исторического материализма.

Проблема единства диалектического и исторического материализма решается еще в слишком общем, абстрактном виде и не доведена до анализа их содержательного единства. И хотя критикуется подход к историческому материализму как конкретизации положений диалектического материализма применительно к обществу, но в изложении исторического материализма этот подход еще не преодолен.

«Предметообразующее» значение основного вопроса философии для философской теории несомненно, но «методологический заряд», заключенный в этом положении, не реализуется в достаточной степени при построении теории марксистской философии, как целостной системы.

Нам представляется, что доведение решения этих проблем до уровня выявления соответствия категорий диалектического и исторического материализма создало бы дополнительные возможности для решения проблем систематизации как категорий исторического, так и категорий диалектического материализма, дало бы возможность свести к некоторому единству многообразие подходов к этим проблемам.

Может вызвать сомнение применимость принципа соответствия к анализу философской теории. Несомненно, что всеобщность законов философии имеет иную природу, чем всеобщность законов естественных наук. Всеобщность законов естественных наук имеет экстенсивный, объемный характер и степень общности законов определяется пространственно-временными границами действия этих законов. Поэтому принцип соответствия определяет границы действия законов, и каждая новая теория выступает как более общая теория, включая в себя старую теорию как предельный случай. Всеобщность законов философии носит экстенсивный характер. Общность законов природы, общества и мышления заключается не в том, что они действуют в этих трех сферах, а в том, что эти законы выражают необходимую связь этих сфер, их единство. И сами эти сферы имеют не пространственно-временное отличие, а различие, заключающееся в самом характере их реальности. Природа — объективная реальность, общество — объективно-субъективная реальность, мышление — субъективная реаль-

ность. И поэтому, если диалектический материализм имеет своим объектом отношение этих реальностей, то исторический материализм имеет своим объектом объективно-субъективную реальность.

Поэтому, если принцип соответствия выражает инвариантность законов в пространственно-временном аспекте, то условно можно говорить о принципе соответствия как инвариантности в сущностном плане.

Эвристическое значение соответствия (воздержимся употреблять понятие «принцип соответствия») заключается в возможности соотнесения категорий одного порядка с целью выявления (на основе общего) их особенностей, что значительно облегчает задачу нахождения места категорий в их системе.

Мы знаем, насколько плодотворным было соотнесение категорий сущности, общего, закона, необходимости — с одной стороны, явления, единичного, случайного — с другой. Не менее плодотворно соотнесение категорий детерминации: причина — необходимость — действительность, следствие — случайность — возможность.

Нам представляется, что при построении системы категорий исторического материализма нельзя абстрагироваться от системы категорий диалектического материализма. В этих разных системах, безусловно, существуют категории одного порядка, важно только не упрощать задачу и не рассматривать систему категорий исторического материализма просто как конкретизацию категорий диалектического материализма.

Переход от системы категорий диалектического материализма к системе категорий исторического материализма — это переход от диалектики отношения к диалектике взаимодействия. По существу, все категории диалектического материализма — это историческое и логическое воспроизведение отношения сознания к материи в самых различных аспектах. Категории же исторического материализма — историческое и логическое воспроизведение взаимодействия между объектом и субъектом.

Социальная реальность — реальность особого рода. Это также объективная реальность, как и природная, но сущностью этой реальности является взаимопереход объективного в субъективное и наоборот. Т. И. Ойзерман, отмечая, что положение Гегеля о диалектическом тождестве субъективного и объективного таит в себе гениальное прозрение, и вместе с тем утонченную мистификацию действительности, пишет: «Специ-

фика социальной формы объективного действительно заключается в том, что объективное и субъективное превращается друг в друга. Объективная реальность социального качественно отличается от объективной реальности природного. Природное есть, так сказать, абсолютно объективное». И далее: «Социальное есть единство противоположности, интериоризация объективного и экстериоризация (объективация) субъективного» [3, 15].

В связи с этим возникает ряд вопросов. Вопрос о соответствии категорий «материя — объект», «сознание — субъект». Второй вопрос — являются ли категории «объект — субъект», «объективное — субъективное» категориями диалектического или категориями исторического материализма? В какой системе категорий они должны иметь место? Наконец, принципиально возможна и следующая постановка вопроса — не существует ли система категорий, выражающих переход от одной системы к другой (такие, например, как категории практики, объект — субъект, необходимость и свобода, возможность и действительность)? Или они должны занять место в обеих системах категорий только на различных уровнях абстракции.

При соотнесении категорий диалектического и исторического материализма обнаруживаются различные виды соответствия категорий. Конкретизация категорий диалектического материализма в категориях исторического материализма выражает, пожалуй, один из простейших видов соответствия категорий, в котором характер соответствия определяется диалектикой особенного и общего. (Например, соответствие категорий движение — деятельность, практика — материальное производство). Можно назвать этот вид соответствия непосредственным. Сведение всех видов соответствия только к этому виду порождает недоразумения и ошибки. Непосредственное соотнесение материи и общественного бытия — пример этому. Такие категории, как практика, объект и субъект являются категориями и диалектического и исторического материализма. На них лежит особая нагрузка — они посредуют соответствие категорий, соответствие обеих систем категорий, через них осуществляется единство этих систем, их взаимный переход.

Особый характер соответствия существует между категориями детерминации. Здесь, как нам представляется, имеет место оборачивание соответствия. Здесь уже происходит не конкретизация категорий диалектического материализма че-

рез категории исторического материализма, а наоборот — конкретизация категорий исторического материализма через категории диалектического материализма. Категории историческая необходимость и свобода конкретизируются через категории причина и следствие (и сопутствующие им категории основание, условия), возможность и действительность, случайность и необходимость.

Построение системы категорий и диалектического и исторического материализма сочетает в себе два подхода — и «внутреннее» развитие категорий и взаимодействие, взаимопереход категорий обеих систем. Логичен «внутренний» переход в системе категорий диалектического материализма от категории материи к категории объекта, от категории сознание к категории субъекта. Но если мы ограничимся лишь внутренней логикой развития категорий диалектического материализма, то содержание категорий объект и субъект не только значительно обединится, но и часто возникает опасность отождествления материи и объекта, сознания и субъекта, рецидив ограниченного метафизического взгляда на субъектно-объектные отношения.

По нашему мнению, в исследовании субъектно-объектных отношений преобладает пристрастие к гносеологическому аспекту этого отношения (В. Ф. Кузьмин, В. А. Ленторский). Однако действительным источником обогащения категорий объекта-субъекта и их отношений является исследование деятельности, рассматриваемой как особой, социальной формы движения. М. С. Каган в своей статье «Проблема субъектно-объектных отношений в марксистско-ленинской философии» пишет: «Расчленение субъекта и объекта есть выражение определенного уровня, достигнутого развитием философской рефлексии, на котором остро осознана потребность осмысления человеческой деятельности как специфической формы движения, изменения, активности» [3, 41].

Исследования субъектно-объектных отношений на основе анализа деятельности представлены в работах Г. С. Арсфьевой, К. И. Любутина, М. С. Кагана. Эти исследования в значительной степени обогащают категории субъекта, объекта, выявляют их структуру, их отношение. М. С. Каган считает весьма плодотворным выявлением К. И. Любутиным ценностного аспекта в субъектно-объектных отношениях. По его мнению, «мысль о наличии трех аспектов в отношении субъекта к объекту — практического, познавательного и ценностного — име-

ет принципиальное значение, т. к. свидетельствует о том, что субъектно-объектное отношение характеризует человеческую деятельность во всей полноте, а не одно лишь гносеологическое измерение». [3, 42].

Для нас этот вывод представляет интерес как иллюстрация эвристического значения «принципа соответствия». Каков бы ни был подход к выявлению ценностного аспекта субъектно-объектных отношений, но на какой-то стадии выявления этого отношения он обязательно включает в себя момент соотношения, установления соответствия практического и гносеологического аспекта. Действие соответствует знанию и опосредовано им. Но действие опосредовано не просто знанием, но прежде всего ценностью этого знания для человека. Установление соответствия может выступать и как исходный момент исследования (или отдельных категорий, или их отношения или их места в системе категорий), но он может выступать и как завершающий момент.

Принцип соответствия требует единого подхода к построению как системы категорий диалектического, так и категорий исторического материализма.

Нам представляется весьма обоснованным положение А. П. Шентулина об исходных началах и принципах построения системы категорий диалектики. Первое положение о том, что исходными категориями должна быть не одна, а группа категорий. «Среди категорий, отражающих всеобщие свойства и связи объективной действительности, нет таких, которые бы смогли самостоятельно, без сочетания с другими выполнять роль исходного начала, обеспечить переход одних категорий к другим в целостной системе» [4, 14].

Второе положение — положение о том, что сочетание этих определенных категорий должно быть полным основанием разделения всех категорий на группы и связи этих групп. Таким основанием системы категорий диалектического материализма является категория практики, противоречия, материи-сознания. Нам представляется, что исходным началом построения системы категорий исторического материализма является единство соответственных им категорий. Таковыми является практика (только взятая не в гносеологическом, а в деятельном аспекте), противоречие (взятое в субъектно-объектном деятельном отношении), и соответственное категориям материя-сознание категории объекта и субъекта.

Соответствие между этими основаниями определяется со-

ответствием познавательного (как отражательного) и деятельного процесса (включающего в себя познавательный процесс, только не в его отражательном, а деятельном аспекте). Согласно А. П. Шептулину, «исходное начало следует искать среди категорий, отражающих отношения (свойства), определяющие функционирование и развитие познавательного процесса» [4, 15]. Соответственно исходным началом категорий исторического материализма являются категории, определяющие развитие и функционирование деятельности.

Соответствовать должны не только исходные начала. Единство диалектического и исторического материализма предполагает и единство принципов построения их категориальных систем. А. П. Шептулин выдвигает три принципа, достаточных для построения системы категорий диалектического материализма — единство исторического и логического, восхождение от абстрактного к конкретному и тождество диалектики, логики и теории познания.

Единство принципов построения категориальных систем диалектического и исторического материализма проявляется не в полном совпадении этих принципов, а в их соответствии. То есть эти принципы должны исходить из единства диалектического и исторического материализма и их относительной самостоятельности, различия в предмете и объекте исследования.

Таковыми принципами является единство логического и исторического (но здесь имеет место оборачивание исторического и логического в силу особенностей общества как объекта научного исследования, породивших коренные недостатки домарксистской социологии), восхождение от абстрактного к конкретному и единство диалектического и исторического материализма. Принцип соответствия не выражает все аспекты единства диалектического и исторического материализма, поэтому мы не склонны рассматривать его как еще один принцип построения систем категорий диалектического и исторического материализма. Мы только хотели бы подчеркнуть эвристическое значение этого принципа в построении категорий и тем самым оказывающего регулирующее воздействие на ход построения этих систем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маркс К. и Энгельс Ф. т. 23.
2. Каган М. С. Проблема субъектно-объектных отношений в марксистско-ленинской философии.—Философские науки, 1980, № 4.

3. Ойзерман Т. И. Историческое как субъект-объектная реальность. — *Философские науки*, 1980, № 6.

4. Шептулин А. П. Исходные начала и принципы построения системы категорий диалектики. — *Философские науки*, 1979, № 2.

М. В. ЛАШИНА.

МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ОСНОВНЫХ СФЕР ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ И СИСТЕМАТИЗАЦИЯ КАТЕГОРИЙ ИСТОРИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА

Сложная и ответственная задача систематизации категорий исторического материализма может решаться только с основательных, глубоко продуманных методологических позиций. Определение этих позиций предполагает учет всех аспектов философско-социологической теории марксизма, но прежде всего — учения об общественно-экономических формациях, занимающего центральное место в историческом материализме, и в тесной связи с ним, концепции основных сфер общественной жизни. Эта концепция является необходимым продолжением учения об общественно-экономических формациях, т. к. на основе главного — разделения общественных отношений на материальные и идеологические — конкретизирует наиболее важные разновидности этих отношений. Известно, что К. Маркс выделял четыре крупнейшие разновидности общественных отношений и соответственно четыре основные сферы общества — экономическую, социальную, политическую и духовную, которые и должны приниматься во внимание при систематизации категорий исторического материализма¹.

Первоочередная проблема заключается, конечно, в том, чтобы совершенствовать анализ и классификацию категорий, отражающих особенности материальных и идеологических отношений, т. к. по этой линии проходит решение основного вопроса философии применительно к обществу. Однако сама эта проблема, для своего достаточно последовательного решения, нуждается в использовании тех возможностей и того на-

¹ Здесь и далее имеются в виду не только наиболее важные категории, но и все вообще понятия исторического материализма.

учного аппарата, которым располагает концепция основных сфер общества. В самом деле, уже анализ материальных отношений и классификация выражающих их понятий требуют исследования не только экономических, но и социальных отношений, которые складываются тоже объективно и, вместе с тем, не могут быть просто отождествлены с экономическими. Категории, отражающие идеологические отношения, также нуждаются в определенной дифференциации, т. к. между политической и духовной жизнью, при всем их родовом единстве, есть несомненные видовые различия.

Наша постановка вопроса сводится, иначе говоря, к тому, что **специфика основных сфер общества является одним из необходимых оснований для дальнейшей разработки и систематизации категорий исторического материализма.** При этом, разумеется, имеется в виду **специфика общесоциологическая**, указывающая на место и роль данной сферы в жизни всего общества, на ее особые функции в существовании и развитии общества как целостной системы. Только учитывая эту специфику, можно определить надежные критерии для классификации и систематизации категорий исторического материализма.

Выше говорилось также о **дальнейшей разработке** категорий, и это понятно: далеко не все аспекты различных сфер общества выражены в надлежащих понятиях, от чего существенно зависит правильность и полнота их систематизации.

В настоящей статье как раз и акцентируется внимание на менее разработанных понятиях, причем главным образом по сферам экономической и социальной жизни, как наиболее фундаментальным, позволяющим наиболее полно раскрыть особенности изложенного нами подхода.²

Экономическая сфера является основой общества, т. е. основой возникновения, существования и развития всех других его сфер. В этом и состоит ее общесоциологическая роль и специфика, а значит, и тот общий критерий, которым нужно руководствоваться при разработке и систематизации относящихся к данной сфере категорий, **отражающих ее внутренние и внешние связи.** В трудах классиков марксизма-ленинизма глубоко и всесторонне исследованы как те, так и другие связи, в то время как в современной научно-педагогической работе преобладает внимание к внутреннему механизму матери-

² Специфика и взаимосвязи всех четырех сфер общества прослеживаются автором в статье «Основные сферы общественной жизни и их взаимосвязь» («Философские науки», № 4, 1979), основные положения которой использованы в настоящем сообщении.

ального производства и в меньшей степени изучаются «внешние выходы», т. е. влияния на все другие подразделения общества. В результате недостаточно развернуто и убедительно анализируется основной социологический закон об определяющей роли способа производства в общественном развитии, а само понятие «определяющей роли» рассматривается иногда слишком общее, нерасчлененно. Между тем определяющая роль способа производства вовсе не является однолинейной, а проявляется в целой системе разнообразных, строго дифференцированных, к тому же последовательно усложнявшихся влияний на общество. Основными видами этих влияний или отношений являются отношения причины-следствия, основы-обоснованного, содержания-формы, сущности-явления. Только совокупный учет всех этих влияний способен дать адекватное представление об определяющем воздействии экономики на жизнь общества, что имеет огромное познавательное и практическое значение, особенно в условиях развитого социализма. XXIV, XXV, XXVI съезды КПСС, принятые в развитие их решений партийные документы подчеркивают наличие в развитии социалистическом обществе единого народнохозяйственного организма, высокой зрелости всех общественных отношений, что создает возможность комплексного решения экономических, социально-политических, культурно-идеологических задач коммунистического строительства. Вполне понятно, что в этих условиях неизмеримо возрастает значение целостного, совокупного анализа определяющих влияний экономики на все стороны общественной жизни.

Благодаря **причинным** воздействиям экономика вызывает к жизни различные социальные, политические и духовные явления или изменения в них. Здесь ясно выражен **порождающий, производящий** аспект экономических влияний — первый по месту и значению, т. к. без возникновения какого-либо явления не может быть и речи о других, более сложных влияниях, оказываемых на него экономикой.

К их числу относится прежде всего влияние экономики на другие сферы общества в качестве их **основы**. Новое в этом типе связи состоит в том, что экономика, как основа, определяет **главную тенденцию** в развитии всех порожденных ею (а в данном случае — основанных ею) явлений, каковая при всех обстоятельствах, в конечном счете, прокладывает себе дорогу. Данный компонент «определяющей роли экономики» позволяет предвидеть не только необходимость известных социально-политических и других преобразований, но и научно

прогнозировать основное направление их развития, что играет большую роль в выработке долговременных, стратегических решений.

Еще более сложным и продуктивным является воздействие экономики, как содержания, на другие сферы общества, которые выступают уже как формы этого содержания. Экономика — причина и экономика — основа дают, так сказать, нерасчлененный результат своего действия — такая-то экономика в целом порождает такие-то постэкономические явления и общую направленность их развития. Экономика, как содержание, сама выступает в виде конкретных элементов (отношений производства, обмена, распределения) и потому определяет столь же конкретные, отвечающие всем элементам ее содержания социально-политические и духовные формы общественной жизни. Своеобразие и важность этого типа связи очевидны — он позволяет, помимо общей тенденции, учитывать потребности всех составляющих экономики и сознательно «прилагать» к ним все процессы общественной жизни.

Классическим примером исследования экономики со стороны ее содержания служит известный ленинский анализ многоукладной экономики нашей страны в первые годы Советской власти. Высокие образцы содержательного анализа высоко развитой экономики зрелого социализма и соответствующих им социальных, политических, идеологических форм представлены в решениях XXIV, XXV, XXVI съездов партии, в решениях Пленумов и Постановлениях ЦК КПСС.

Экономика оказывает наиболее глубокие определяющие воздействия на общественное развитие в качестве его сущности. Противоречие в самой этой сущности — между прогрессивными и консервативными тенденциями экономического движения — является изначальным и всеобщим источником развития общества, всех происходящих в нем изменений. Этот тип связи подчиняет себе все остальные и представляет определяющую роль экономики в ее обобщенном виде, позволяя не просто констатировать имеющееся противоречие, но, главное, выделить его ведущую, прогрессивную сторону, которая и служит ориентиром для деятельности передовых классов и партий. Глубокий сущностный анализ экономики развитого социализма позволил нашей партии выработать исторически важные решения о прогрессивном развитии общественного производства по пути его дальнейшей концентрации, о необходимости и средствах преодоления любых консервативных тенденций в решении этой задачи.

Все сказанное по поводу «внешних» влияний экономики подводит, как нам кажется, к определенному выводу. Нужны конкретные понятия для того, чтобы можно было дать всестороннюю характеристику этих влияний, показать определяющую роль экономики не в общем утверждении, а с помощью тщательного и точного анализа. Инструментом такого анализа могут быть понятия экономических причин, основ, содержания и сущности общественно-исторического процесса и его отдельных этапов. Эти понятия помогут уточнить и развить целостную систему представлений, выражающих действительно общесоциальную роль экономики и, тем самым, глубинные основы материалистического понимания истории.

Сфера социальных процессов и отношений³ сравнительно наименее исследована в нашей литературе. Особенно много неясностей в вопросе о месте и роли этой сферы в жизни общества, т. е. о ее общесоциологической специфике и статусе. Излагая здесь свою точку зрения по этому вопросу, автор стремится показать, каким, по его мнению, должен быть общий угол зрения при разработке и систематизации категорий, относящихся к сфере «социального».

Наша позиция состоит в том, что в этой сфере складываются реальные общности-людей в качестве возможных будущих субъектов исторического процесса. Известно, что социальные группы формируются в результате синтеза базисных и надстроечных явлений, при этом именно последние, объективно «отпечатываясь» в их бытии, обуславливают развитие групп по пути к самосознанию и к сознательной исторической деятельности. Это обстоятельство определяет место «социального» как такой области, внутри которой подготавливается переход от объективного к субъективно-сознательному в исторической деятельности.

Общесоциологическая характеристика сферы «социального», ее роли и функций (объективное формирование будущих сознательных участников исторического процесса) позволяет определить хотя бы основные вехи в дальнейшей разработке и систематизации относящихся к ней категорий.

Прежде всего должны быть выработаны понятия, в которых «социальное» было бы достаточно четко отграничено от явлений экономической и политической жизни. Известно, что еще до недавнего времени некоторые авторы утверждали, что

³ Для краткости нередко употребляют понятие «социального», понимаемого в узком смысле, как определенная сфера общественной жизни.

общественные группы складываются прямо в сфере экономики и что никакой особой области «социального» не существует. С этим нельзя согласиться. Хотя «социальное», как и экономика, развивается и существует объективно, но здесь имеет место объективность более сложного порядка, в которую включаются, как уже отмечалось, объективированные влияния надстройки.

С другой стороны, понятие, скажем, класса и по сей день употребляется без указания на то, что именно имеется в виду — класс как элемент социальной или уже политической жизни. Вместе с тем такое указание имеет большую важность для различения уровней и форм классовой борьбы, возможностей класса, который является еще только объективной целостностью или уже становится носителем классового самосознания и т. д.

Нам кажется, что уже общее понятие «класс, как явление социальной жизни» (это же понятие применимо и ко всем другим элементам «социального»), указывает на видовые отличия этого явления и вносит достаточную ясность в классификацию понятий по различным сферам общества.

Требуют более тщательной разработки и упорядочения также понятия, отражающие длительный и трудный процесс именно социального, т. е. объективного формирования общественных групп, которому принадлежит важная роль в становлении классов, наций, прослоек, в вызревании условий классовой борьбы. Классики марксизма-ленинизма уделяли большое внимание этому вопросу, в их трудах имеются всесторонне разработанные понятия «отдаленных предшественников пролетариата», «предпролетариата», пролетариата, которые еще не есть класс даже объективно, а представляют собой только «сумму цехов» и т. д. Система этих понятий указывает на то, что процесс возникновения даже «класса в себе» не есть нечто одномоментное, что он включает множество ступеней, которые требуют детального изучения и столь же детального понятийного выражения. Нечего и говорить, как важна эта задача в современных условиях мощного развертывания революционно-освободительной борьбы, когда, особенно в развивающихся странах, быстрее, но и сложнее, чем раньше, протекает социально-объективное созревание общественных групп, прежде всего рабочего класса.

В социальной структуре общества совершенно справедливо выделяются классы, как ее определяющий элемент. Это —

центральная проблема «социального», т. е. она указывает на классовый аспект всех других общественных групп и всех вообще явлений социальной жизни, указывает на то, что этот аспект является главным и в исследовании, и в практическом решении вопросов социального развития общества. Тем более важно совершенствовать и систематизировать те понятия, в которых определяющая роль классов, на уровне даже социального их бытия, была бы достаточно всесторонне и последовательно раскрыта. Думается, что в этих понятиях должно быть подчеркнуто объективное, причем определяющее, влияние классов уже на самый процесс формирования всех общественных групп, на их социальную природу, на их объективную общественную роль и перспективы развития, а в целом — на характер функционирования и развития всей социальной структуры данного общества.

Наконец, целая группа понятий выражает, так сказать, общий результат развития всей сферы «социального» — те объективные и достаточно зрелые предпосылки, которые делают возможным переход классов и других общественных групп от объективно-стихийного к сознательному развитию и деятельности, в первую очередь к политике. Эта группа понятий также требует и дальнейшей разработки, и строгого упорядочения.

Применительно к классам следует, на наш взгляд, понятно выразить и сформулировать такие предпосылки, как наличие достаточно развитых: социальной психологии, профессиональных организаций и профессиональной борьбы. Развивая соответствующие понятия, рассматривая их в определенной последовательности, как некоторую целостную «цепочку», мы сможем лучше осмыслить внешние выходы «социального», его стыковку с политикой, а более широко — логику перехода от материальных к идеологическим отношениям.

Политическая и духовная жизнь общества значительно больше исследована в нашей литературе, чем сфера «социального», здесь имеется разветвленная система понятий, особенно выражающих различные уровни и формы общественного сознания. Мы позволим себе поэтому совсем не касаться вопросов общественного сознания, а по категориям политической жизни ограничимся лишь одним соображением, которое представляется нам весьма существенным для правильного, целостного исследования и изучения этой сферы общества.

В настоящее время наиболее разрабатываются и использу-

ются те понятия, которые относятся к политической организации общества; и это вполне оправдано. Политические организации и их системы являются главным и решающим условием политической деятельности. Вместе с тем известно, что политическая деятельность не сводится только к одним политическим организациям, а включает еще такие необходимые элементы как политическое сознание и политические отношения.

Не учитывая в достаточной степени и в определенной связи этих элементов, нельзя сколько-нибудь полно представить себе весь сложный механизм политической жизни, да и механизм становления и функционирования самих политических организаций. Без политического сознания эти организации не могут ни возникнуть, ни действовать, т. к. они идеологичны по самой своей природе. С другой стороны, политические организации, при всей их важности, не являются чем-то самодовлеющим. Вся их важность, а в общем итоге — их главное назначение состоят в том, чтобы содействовать установлению, развитию и регулированию политических отношений, которые охватывают целые общественные группы и государства и поэтому являются основным средством для реализации интересов тех или иных классов.

Несмотря на очевидную значимость политического сознания и политических отношений, выражающие их понятия либо не всегда правильно, либо совершенно недостаточно используются при анализе политической сферы, которая требует особенно полного и точно выверенного категориального аппарата. Политическое сознание рассматривается чаще всего в ряду других форм общественного сознания и значительно реже, как составная часть реальной политической деятельности, как ее первый, конституирующий элемент. Тем самым политическое сознание освещается больше в просветительски-гносеологическом плане, чем со стороны его наиболее действительной общественной роли, не говоря уже о том, что нарушается внутренняя цельность в понимании всего политического процесса.

Что касается понятия политических отношений, то практически оно мало применяется для характеристики политической сферы, хотя именно политические отношения и обусловленные ими политические действия являются главной целью всей политической деятельности.

В настоящее время политические отношения уже достаточ-

но полно исследованы в нашей литературе, и результаты этой работы могут и должны быть использованы для совершенствования действительно целостной системы категорий, отражающих явления политической жизни.

В заключение хотелось бы обратить внимание и на большую важность дальнейшей отработки понятий, раскрывающих «внешние» связи политики, т. е. ее влияния на другие сферы общества. Проблема обратных воздействий политики на область социальной и особенно экономической жизни более или менее всесторонне освещена в имеющейся литературе, и это положительно сказалось на осмысливании и развитии соответствующих понятий. Значительно меньше продуманы и систематизированы понятия, выражающие характер и механизм воздействия политики на формы общественного сознания. Здесь мы обычно ограничиваемся общей формулой «ведущей и направляющей роли политики», которую, на наш взгляд, следует возможно более подробно раскрыть, т. к. речь идет о связях между высшими, наиболее сложными и действенными формами классовой борьбы, значение которых в современном мире неуклонно возрастает. Нам представляется, что в решении этой задачи нужно отойти от понятия политики как идеологообразующего фактора. Это понятие означает, что именно в области политики обобщаются те классовые интересы, которые и становятся высшим принципом и ориентиром во всем процессе выработки и развития нравственных, эстетических и философских воззрений каждого определенного класса. Раскрывая эти причины глубинного воздействия политики на другие идеологические формы, мы показываем ограниченность, основательность связи между ними, ее необходимый, закономерный характер. Такой подход важен для решения как положительных задач идеологической работы, так и задач разоблачения многочисленных буржуазных концепций, направленных на то, чтобы ослабить и извратить понимание неразрывной связи между политикой и духовной жизнью общества.

Очевидно также, что понятийное выражение этой связи и его дальнейшее совершенствование есть составная часть общей работы по систематизации категорий исторического материализма.

В пределах краткой статьи нельзя, конечно, охватить даже всех узловых вопросов систематизации категорий, вытекающих из концепции основных сфер общества. Автор полагает, однако, что в данном случае важны не столько объем и полнота ис-

следования, сколько сама постановка проблемы о значении этой концепции для дальнейшего совершенствования понятий исторического материализма в их системном выражении.

А. В. МАРГУЛИС

О МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ АСПЕКТАХ ОБЩЕСОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Интенсивная разработка многих актуальных проблем исторического материализма в течение последних 10—15 лет положительно сказалась не только на развитии общесоциологического знания, но и актуализировала необходимость дальнейшего теоретического осмысления его методологической проблематики, в частности, — основных его функций. Вновь встали так и не нашедшие аргументированного решения вопросы: выполняет ли истмат лишь философско-гносеологические функции в качестве особенной формы диамата, либо он выполняет и собственно социологические функции, выступая и в качестве общесоциологической теории? В этой же связи находится и вопрос о возможности разных плоскостей, подходов, аспектов анализа общества как целостной системы и — соответственно — возможности разных теоретических моделей общества, базирующихся на материалистическом понимании истории: представляет ли сложившаяся философско-гносеологическая схема единственно возможную модель на уровне общесоциологической теории, либо возможны другие теоретические модели со своим категориальным аппаратом?

Известно, что часть авторов, связанных в основном с проблематикой диалектического материализма (например, Ю. Ф. Бухалов, Г. Г. Караваев и др.), считает, что истмат как философская наука выполняет только философско-гносеологические функции. Большинство же специалистов в области исторического материализма считает, что он одновременно выполняет и собственно социологические функции, характеризуя качественную специфику социальной действительности на уровне общесоциологической теории. Однако при этом остается неясным, как истмат выполняет социологические функ-

ции — при помощи той же теоретической модели, посредством которой реализуются философско-гносеологические функции, либо с помощью другой, скажем, специфической общесоциологической модели.

Конечно, вставшие методологические проблемы — это прежде всего проблемы теории исторического материализма, и их обстоятельное решение возможно лишь объединенными усилиями многих специалистов. В данной же статье рассматривается вопрос о специфике и взаимосвязи философско-гносеологического и социологического подходов в общесоциологической теории.

Наиболее разработанной и традиционной моделью общесоциологической теории выступает та, которая представляет собой реализацию философско-гносеологического подхода к характеристике социальной действительности; она и получила наиболее систематизированное изложение преимущественно в учебной литературе.

Теоретический анализ общества через призму этого подхода — первейшее условие становления общесоциологической теории как науки, ибо такая теория, чтобы стать научной, необходимо должна базироваться на принципе материалистического монизма. Именно материалистическое решение основного вопроса философии применительно к социальной сфере материальной действительности ориентирует познание на анализ детерминационных и субординационных отношений между ними, то есть на выяснение определяющих, основных и зависимых, производных компонентов социальной системы. Результаты такого анализа образуют фундамент научного социологического знания, поскольку, реализуя идею материализма в социологии, выступают методологической основой для рассмотрения специфики социальной действительности, представляющей собой единство объективного и субъективного.

И все-таки этот подход односторонен, ибо общество, его реальные сферы, его структура рассматривается лишь через призму отношений «первичности-вторичности» и характеризуется посредством ряда соответствующих философско-социологических категорий («общественное бытие» и «общественное сознание», «материальные и идеологические отношения», «базис и надстройка», «практика» и «теория» и др.). В этом случае неизбежно остаются вне исследовательского внимания, или выясняются односторонне многие важнейшие характеристики общества как целостной функционирующей и развиваю-

щей системы. Выпадают отношения координации между компонентами социальной системы, не выясняются функции основных сфер общества и образующих их элементов в динамике, не дается характеристика деятельного способа бытия общества, ибо философско-гносеологический анализ естественно абстрагируется от целостного механизма функционирования социальной деятельности, хотя и выясняет ее материальную основу; не рассматривается механизм реализации общественных законов и многие другие проблемы, которые непосредственно выходят за рамки детерминационных отношений. Конечно, и при этом подходе имеют место элементы собственно социологического анализа указанных явлений, но этот анализ в целом подчинен философско-гносеологической ориентации.

Отсюда необходимость собственно социологического анализа всей системы социальных явлений, образующих общество как целостный организм, — их генезиса, специфических функций, способов воспроизводства и развития, механизма взаимосвязи, то есть в целом — это характеристика общества как функционирующей и развивающейся материальной системы через присущий ей специфический способ ее существования. При таком подходе в фокусе теоретического анализа оказываются система реальных форм функционирования общественного бытия и весьма сложный механизм его воспроизводства, его самодвижения, т. е. главным объектом исследования становится система социальной деятельности во всем многообразии ее конкретных проявлений. Именно теоретическое осознание того, что система социальной деятельности, представляющей собой единство объективного и субъективного — это **специфический тип движения (способ общественного бытия)**, придающий социальной действительности ее качественную определенность, и вызвало к жизни, обусловило необходимость методологической ориентации на деятельностный подход в познании социальных явлений.

И поскольку такой подход связан с характеристикой специфики социальных явлений в их реальной целостности и динамике, то это и есть собственно социологический подход.

Следовательно, общесоциологическая теория выполняет как философско-гносеологические, так и собственно социологические функции. С одной стороны, такая теория может стать научной, если она базируется на принципе материалистического монизма, реализует идею материализма в социологии,

другой, — если она базируется на фундаментальных основаниях, фиксирующих специфику этой сферы, и прежде всего — на деятельностном принципе, ибо, подчеркиваем, система социальной деятельности является специфическим и всеобщепригодным способом бытия всех социальных явлений.

Исследование социальных систем предполагает поэтому разумную установку на учет диалектического единства этих подходов даже и тогда, когда познание преимущественно ориентируется на один из них. Это означает, что когда, в исследовании доминирует философско-гносеологический подход анализируются гносеологические функции исторического материализма), то социологический аспект присутствует в снятии (латентность социологических функций истмата) и наоборот, при социологическом анализе имеет место философско-гносеологическая ориентация.

Вместе с тем, единство гносеологических и социологических функций не должно заслонять их относительной самостоятельности, позволяющей с разных сторон анализировать этот сверхсложный объект, каким является общество. Каждый подход имеет свой предметный план анализа, не восполнимый другим, и поэтому решение определенных познавательных задач предполагает и определенный аспект исследования, как свою систему категориального аппарата. Попытка решать познавательные задачи без сознательного учета специфики и методологических возможностей этих подходов ведет к серьезным теоретическим и методологическим издержкам, которых не смогли избежать даже такие известные специалисты в области исторического материализма, как Ж. Келле и М. Я. Ковальзон. И поскольку поднятые ими вопросы носят принципиальный характер, необходимо хотя кратко их рассмотреть.

В своей статье «Важнейшие аспекты методологии социально-философского исследования» («Вопросы философии», 1980, 7), рассматривая широкий круг методологических проблем, коснулись и проблемы соотношения трех основных аспектов изучения истории, каковыми, по терминологии авторов, являются «естественноисторический, деятельностный и гуманистический», а в связи с этим — и проблемы «исходного основания социальной теории». Характеризуя «естественноисторический» аспект исторического материализма, или, на наш взгляд, философско-гносеологический подход к анализу общества, авторы подчеркнули, что идея материализма в соци-

логии обязывает выявить прежде всего такую сферу общественной жизни, которая создается людьми, но не зависит от их воли и сознания, сферу, специфические качества которой определяют сознание и которые образуют «материальную базу для существования объективных законов». Такая сфера формируется посредством труда, который «есть материальное взаимодействие с природой и одновременно единство объективного и субъективного». По их мнению, поскольку в труде всегда присутствует субъект, и от него, от его целенаправленной активности, а не только от объективных условий зависят характер и результаты трудовой деятельности, то из этого «следует очень важный для теории вывод: сознательную целесообразную деятельность наука не может сделать исходным основанием социальной теории, ибо этим основанием должно быть нечто независимое от субъекта и его сознания. В то же время это основание нельзя искать вне деятельности, то есть вне человеческой деятельности» [8, 121—122].

Очень неожиданный и очень спорный вывод. В самом деле непонятно, почему наука не может сделать сознательную целесообразную деятельность человека, социальных субъектов вообще, исходным основанием социальной теории, если, по словам самих же авторов, трудовая деятельность «есть материальное взаимодействие», то есть она представляет собой объективную реальность, которая, следовательно, может выступить «материальной базой для существования объективных законов». Как видим, вывод авторов противоречит ими же выдвинутой исходной посылке. Далее, непонятно почему исходным основанием социальной теории должно быть нечто независимое от субъекта, если, конечно, не представлять субъект в виде носителя только духовной сущности. Социальный субъект — это специфический объект, качественно особое материальное образование. И поэтому в акте труда он выступает не только в виде носителя духовного, но и материального действия. Именно поэтому он выступает субъектом производительных сил и производственных отношений. Стало быть, если следовать критерию авторов, то социальный субъект должен стать объектом социальной теории. Наконец, почему социальная теория должна брать в качестве своего основания нечто независимое от субъекта, если все в обществе, включая и социалистическое общество, есть результат, продукт преобразовательной деятельности исторически определенных социальных субъектов — человека, социальных групп, классов, общества как целостной системы. Не случайно В. И. Ленин

подчеркивал, что «главное в учении Маркса, это — выяснение всемирно-исторической роли пролетариата как создателя социалистического общества» [6, 1], то есть выяснение его роли как субъекта нового общества.

Сказанное относится прежде всего к противоречиям в логике аргументации, однако выводы авторов неубедительны и по существу.

С точки зрения В. Ж. Келле и М. Я. Ковальзона, исходным основанием социальной науки является не человек сам по себе, ни его деятельность, а система материальных производственных отношений, которая не зависит ни от людей, ни от их деятельности. Они пишут, что «люди сознательно производят материальные блага, но социальный результат их производственной деятельности — а именно те производственные отношения, которые складываются между ними, — от них не зависит. Этот результат определяется другой стороной труда — системой объективных связей с природой, носителем которых выступают производительные силы», что «открытие социальных отношений, формирующихся в деятельности и одновременно независимых от деятельности», позволило реализовать «идею объективной детерминированности сознания и деятельности» [3, 121, 122].

Хорошо известно, что марксистская социологическая концепция исходит из примата общества как целостной материальной системы, а не человека как индивида и его индивидуальной деятельности. И спор среди марксистских исследователей идет не об этом. Он касается другого — необходимости теоретического осмысления деятельностного способа существования социальной действительности и в связи с этим — выяснения места и роли системы социальных отношений в нем. Являются ли социальные отношения неким субстанциальным фактором, независимым от социальной деятельности, либо они — важнейший ее элемент и тогда о независимости социальных отношений от системы социальной деятельности речи быть не может. Отсюда и проблема соотношения методологических аспектов в социально-философских исследованиях — «деятельностного» и «естественноисторического».

В приведенных выше высказываниях авторов некорректность обнаруживается прежде всего в том, что производственные отношения, как и все социальные отношения вообще, они рассматривают как независимые от деятельности людей и от людей вообще.

В связи с этим подчеркнем, что классики марксистской мысли имели в виду нечто другое, а именно — независимость производственных отношений не от производственной деятельности людей, а от их воли и сознания. И уж, конечно, они совсем не думали, что кто-нибудь скажет, что производственные отношения, складывающиеся между людьми, от них вообще не зависят. Вот что писал К. Маркс в письме П. В. Анненкову: «...Люди не свободны в выборе своих производительных сил, которые образуют основу всей их истории потому, что всякая производительная сила есть приобретенная сила, продукт предшествующей деятельности. Таким образом, производительные силы — это результат практической энергии людей, но сама эта энергия определена теми условиями, в которых люди находятся, производительными силами, уже приобретенными раньше, общественной формой, существовавшей до них, которую создали не эти люди, а предыдущее поколение» [3, 402]. Из того, что вы живете и хозяйничаете, рождаете детей и производите продукты, обмениваете их, складываетесь, — подчеркивал В. И. Ленин, — объективно необходимая цепь событий, цепь развития независимая от нашего общественного сознания, не охватываемая им полностью никогда» [5, 18, 345].

Если авторы статьи хотели сказать, что наличные производительные силы и производственные отношения не зависят непосредственно от вступающих при данном способе производства в жизнь новых поколений людей, то и это можно интерпретировать только в том смысле, что таковые они заставляют как объективно данные, как результат предшествующей производственной деятельности. Но их воспроизводство, дальнейшее развитие, как и их замена — результат социальной деятельности людей.

Конечно, при теоретическом анализе мы можем рассматривать производственные отношения как относительно самостоятельный объект и предмет исследования, абстрактно выделенный из системы деятельности в интересах научного исследования. Но от того, что производственные отношения могут стать и становятся предметом самостоятельного анализа, они не становятся самостоятельными, независимыми от производственной деятельности людей, ибо они не обладают отдельностью своего бытия, будучи элементом системы социальной деятельности как способа существования социальных систем, объектов.

В чем истоки этих методологических просчетов авторов статьи?

Они состоят в том, что В. Ж. Келле и М. Я. Ковальзон некорректно применили философско-гносеологический подход в ситуации, когда предмет анализа требует иного — социологического, деятельностного подхода. Первый требует признания независимости материальной сферы общества, включая и производственные отношения, от сознания и — зависимости, детерминированности сознания материальными факторами. Авторы применили этот подход к характеристике взаимосвязи человеческой деятельности и социальных отношений. Поскольку, по их мнению, человеческая деятельность, включая и производственную деятельность, носит сознательный, целесообразный характер, то есть она включает в себя компонент духовного, а социальные отношения — прежде всего производственные отношения — объективны и, как таковые, они детерминируют деятельность, а потому от нее не зависят.

Иначе говоря, независимость производственных отношений от сознания интерпретирована авторами как независимость их от человеческой деятельности вообще под предлогом того, что последняя носит сознательный, целесообразный характер. По сути дела, произошло отождествление сознательной целесообразной деятельности человека с субъективным, духовным компонентом бытия, а производственные отношения как объективный элемент предстают тогда в качестве детерминанты, независимой от самой деятельности. И это сразу исказило понимание сути проблемы, породило ложную дилемму: либо есть некая сфера объективной реальности в форме социальных отношений, каким-то образом существующих в деятельности, но, тем не менее, не зависящих от нее, либо тогда нет материалистического понимания истории, а есть что угодно, вроде «бихевиориальной науки об индивидуальном поведении». Да, бихевиоризм ничего общего с научно-материалистическим подходом не имеет, но и не в нем здесь суть дела.

Дело же заключается в том, что при познании взаимосвязи социальной деятельности и социальных отношений встает проблема взаимоотношений деятельностного способа бытия как системы с элементом данной системы, играющим важнейшую роль детерминирующего фактора этой же деятельности. В этом случае необходим собственно социологический подход, выясняющий место и функцию этого элемента в самой системе социальной деятельности как объективно реальном способе существования объектов социальной действительности.

ти. Спору нет, проблема человеческой деятельности может и необходимо должна быть рассмотрена и через призму гносеологического подхода, поскольку она есть единство материального и идеального, объективного и субъективного (сам этот подход сформировался из теоретического осмысления в философии единства этих сторон в человеческой жизнедеятельности). Однако в этом случае анализируется соотношение объективного и субъективного **в самой человеческой деятельности** и тогда — применительно к предмету нашего обсуждения — производственные отношения должны соотноситься не с производственной деятельностью в целом (социальные отношения — с социальной деятельностью), а с ее духовным компонентом, ибо и то, и другое есть внутренние присущие деятельности элементы, характеризующиеся через отношения детерминации и субординации.

Как видим, неадекватное применение соответствующего подхода оборачивается серьезными теоретическими трудностями и примеров подобного применения множество не только в социологии, но и в других областях общественнознания. Существенные причины этого, в числе других причин, состоят, на наш взгляд, и в том, что, во-первых, долгое время в качестве единственной развернутой теоретической общесоциологической модели выступала известная философско-гносеологическая схема, которая преимущественно и определяла соответствующую методологическую ориентацию обществоведов, а во-вторых, собственно социологический подход не был еще достаточно аргументирован теоретически, хотя в научном наследии классиков марксистской мысли содержатся основополагающие идеи и принципы этого подхода.

С широким развертыванием многообразных социальных исследований современного этапа общественного развития, включая и проблематику оптимального функционирования и развития зрелого социалистического общества, резко актуализировалась задача целостной характеристики способа существования и преобразования общества, то есть — системы социальной деятельности. Отсюда — все возрастающее внимание различных специалистов: философов, социологов, психологов, историков, педагогов, исследователей в области этики, эстетики, культуры и др. — к анализу реальных типов, видов и форм социальной жизнедеятельности.

Деятельностный аспект в философско-социологических исследованиях стал особенно активно разрабатываться в пос-

ледние 10—15 лет, что и обусловлено, в частности, как раз тем, что, с одной стороны, обнаружались более четко возможности и рамки философско-гносеологического подхода, а с другой — развернутый анализ феномена человеческой деятельности обнаружил существенно важные эвристические возможности деятельностной методологической ориентации в различных областях социального познания. Подчеркнем, что последнее стало возможным лишь благодаря обстоятельному и специальному теоретическому исследованию человеческой деятельности, выполненному марксистскими исследователями (см. работы В. Г. Афанасьева, Л. П. Бугеовой, В. П. Иванова, М. С. Кагана, М. С. Кветного, А. Н. Леонтьева, А. В. Маргулиса, Э. С. Маркаряна, Ю. К. Плестникова, А. К. Уледова, Э. Г. Юдина и др.).

Философско-гносеологический и деятельностный подходы к анализу были обоснованы и сформулированы Марксом в результате научно-материалистического осмысления реальной системы жизнедеятельности общества. Приняв развитый в истории философии (особенно в классической немецкой философии) тезис: **деятельность есть способ бытия человека**, Маркс не удовлетворился абстрактной постановкой вопроса так же, как и самой абстракцией «человек вообще», ибо оставалась неясной сама природа человеческой деятельности. Предлагавшийся же до Маркса материализмом ответ — деятельность есть специфическая форма природной активности — оказался неудовлетворительным и в конечном счете вел к признанию примата идей, разума в качестве определяющих детерминант развития общества, что противоречило самому материалистическому принципу. Выход из сложившейся ситуации был один — последовательно реализовать материалистический принцип применительно к обществу, т. е. найти, открыть специфический материальный фундамент в самом бытии человека, в деятельности как специфическом способе этого бытия.

И вся логика исследовательского поиска Маркса движется в этом направлении. Уже в «Экономическо-философских рукописях 1844 года» категория деятельности становится центральной в анализе социальной действительности. Здесь Маркс формулирует принципиальные положения, получившие впоследствии зрелое решение. Он пишет, что человеческая действительность столь же многообразна, как многообразны определения человеческой сущности и человеческой деятельности, что «свободная сознательная деятельность как раз и сос-

тавляет родовой характер человека», что собственное бытие человека есть общественная деятельность, что «деятельность и пользование ее плодами, как по своему содержанию, так и по способу существования, носят общественный характер: общественная деятельность и общественное пользование» [4, 42, 118]. В «Тезисах о Фейербахе», вскрывая ограниченность феьербаховского понимания сути деятельности, состоявшего в том, что «самое человеческую деятельность он берет не как предметную деятельность», Маркс подчеркивает, что обстоятельства изменяются деятельностью людей и что «совпадение изменения обстоятельств и человеческой деятельности может рассматриваться и быть рационально понято только как революционная практика». [1, 12]. А в «Немецкой идеологии» анализ общества как системы деятельности реализуется в качестве важнейшего и исходного методологического принципа. «Для нас, напишут они, — исходной точкой являются действительно деятельные люди, и из их действительного жизненного процесса мы выводим также и развитие идеологических отражений и отзвуков этого жизненного процесса» [1, 25].

Так, в ходе анализа системы и структуры человеческой жизнедеятельности Маркс открывает ее объективное основание — материально-производственную деятельность в форме исторически определенного способа производства, но, с другой стороны, само открытие материалистического понимания истории дало возможность понять природу деятельности как определенного способа бытия определенной сферы материальной действительности — общества. Старый тезис: деятельность человека есть способ его бытия — трансформировался в строго обоснованный научный вывод: система социальной деятельности, основанная на исторически определенном способе материального производства, есть способ бытия общественного человека. Человек как индивид существует лишь как общественный человек в составе классов, социальных групп, социальных общностей различного уровня и масштаба, короче говоря — в составе той социальной системы, которая формируется совокупной деятельностью индивидов на исторически определенном материально-производственном фундаменте, в системе общественных отношений, складывающихся на основе этой деятельности.

Тем самым Марксу удалось научно «разрубить gordiev узел» дуализма деятельности человека и его бытия, а сама история предстала как «не что иное, как последовательная

смена отдельных поколений, каждое из которых использует материалы, капиталы, производительные силы, переданные ему всеми предшествующими поколениями; в силу этого данное поколение, с одной стороны, продолжает унаследованную деятельность при совершенно изменившихся условиях, а с другой — видоизменяет старые условия, посредством совершенно измененной деятельности» [1, 44—45].

Таким образом, путь анализа социальной действительности у Маркса и Энгельса состоит в движении от абстрактной идеи — деятельность есть способ бытия человека — к теоретически развернутой, теоретически конкретной характеристике (методом восхождения от абстрактного к конкретному) системы социальной жизнедеятельности и, стало быть, у них исходный и конечный пункт теоретического анализа — это социальная действительность в ее деятельностном способе бытия.

Такой подход разделял и развивал и В. И. Ленин, который подчеркивал, что **целесообразная деятельность человека есть форма объективного процесса** [2, 29, 129]. Такой вывод совершенно естественен, поскольку человеческая деятельность есть способ воспроизводства и развития, способ существования социальной формы материальной действительности, то есть — определенный тип движения, а потому и форма объективного процесса, наряду с природой. Категориальный анализ деятельности на уровне всеобщего, в рамках диалектико-материалистической концепции, выясняющей систему основных способов бытия живой, неживой и социальной сфер материальной действительности показывает, что человеческая деятельность выступает в качестве объективного процесса, как один из способов бытия объективной действительности.

И коль скоро теоретически осознано, что система социальной деятельности есть способ существования всех без исключения ее объектов, что все в обществе — результат творящей, созидательно-продуктивной деятельности, основанием которой служит материально-преобразовательная деятельность, то мы с необходимостью должны признать, что весь действительный мир общественного человека, включая и систему общественных отношений, базирующихся на производственных отношениях, есть результат системы социальной деятельности исторически определенного общества, качественно определенной системы. Тем самым, мы с необходимостью должны признать, что система социальных отношений порождается

системой социальной деятельности как ее объективированный результат.

Отсюда же следует, что категории «социальная деятельность» и «социальные отношения» нельзя ни отрывать друг от друга, ни их отождествлять. Они фиксируют существенные моменты социального воспроизводства, но если система социальной деятельности выступает способом бытия социума в целом, то социальные отношения — такие системообразующие связи, порожденные совместной деятельностью людей, в которых выражена структура социальной системы и которые придают последней исторически определенный тип целостности. Это устойчивый структурный инвариант системы социальной деятельности, объективно фиксирующий общественно-исторические ее результаты на качественно определенном этапе развития общества, а потому и детерминирующий определенную систему последующей деятельности социальных субъектов.

Социальные отношения — один из элементов социальной системы и, как все отношения вообще, не обладают самостоятельным статусом, некой отдельностью бытия: они суть необходимая сторона, форма совместного бытия социальных субъектов, взаимодействие между которыми на основе способа материального производства и порождает систему объективной взаимозависимости их как необходимый момент этого бытия общества. Поэтому было бы ошибочным рассматривать их в качестве некоего отдельного явления. И объективность социальных отношений не в зависимости от социальной деятельности, а в объективности бытия их социальных оснований — социальных субъектов и объектов, воспроизводимых и развиваемых посредством объективного же способа их бытия — системы социальной деятельности. И поскольку социальные отношения суть элемент способа общественного бытия, поэтому наука не может сделать их исходным основанием социальной науки, таким должно быть само деятельностное бытие социальной системы.

В целом же, именно благодаря деятельности общество как функционирующая и развивающаяся система переходит из формы социального движения в форму социального предметного бытия, представляющих собой относительно самостоятельные и существенно важные моменты целостного процесса социального воспроизводства. В этом и заключено то фундаментальное обстоятельство, что результирование социаль-

ной деятельности в форме предметного бытия и складывающаяся на этой основе система социальных отношений делает их последующую деятельность социально детерминированной, совершающейся в закономерно необходимом, а не произвольном русле социального развития. Отсюда следует, что именно система социальной деятельности как объективно реальный способ бытия социальной действительности должна стать исходным основанием общесоциологической теории, базирующейся на материалистическом понимании истории, а категория «деятельность» — исходной категорией системы категорий общесоциологической теории.

Система социальной деятельности и ее результаты всегда являлись и являются в конечном счете объектом общественно-знания в целом. И теоретическое осмысление этого, как и сознательная ориентация на деятельностный подход, явилось одной из причин того, что наиболее серьезные результаты в области общесоциологической теории получены в последние годы в работах, выполненных в русле этого подхода. Он стал своеобразной парадигмой теоретического анализа функционирующих и развивающихся социальных объектов. И это понятно, ибо философско-гносеологический анализ общества не самоцель (при всей его фундаментальной важности), а средство для главного — характеристики общества как системы реальной жизнедеятельности во всем многообразии факторов его воспроизводства и развития. Именно здесь неограниченный простор для социологического анализа, включая уровень общесоциологической теории.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. соч., т. 3.
2. Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. соч., т. 19.
3. Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. соч., т. 27.
4. Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. соч., т. 42.
5. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18.
6. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23.
7. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29.
8. Келле В. Ж., Ковальзон М. Я. Важнейшие аспекты методологии социально-философского исследования. — Вопросы философии, 1980, № 7.

ЦЕЛЕНАПРАВЛЕННАЯ СВЯЗЬ КАТЕГОРИЙ В СОЦИАЛЬНОМ ИССЛЕДОВАНИИ (Проблема методологической систематизации категорий исторического материализма)

В социальном исследовании для получения знания о социальном объекте применяются философские категории диалектического материализма, философско-социологические категории исторического материализма и специально-социологические категории, включая категории специальных общественных наук. Однако их применение существенно различается от носительно цели (целей) исследования. Так, если ставится цель — **выявить противоречие** в социальном объекте исследования, то цель выполняется, если получено знание, соответствующее знанию о противоречии вообще. Если ставится цель — **исследовать противоречие** в социальном объекте, то определенным является только сам объект. Какова особенность исследуемого противоречия — это исследователю неизвестно. Поэтому данное противоречие не может быть выражено социологическими категориями. То, что известно о нем как противоречии, соответствует знанию о противоречии вообще. Поэтому при постановке цели применяется философская категория противоречия, а не специально социологическая категория. Для получения социологического знания об исследуемом противоречии необходимо применить социологические категории. Следовательно, **относительно целей, поставленных посредством философских категорий, социологические категории являются средствами их выполнения.** Вообще — методологическая функция категорий выражается в их отношении к целям исследования, поскольку категории являются средствами исследования.

В широком смысле все категории — средства исследования, однако далеко не все — средства постановки целей. Поэтому в исследовании возникает их разделение как **категорий постановки цели и категорий — средств, выполняющих цели.** Разумеется, что в любом исследовании устанавливается содержательная связь категорий по объекту исследования, но эта связь опосредствуется целевым отношением, принимает форму цели независимо от природы объекта, независимо от его спе-

цифичности или всеобщности, поскольку цель выражает отношение субъекта к объекту, а не наоборот.

Когда имеется в виду любой социальный объект исследования, то **все категории исторического материализма могут быть связаны через отношения к целям социальных исследований**. Если ставится задача систематизации категорий исторического материализма (философско-социологических) и только категорий, а не всего знания об объекте исторического материализма, то необходимо иметь в виду **цели применения именно категорий**. Данная задача отличается от содержательной увязки категорий по объекту исследования, т. е. от связи категорий в знании об объекте исследования, тем, что **категории включены в отношение «цель (цели) — средства исследования» и, следовательно, применяются, с одной стороны, для постановки целей исследования, с другой — для получения знания об объекте исследования, т. е. служат выполнению поставленных целей**.

Социологическое знание как результат исследования скрывает различия в применении категорий по целям исследования, поскольку является знанием об объекте. Социальный объект содержит всеобщие, общие, особенные моменты бытия, формами выражения которых выступают категории. Это знание заключает их определенную связь, при этом связь специфичную для определенного объекта.

На самом абстрактном уровне исследования общества, когда исследователь переходит **от категорий диалектического материализма к категориям философско-социологическим**, область применимости как первых, так и вторых разграничивается по двум основным функциям: **первые — для постановки целей, вторые — для их выполнения**. Более конкретный уровень социальных исследований: **постановка целей посредством категорий исторического материализма (философско-социологических), выполнение целей посредством категорий социально-социологических при исследовании** не только общества в целом, но и, к примеру, трудового коллектива, семьи и любых других общностей и социальных групп — не изменяет общего отношения категорий **«цель — средство»**.

Философско-социологические категории как и категории диалектического материализма в роли средства исследования выражают отношение субъекта к объекту и опосредствуют его, реализуют общую направленность субъекта на объект. Цели — только формы связи, не изменяют содержания категорий,

но опосредствуют их применение. Такая роль цели объективно обусловлена тем, что она является не только формой отражения объекта, но и элементом деятельности субъекта (в данном аспекте субъекта-исследователя), опосредствующим переход от сознания к действию [23, 20]. В категориях заключено определенное социальное отношение — отношение субъекта-исследователя к объекту исследования в виде формы, функции категорий в качестве средства исследования. Поэтому отношение исследователя противостоит в исследовании всем тем общественным отношениям, которые он изучает. Особенное состоит в том, что философско-социологические категории применяются для исследования социального субъекта (общество, класс, индивид-личность), тем самым социальный субъект является объектом исследования. Если «...категории выражают... формы наличного бытия, определения существования... определенного общества, этого субъекта» — [5, 43], а формы бытия общества — общественные отношения, отношения между общественными индивидами, то в соотношении категорий исторического материализма выражается субъект-субъектное отношение. Этот субъектный аспект в соотношении категорий соответственно выражается в целевой форме связи категорий исторического материализма.

Любая социальная система объединена собственной целью существования, осуществления и развития в целом [9]. Следовательно, как и любая социальная система **система категорий исторического материализма должна быть объединена собственной внутренней целью.**

Категория цели занимает ту же ступень общности, что и основные категории исторического материализма относительно одного и того же класса объектов (общества, социальных групп, общественных индивидов), поскольку имеются в виду не только цели общественных индивидов, но и цели общественного развития.

«...При рассмотрении... категорий нужно постоянно иметь в виду...» [5, 43] социальный объект исследования. (Для К. Маркса — это «современное буржуазное общество» [5, 43]). Данное методологическое требование выполнимо в целеполагании, поскольку объект идеально представлен в содержании цели. Так, цель — исследовать материальность общественных отношений — поставлена посредством категорий «материальное» и «общественные отношения», из которых первая — философская, вторая — философско-социологическая категория.

Объект—общественные отношения представлен в содержании цели посредством категории общественных отношений.

Категории как средства постановки цели формируют ее объективное содержание, так как, являясь средствами исследования, выражают всеобщее в объекте исследования. Содержание цели, сформированное посредством категорий, вне цели, в предмете исследования можно рассматривать как **объект цели**, который отличается от объекта социального исследования. Так, если для исследования общественных отношений применяются все категории исторического материализма, то объект исследования — общество в целом, объект цели — общественные отношения. Здесь следует отметить, что объект цели отличается от предмета исследования, поскольку последний определяется также и тем, как реализуется цель исследования в целом: через какие подцели и какими средствами.

В широком плане (для исторического материализма в целом) также имеет смысл различать цель и объект исторического материализма как науки об обществе и объект цели. Предположительно можно сказать, что цель исторического материализма — познание (исследование) всеобщих законов развития и функционирования общества (то, что принято называть определением предмета «истмата»). Исключая специальное раскрытие цели и предмета исторического материализма, здесь нам важно отметить, что **необходимо принципиально различать объект цели исторического материализма и объект цели при систематизации категорий исторического материализма**. Для исследования общества в целом, его исторического развития и функционирования применяются не только категории, но и более «мощные» средства исследования: принципы, методы (как всеобщие, так и специальные, общенаучные) — и все они нацелены на объект, значительно более «мощный», чем объект применения категорий. Категории исторического материализма являются средствами исследования социальных объектов, следовательно, при постановке целей формируют их содержание и, соответственно, представление **об объекте цели как о всеобщем** в объекте социальных исследований (в обществе).

Закономерно возникает вопрос: зачем рассматривать социально-всеобщее в форме цели? С одной стороны, в содержании категорий предполагается завершенность (относительная) всеобщих сторон того объекта, который они выражают, с другой, развитие реального объекта предполагает все более пол-

ное и обоснованное раскрытие всеобщности. Имея в виду положение К. Маркса о категориях (простых и всеобщих, поскольку это разъясняется К. Марксом через категорию труда), которые «...в своем полном интенсивном и экстенсивном развитии...» [5, 40] присущи «...более сложной форме общества» [5, 40], можно предположить, что возможность достижения более «полного интенсивного и экстенсивного развития» как раз и заключается в целях применения категорий, поскольку именно через цели исследования расширяется сфера их применимости «в более сложной форме общества». Имея в виду смысл положения Ф. Энгельса о всеобщности как внутренней завершенности [2, 548] для понимания социально-всеобщего, можно предполагать, что **целеполагание** как субъективный фактор социальных процессов [11, 52] выражает относительно **внутреннюю завершенность социально-всеобщего**. В категориях-средствах заключено содержание всеобщего, которое отражено (исследовано, раскрыто и освоено), в целях — то, что может быть достигнуто. Социальные процессы посредством предметной деятельности субъекта, образно выражаясь, свертываются в форме его цели и воспроизводятся как осуществление, реализация целей субъекта. Новая социальность первоначально как возможность возникает в виде цели субъекта. В этом смысле цель представляет внутренне завершенный процесс.

Применение категорий в роли средств исследования — это сфера, в которой только проявляется взаимоотношение категорий (сфера явления). Целевое отношение категорий — это сфера сущности, именно такая форма, в которой заключена сущностная взаимосвязь категорий. В аспекте целевого отношения рассмотрим возможность методологической систематизации категорий исторического материализма. В социальных исследованиях выявляется двойственность применения категорий исторического материализма при осуществлении научно-исследовательских целей: с одной стороны, они **применяются для постановки целей социальных исследований**, с другой — **для их выполнения**. Категории имеют широкое применение для различных многообразных целей, поскольку выражают всеобщие стороны социальных объектов. Поэтому в целевом отношении **все многообразие применения категорий может быть сведено к определению общей цели применения каждой категории (и всех)**.

Реальное начало и основание систематизации категорий —

цель их применения для исследования объекта. Для систематизации категорий исторического материализма (только категорий) исходная цель (системообразующая) может быть поставлена посредством категории, исходной в этом целевом отношении, «социально-всеобщее». В отличие от понятийных рядов [8, 124—125; 12] **целевой принцип систематизации категорий разворачивается в виде «дерева» целей.** Вершиной подобного «дерева» целей в системе категорий должна быть категория «социально-всеобщее», производная от категории всеобщего, но специфицированная содержанием категории «социальное». На данном уровне содержание категории «социальное» представлено относительно категории всеобщего, но не выводимо из содержания категории всеобщего, так как оно возникает только при исследовании социального объекта (общества). Это уровень абстрактного понимания социального, на котором общество понимается как результат взаимодействия людей. В этом понимании еще не полагается категория общества, скорее применяется категория деятельности через формулировку «результат взаимодействия людей». Социально-всеобщее (или социальное вообще) выражает не только абстрактное понимание общества вообще, но и любого социального объекта, поскольку не только общество, но и вообще социальность (любая социальность) есть результат взаимодействия людей (как становящихся общественными индивидами, так и самоосуществляющихся социальных субъектов). Категория «социальное» выражает не только формы существования социального субъекта, но и формы его осуществления, самоосуществления, самостоятельности, социальной активности [21]. Разумеется, что социальное на этой ступени представлено как абстрактно-всеобщее.

Следующий уровень — спецификация социально-всеобщего посредством категорий диалектического материализма: социальное явление, социальная сущность, социальное противоречие, социальный субъект и объект, социальная деятельность, социальная активность, социальное отражение, общественное бытие и сознание и т. д. Посредством категории «социально-всеобщее» ставится цель — исследовать всеобщее в социальном объекте, цель выполняется посредством категорий **специфицирующих социально-всеобщее в социальном объекте.** В объекте — это всеобщее, к примеру, для К. Маркса капитал как общественное отношение — всеобщее в современном для него буржуазном обществе, однако для субъекта, относительно его целей, данная всеобщность специфицирована опреде-

ленной категорией, представляет **специфически-всеобщее содержание социально-всеобщего**. Тем самым происходит конкретизация абстрактно-всеобщего понимания социального. Исследование содержания (природы) социально-всеобщего, как и исследование всеобщего [5, 45] представляет специальную проблему, в известном смысле, фундаментальную для понимания содержательного аспекта систематизации категорий исторического материализма. Здесь нам представляется возможным рассмотреть только форму (схему) методологической систематизации, связанную с выделением категориальных уровней исторического материализма.

Если «вершина» и «узлы» (опорные точки) схемы «дерева» целей представлены категориями для исследования социально-всеобщего, то линии (стрелки), их соединяющие, представляют цели исследования, целевую форму связи категорий.

Всеобщность философско-социологических категорий выражается (и выявляется) в их отношении к категориям общесоциологическим — второй уровень конкретизации социально-всеобщего. В целевом отношении — для выполнения целей, поставленных посредством философско-социологических категорий, применяются общесоциологические категории (в известном смысле относительно первых они являются специально-социологическими категориями). **Все категории одной и той же ступени общности могут быть объединены как категории — средства относительно целей, которые поставлены посредством категорий более высокой ступени общности.** Строго говоря, необходимо иметь в виду именно целевые определения категориальных групп: категории для исследования общественного бытия или категории для исследования общественного сознания, или категории для исследования естественнo-исторического развития, или категории для исследования соотношения общественного бытия и общественного сознания и т. д.

Для целенаправленного перехода с одного уровня общности на другой при исследовании определенного объекта, для спецификации всеобщих категорий, конкретизации их абстрактных определений необходима разработка так называемых «понятийных индикаторов» [22, 114—123], поскольку через них выполняется методологическая функция исходных категорий исторического материализма. На уровне конкретно-социологических исследований разработка понятийных, эмпирических

индикаторов является необходимым элементом научного исследования [18, 60—66; 31, 54—59]. На уровне абстрактно-теоретических исследований идея «индикатора» возникла как идея «клеточки» и получила широкое инструментальное значение для поиска исходной категории. Как справедливо отмечается при методологическом подходе к анализу проблемы систематизации категорий, «клеточка» «...есть определенная клеточка определенного общества» [27, 11]. Такое понимание «клеточки» можно расширить: «клеточка» необходима для исследования определенного объекта как понятийно-эмпирический индикатор исходных абстракций, понятий, категорий. При этом в социологических исследованиях выбор «клеточки» должен быть основан на принципе репрезентативного соответствия [28, 95—97; 18, 95]. В широком смысле и для исследования определенного общества в целом необходимо при выборе «клеточки» исходить из принципа репрезентативности, при этом результаты социологических исследований покажут при правильной категориальной интерпретации правомерность выбора. В любом случае выбор «клеточки» детерминруется категориально-целевой структурой исследований и мышления исследователя, т. е. выбор «клеточки» уже есть применение исходных категорий, в т. ч. на уровне абстрактно-теоретических исследований, поскольку выбор имеет философско-социологические основания: часть должна репрезентативно выражать общество в целом, элемент общества — совокупное, случайность — необходимое, социальное явление — сущность социального и т. д. [28, 96—97].

Разумеется, «клеточки» необходимы, причем для каждой категории, и в преподавании курса исторического материализма, поскольку необходимо передать содержание всеобщности исходной категории и тем самым «поднять» уровень понимания изучающих. Так, в определении общества как продукта взаимодействия людей заключено понятие продукта, которое должно быть вполне очевидным (доступным) для обывденного сознания. В то же время «продукт» как понятие в категориально-понятийной системе имеет диалектическое содержание: с одной стороны — результат деятельности, с другой стороны — предмет для иной деятельности, предмет для потребностей [3, 191—192], т. е. содержит возможность перехода к другим понятиям, поскольку выражает элемент деятельности. В известном смысле все в человеческой истории, в т. ч. сам человек, является продуктом. Однако было бы абсурдом обосо-

вызвать понятие продукта как исходную «клеточку» для систематизации категорий исторического материализма.

При исследовании **определенного объекта** нельзя начинать с всеобщих абстракций, не выражающих **специфику объекта** [7, 128—129]. Именно в том смысле следует понимать критику В. И. Лениным методологии субъективной социологии (Михайловского и др.) [6, 141], поскольку применяется метод восхождения от абстрактного к конкретному [7, 178—189] для исследования социальных объектов.

К. Маркс, излагая материалистическое понимание истории в «Немецкой идеологии», широко применяет понятие деятельности (разумеется, социальной) для перехода от одного фундаментального понятия к другому, к примеру, от способа производства к производительным силам: «...определенный способ производства или определенная промышленная ступень всегда связаны с определенным способом совместной деятельности, с определенной общественной ступенью,—самый этот способ совместной деятельности есть «производительная сила...» [1, 28].

Понимание категории деятельности (практической, человеческой) в **значении опосредствования** (связи): взаимоотношения философского и социологического аспектов исторического материализма [8, 137], диалектического и исторического материализма [22], взаимоотношения «рядов» категорий [8, 124] и вообще для систематизации категорий исторического материализма [27, 23, 28, 36—40] — получает широкое применение.

Категория социальной деятельности (как философско-социологическая) показывает **социальное содержание в любом объекте социального исследования**, как и вообще развитие социальности человека в историческом процессе [13, 156—169; 14].

К примеру, как иначе понимать социальные явления, если не через «...общественные действия личностей...» [6, 423—424], не через деятельность социальных общностей, общества в целом. Очевидно, невозможно понимать социальные противоречия и применять соответствующую категорию, не имея в виду субъект-объектное отношение в обществе [30, 33]. При переходе общего понимания форм движения материи к раскрытию специфики социальной формы движения также применяется категория деятельности [19, 22—26], но все исторической определенности — через категорию труда.

Как известно, К. Маркс выделял двойственный характер трудовой деятельности: естественный (природный) и общественный [1, 28; 3, 188—197]. Социальное возникает как определенный социальный характер (совместный, коллективный) трудовой деятельности человека и как социальный характер совместной жизнедеятельности людей [26]. Поэтому труд необходимо представлять, а категорию труда (деятельности) разрабатывать как социальную деятельность [17] относительно категории социального и других категорий исторического материализма, поскольку со стороны природной в труде нет субъект-объектного отношения.

Только социальную деятельность можно теоретически связывать с субъект-объектным отношением. В жизнедеятельности биологических систем [26, 19] заключено отношение живой и неживой природы. Неправильно рассматривать деятельность **только как атрибут субъекта**. Во-первых, в логическом плане отношение между субъектом и объектом так же, как и отношение между вещами (по К. Марксу) «...есть отношение этих двух вещей между собой, и о нем нельзя сказать, что оно принадлежит той или другой из них» [4, 143]. Во-вторых, в историческом плане деятельность социального субъекта подчиняется ему полностью только тогда, когда субъект исторически достигает полной (в диалектико-материалистическом смысле) социальной свободы.

Сама деятельность как **объект социального исследования** понимается и **раскрывается всеобщим образом через категорию социального**, поскольку деятельность только как социальная получает наиболее развитую форму (в отличие от жизнедеятельности и труда) в виде общественной практической деятельности социального субъекта. Субъект-объектное отношение исторически возникает и развивается только в социальной деятельности (от категорий труда к категории практики). В этом смысле познание является определенным видом социальной деятельности — познавательной, а научное исследование как определенный вид, причем наиболее развитой, познавательной деятельности также является социальной деятельностью [31, 13—21]. Понятие научно-исследовательской деятельности можно рассматривать как понятийный индикатор социальной деятельности, т. е. «клеточку», в которой как в части отображено все целое, поскольку социальная деятельность является предметом научного исследования.

Деятельность (в т. ч. социальная) может быть самостоя-

тельным объектом исследования как философского [14], так и философско-социологического [10]. Категория деятельности применяется при переходе от категорий диалектического материализма к категориям исторического материализма, но для последнего деятельность и как объект исследования, и как средство исследования имеет **категориальное значение только как социальная деятельность** [10, 148]. Здесь социальная деятельность понимается в широком смысле, включающем производственно-трудовую, общественно-практическую и познавательную деятельность социального субъекта (общества, социальных общностей и личности). В этом плане понятие человеческой деятельности неадекватно понятию социальной деятельности, так как человек является носителем жизнедеятельности и социальной деятельности.

Расширение области применения категории деятельности (в т. ч. значения социальной) рассматривается некоторыми исследователями как основание считать данную категорию исходной для систематизации категорий исторического материализма [27, 23, 28]. В определенном смысле происходит подмена обоснования исходной категории обоснованием (раскрытием) универсальности, всеобщности ее применения. С одной стороны, деятельность (социальная) — категория, которая **способствует раскрытию всеобщности всех других категорий исторического материализма** и тем самым сама раскрывается всеобщим образом. Другое дело, что эта категория для раскрытия всеобщего не получила всеобщего применения. С другой стороны, социальная деятельность является объектом для всех общественных наук и поэтому выражает объект исторического материализма только в соотношении с другими его категориями, а тем самым выражает специфику объекта через отношение к социально-всеобщему. Следовательно, **категория социальной деятельности не может быть исходной для субординации философско-социологических категорий. Исходная категория — социально-всеобщее**. Применение категориально-целевого критерия даст возможность представить следующие аргументы.

1. Если исходную цель объединения категорий в систему поставить посредством категории «социально-всеобщее», то ее выполнение посредством всех других категорий исторического материализма, специфицирующих социально-всеобщее, не выводит за пределы объекта исторического материализма и за пределы его цели (которая сформулирована в настоящее

время как общее определение предмета исторического материализма.

2. Постановка исходной цели посредством категории «социальная деятельность» предполагает для ее выполнения применение не только категорий исторического материализма, но и понятий специально-социологических, понятий других общественных наук (в соответствии с методом восхождения от абстрактного к конкретному).

3. Применение категории социальной деятельности (в том значении, которое имеет практика для познания) [22, 26] для выполнения цели — исследование (познание) социально-всеобщего дает возможность введения (в определенном смысле выведения) всех категорий исторического материализма, поскольку общество, человек, общественное сознание, общественное бытие и все социально-всеобщие определенности являются результатом — следствием взаимодействия людей: по форме — субъектного, по содержанию (и в основе) — субъект-объектного.

Следовательно, категория социальной деятельности является исходной при систематизации категорий исторического материализма для координации (а не субординации) категорий и при этом только как целенаправленная деятельность (от абстрактно-всеобщего в цели к конкретно-всеобщему в социальном объекте).

ЛИТЕРАТУРА

1. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 3.
2. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 20.
3. Маркс и Энгельс Ф. Соч., т. 23.
4. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 26, ч. III.
5. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 23.
6. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1.
7. Андреев И. Д. Методологические основы познания социальных явлений. М., 1977.
8. Арефьева Г. С. Социальная активность. (Проблема субъекта и объекта в социальной практике и познании).—М.: Политиздат, 1974.
9. Афанасьев В. Г. Системность и общество. М.: 1980.
10. Байлук В. В. Социальная деятельность.—В кн.: Ленинская теория отражения. Вып. 6. Объективное содержание научного знания. Свердловск, 1975.
11. Байлук В. В. Категории «объективный фактор» и «субъективный фактор», «стихийное» и «сознательное». — В кн.: Категории исторического материализма в их взаимосвязи. Свердловск, 1978.
12. Барулин В. С. Соотношение материального и идеального в обществе. М., 1977.

13. Батенин С. С. Человек в его истории. Л., 1976.
14. Батищев Г. С. Деятельностная сущность человека как философский принцип.— В кн.: Проблема человека в современной философии. М., 1968.
15. Демичев В. А. Предмет философии (история и современные дискуссии) и значение его понимания для построения системы философских категорий.— В кн.: Проблемы развития системы категорий марксистской философии. Челябинск, 1979.
16. Демичев В. А. О некоторых аспектах рассматриваемой проблемы.— В кн.: Проблемы систематизации категорий исторического материализма. Тезисы республиканского координационного совещания. Челябинск, 1980.
17. Жеманов О. Н. Труд.— В кн.: Ленинская теория отражения. Вып. 6. Объективное содержание научного знания. Свердловск, 1975.
18. Здравомыслов А. Г. Методология и процедура социологических исследований. М., 1969.
19. Исторический материализм. / Учеб. пос. под ред. А. П. Шептулина и В. И. Разина. М., 1974.
20. Келле В. Ж., Ковальзон М. Я. Важнейшие аспекты методологии социально-философского исследования. — Вопросы философии, 1980, № 7.
21. Кемеров В. Е. Изменение содержания «социальное» и его методологические следствия.— В кн.: Категории исторического материализма в их взаимосвязи. Свердловск, 1978.
22. Любутин К. Н. Единство философского знания и проблемы «начала» марксистско-ленинской философии.— В кн.: Проблемы развития системы категорий марксистской философии. Челябинск, 1980.
23. Макаров М. Г. Категория «цель» в марксистской философии и критика телологии. Л., 1977.
24. Михайлов С. Эмпирическое социологическое исследование.— М.: Прогресс, 1975.
25. Орлов Г. П. Проблема классификации категорий исторического материализма.— В кн.: Категории исторического материализма в их взаимосвязи. Свердловск, 1978.
26. Плотников В. И. Социально-биологическая проблема. Материалы спецкурса. Свердловск, 1975.
27. Проблемы систематизации категорий исторического материализма. Тезисы республиканского координационного совещания. Челябинск, 1980.
28. Процесс социального исследования. М.: Прогресс, 1975.
29. Чунаева А. А. Категория цели в современной науке и ее методологическое значение (цель и деятельность). Л.: 1979.
30. Штракс Г. М. Социальное противоречие. М., 1977.
31. Ядов В. А. Социологическое исследование. Методология, программа, методы.— М.: Наука, 1972.
32. Яхиял Н. Социология науки. Теоретические и методологические проблемы.— М.: Прогресс, 1977.

ПРОБЛЕМА НАЧАЛА В ТЕОРИИ ИСТОРИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА

В документах КПСС отмечаются серьезные достижения в философской, экономической, исторической науках в изучении социальных и политических проблем [3]. Эта высокая оценка относится и к разработке теоретических вопросов исторического материализма. В 70-е годы в этой области актуализирована тематика исследований, достигнут определенный прирост научных знаний, неотделимый от анализа новых общественных явлений, вызванных прежде всего вступлением нашей страны в период развитого социализма, глубокими социальными изменениями, происходящими в мире. Вместе с тем в наши дни все больше начали давать знать о себе и серьезные логико-методологические трудности, затрагивающие перспективы дальнейшего развития не только исторического материализма, но и общественной науки в целом. Такими трудностями, на которые своевременно было обращено внимание в редакционных статьях газеты «Правда» от 19 сентября 1975 года «Высокий долг советских философов» и журнала «Коммунист» «О состоянии и направлениях философских исследований» (1979, № 15), выступает в первую очередь отсутствие обобщающих, фундаментальных трудов, охватывающих собой не отдельные проблемы исторического материализма, а всю современную проблематику исторического материализма как системы социально-философского и общесоциологического знания — общей теории исторического процесса.

До последнего времени целостное изложение исторического материализма было представлено лишь в его учебном курсе — программах, учебниках и учебных пособиях. Являясь прямым продолжением учебного курса диалектического материализма, оно начинается с рассмотрения основополагающих категорий исторического материализма — выяснения сущности материалистического понимания истории. В педагогическом отношении такое начало имеет свое объяснение. Но это объяснение при его экстраполяции на науку исторического материализма оборачивается весьма ощутимым просчетом. Распространение философского материализма на познание человеческого общества вольно или невольно трак-

туется здесь лишь в виде конкретизации диалектического материализма. При таком подходе собственная логика построения теории исторического материализма, обусловленная спецификой его предмета, становится неактуальной, отодвигается на второй план. Систематизация категорий исторического материализма, составляющая структуру его теории, реализуется в значительной степени по формально-логическим основаниям. Остается в тени самое главное: требование выведения категорий «не «рассказывая», не «уверяя», а «доказывая» [2, 29, 86].

Простейшие определения науки возникают далеко не случайно. Они соответствуют элементарному образованию предмета ее исследования — его «клеточки». Причем постижение такой «клеточки», в силу ее элементарности, несомненно труднее, чем изучение более развитых и сложных форм. Потребовалось, в частности, более чем двухтысячелетнее развитие общественной мысли, чтобы проникнуть в тайну товара, открыть его экономическую и в целом социальную (общественную) характеристику — стоимость, а вместе с ней и генезис буржуазных общественных отношений. Это открытие, сделанное К. Марксом, и позволило ему определить товар как «клеточку» буржуазного общества — элементарную форму его богатства [1, 23, 6, 43]. Но оно поставило вопрос и о другом. Между понятием «клеточки» и исходной категорией теоретической системы нельзя ставить знака равенства. Не товар вообще, а стоимость имеет значение исходной категории политико-экономического исследования капитализма.

Нахождение элементарных форм предмета исследования, выработка простейших абстракций всегда предвосхищали возникновение целостных теоретических систем. Само же теоретическое знание развивалось и систематизировалось путем восхождения от абстрактного к конкретному. Диалектико-материалистическое обоснование и классическое применение этого метода в «Капитале» К. Маркса открыли новые страницы науки. Подчеркивая логико-методологическое значение «Капитала», В. И. Ленин писал, что таким же должен быть метод изучения и изложения диалектики вообще [2, 29, 318].

В последние годы вопрос о «клеточке» общественной жизни и исходной категории исторического материализма активно обсуждается в научной литературе, на теоретических конференциях и координационных совещаниях [4; 5; 6; 7]. Не останавливаясь на всех соображениях, выдвигаемых в ходе этого обсуждения, подчеркнем лишь следующее: проблема «клеточ-

ки» общественной жизни представляет собой проблему нахождения не просто абстрактно всеобщего выражения общественных явлений, а конкретной характеристики объективно исчисляемого далее элемента социальной системы. Переход деятельности из формы движения в форму предметности [1, 23, 200] и образует, по нашему мнению, такой элемент. Определенный результат деятельности людей, их труда, взятый независимо от его общественной формы, и есть единственная в своем роде «клеточка» общественной жизни. Она исотделима от человеческой деятельности. Но категория деятельности обозначает не саму эту «клеточку», а то, что утверждает ее в данном качестве. Именно поэтому категория деятельности, определение которой не связано с какими-либо другими категориями исторического материализма, и получает статус его исходной категории.

При теоретическом воспроизведении исторического процесса через восхождение социального познания от абстрактного к конкретному содержательному рассмотрению основополагающих категорий исторического материализма-общественное бытие и общественное сознание — предшествует анализ деятельности, труда, общественных отношений (материальных и идеологических), социального детерминизма (включая категории общественного закона, потребностей и интересов, ценностей и оценки, цели и средств), общественно-исторической практики, способа производства, источников и движущих сил исторического процесса и др. Дальнейшее движение теоретической мысли связано с всесторонней характеристикой целостности исторического процесса — общественно-экономической формации как системы. Непосредственным предметом рассмотрения выступает здесь социальная структура общества, субординация основных сфер общественной жизни, социальное управление, образ жизни, культура, диалектика общества и личности и др. Все это, в свою очередь, создает теоретическую базу анализа единства и многообразия исторического процесса, его формационных ступеней, закономерностей их смены, социальных революций и роли народных масс в истории, характеристики коммунистической общественно-экономической формации как начала подлинной истории человечества.

Открытие К. Марксом естественноисторического процесса развития общественно-экономических формаций было обосновано им доказательством сводимости общественных отношений к производственным отношениям, составляющим в своей

совокупности экономический базис общества, и установлением зависимости производственных отношений от уровня и характера развития производительных сил. Но как, каким путем складываются сами производственные отношения? Рассмотрение поставленного вопроса выдвигает в порядок дня задачу исследования человеческой деятельности, обоснования принципа единства деятельности и общественных отношений.

В качестве родового понятия категории деятельности в научной литературе не без оснований выделяется понятие активности. Взятая в виде атрибутивного свойства материи, активность внутренне связана с взаимодействием и, следовательно, лежащими в его основе противоречиями. Однако это не просто взаимодействие, а характеристика взаимодействия как акции каждой из взаимодействующих сторон, обнаружение их способности к взаимодействию, самодвижению и саморазвитию. Свойство активности развивается вместе с развитием материи. Соответственно выделяется элементарная активность (неживая природа), биологическая активность, социальная активность.

Человеческая деятельность — это любое проявление социальной активности. Она всегда является общественной деятельностью, ибо по крайней мере ее средства — общественный продукт: она безгранична по возможностям своей дифференциации и интеграции. Однако всюду и всегда особое место в ее системе занимает труд, по определению К. Маркса, — как положительная, творческая деятельность. Разграничение сферы деятельности и сферы труда имеет важное методологическое значение уже потому, что не в деятельности вообще, а именно в труде коренятся истоки общественных отношений.

Исследование генезиса общественных отношений убедительно доказывает несостоятельность противопоставления деятельности и общественных отношений. Деятельность порождает общественные отношения. Общественные же отношения, в свою очередь, становятся необходимой общественной формой деятельности. Поэтому общественные отношения нельзя отрывать от человеческой деятельности, но нельзя безоговорочно отождествлять их друг с другом. Именно так ставили вопрос о соотношении деятельности и общественных отношений основоположники марксизма-ленинизма.

«...Общественная история людей, — писал К. Маркс, — есть всегда лишь история их индивидуального развития, создают ли они это, или нет. Их материальные отношения обра-

зуют основу всех их отношений. Эти материальные отношения суть лишь необходимые формы, в которых осуществляется их материальная и индивидуальная деятельность» [1, 27, с. 402—403]. «...Общественные отношения, — отмечал В. И. Ленин, — делятся на материальные и идеологические. Последние представляют собой лишь надстройку над первыми, складывающимися помимо воли и сознания человека, как (результат) форма деятельности человека, направленной на поддержание его существования» [2, 1, с. 149].

Если материальные общественные отношения, свойствами которых обладают экономические (производственные общественные отношения в широком смысле слова), образуют общественную форму материально-производственной деятельности людей, то идеологические отношения — общественную форму их надстроечной деятельности. Раскрытие генезиса общественных отношений необходимо становится предпосылкой понимания первичного и вторичного в историческом процессе и таким образом обоснованием основополагающих категорий исторического материализма — категорий общественного бытия и общественного сознания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч.
2. Ленин В. И. Полн. собр. соч.
3. Материалы XXV и XXVI съездов КПСС.
4. Категории исторического материализма в их взаимосвязи. Свердловск, 1978.
5. Методологические проблемы исторического материализма. Барнаул, 1976.
6. Проблемы систематизации категорий исторического материализма. Челябинск, 1980.
7. Шершунов А. Д. Категории исторического материализма в их взаимосвязи. М., 1975.

В. И. РАЗИН

О ПРИЗНАКАХ КЛАССИФИКАЦИИ КАТЕГОРИЙ ИСТОРИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА

Развивающаяся действительность дает богатый материал для познавательной деятельности. В связи с этим обогащается и категориальный аппарат науки, совершенствуются сред-

ства познавательной деятельности. С сожалением отметим, что в области исторического материализма разработке категориально-понятийного аппарата уделяется не слишком много внимания. Нередко же работа в области категорий сводится к игре в слова, к жонглированию терминами.

Действительная разработка категорий требует, во-первых, выявления соответствия их тем явлениям, которые ими отражаются.

Партия требует от философов существенно повысить качество анализа реальных общественных процессов, постоянно увязывать научно-исследовательскую работу с практикой управления обществом, изучением реальных форм и тенденций общественного развития, предвидением последствий тех или иных мероприятий. Это требование с неизбежностью ведет к необходимости ответить на вопрос о том, как совместить задачу разработки категориально-понятийного аппарата науки с исследованием реальных процессов общественной жизни.

В любой науке есть категория разной степени обобщения, разного уровня абстракции. Одни категории носят абстрактно-логический характер. Другие как бы приближаются к реальным отношениям, к практике. Абстрактно-логические категории связаны через такие понятия с практикой опосредованно. Подчеркнем при этом, что только при посредстве таких промежуточных категорий складываются и категория более высокой степени обобщения, более высокой абстракции.

Категории складываются, формируются в процессе изучения реальной жизни. Еще в ранний период своей научной деятельности К. Маркс заметил, что «разрешение теоретических противоположностей оказывается возможным только практическим путем, только посредством практической энергии людей и что поэтому их разрешение отнюдь не является задачей только познания, а представляет собой действительную жизненную задачу, которую философия не могла разрешить именно потому, что на видела в ней только теоретическую задачу [1, 594].

Категории марксистско-ленинской науки об обществе формировались именно в процессе анализа реальной жизни, практики революционной борьбы пролетариата. Практика, как известно, не только критерий истины, но и определитель того, что нужно человеку [7, 290]. Именно практика показывает, в каком направлении и с какой целью должны разрабатывать-

ся те или иные категории. Без этого всякие споры о понятиях превращаются в схоластику.

Второе требование к действительной разработке категорий сводится к тому, чтобы рассматривать их в **соотносительности**.

Уяснить познавательное значение, а также содержание и объем любой категории невозможно без соотнесения с другими категориями. Часто бывает достаточно соотнести какую-то категорию с другой, близкой ей по значению или с группой категорий, отражающих ту или иную сторону общественной жизни. Но большей частью однозначное употребление категорий, их идентичное понимание требует рассматривать их в системе. Такой подход отражает взаимосвязь явлений реальной жизни. Выявление соотносительности категорий позволяет исследовать то или иное явление с разных сторон и в то же время получить общее представление о связи данного явления или отношения с другими явлениями и отношениями.

Сейчас уже предложены различные категориальные системы, изучение которых приводит к мысли, что деятельность эта связана с немалыми затруднениями не только объективного характера, но и такими, которые, если можно так выразиться, порождены самими исследователями.

Во-первых, нельзя не видеть тенденции почти всех авторов представить свою классификацию как единственно верную. Мы думаем, что вполне допустимо использование различных систем классификации категорий в зависимости от цели исследования (с соблюдением правил деления понятий, разумеется). Это вполне согласуется с методологическим указанием В. И. Ленина о том, что «анализ понятий, изучение их, «искусство оперировать с ними» (Энгельс) требует всегда изучения движения понятий, их взаимопереходов» [6, 227].

Во-вторых, бросается в глаза стремление авторов создать такую схему, в которую можно было бы уложить все имеющееся в науке категории.

Нельзя не видеть при этом, что критика той или иной системы классификации чаще всего идет именно по тому пути, что называются категории, которые не укладываются в предложенную схему и на этом основании схема объявляется непригодной.

В связи с появлением таких систем классификации, претендующих на универсальность и законченность, нам кажется небесполезным напомнить замечательные слова А. И. Гер-

цена о том, что ни в природе, ни в обществе, нигде нет резких разграничительных граней к величайшей горести всех систематиков.

Продолжая анализ трудностей, связанных с классификацией категорий, отметим также, что в различных изданиях можно встретить пространные рассуждения о том, какая категория является главной основой и т. д. Это касается в той или иной степени всех наук. Есть такие стремления и в области исторического материализма. Одни называют общественно-экономическую формацию, другие — способ производства, третьи — образ жизни и т. д. Думается, что деление категорий на главные и не главные не имеет под собой научной почвы.

Мы думаем, что вместо бесплодных споров о том, какая категория главная, необходимо выявить для каждой категории: 1). ее место в науке и связь с другими категориями, 2). ее познавательное значение, смысловую нагрузку, 3) степень обобщения (уровень абстракции), 4) значение для практики.

Если же говорить о выделении той или иной группы категорий, т. е. собственно о классификации, то мы полагаем, что это диктуется целью исследования.

Скажем, если исследователь поставил задачу изучения общества как целостного образования, то он использует определенную группу категорий, при помощи которых характеризует общество именно с этой стороны. Такой цели служат в нашей науке категории «общественно-экономическая формация», «образ жизни», «культура» и некоторые другие.

При более углубленном исследовании приходится абстрагироваться от того, что общество представляет собой целостную развивающуюся систему и исследовать различные сферы общественной жизни — материальную, социально-политическую, духовную. Каждая сфера общественной жизни характеризуется своими законами и для формулировки их используются различные категории.

Так, если объектом исследования является сфера материальной жизни общества, то в данном случае инструментами познания, средствами мыслительной деятельности будут категории «способ производства», «производительные силы», «производственные отношения», «потребности».

Если же мы будем исследовать политическую сферу общественной жизни, то тут будет работать вся группа политических категорий исторического материализма, т. е. тех, кото-

рые отражают политические отношения и явления или политический аспект всех иных явлений и отношений. Здесь мы пользуемся категориями «политика», «класс», «нация», «государство», «революция», «восстание», «политическая организация общества», «политическая идеология» и др.

Аналогично решается вопрос и о духовной сфере общественной жизни.

Классификация категорий по сферам тоже, конечно, не является исчерпывающей. Есть категории, которые нельзя отнести к понятийному аппарату исследования какой-то одной сферы. Взять, например, категорию «интерес». Она не может как таковая быть отнесена к какой-то одной сфере, и потому мы при необходимости сужаем понятие, добавляя соответствующий признак и тогда говорим о «материальном интересе», «политическом интересе», «духовном интересе».

Еще сложнее обстоит в этом отношении дело с такими категориями, как «народные массы», «личность», которые не укладываются в классификацию по сферам общественной жизни (кстати сказать, этим категориям не находится места в очень многих классификационных схемах).

Для анализа явлений в их развитии, т. е. для показа процесса есть особая группа категорий, в отличие от тех категорий, при помощи которых показывают (изучают) явление в его относительной устойчивости, в определенном качественном состоянии. Мы думаем, что в данном случае можно выделить категории действия и категории состояния. В категориях состояния фиксируется либо качественное состояние общества в какой-то временный промежуток, либо соотношение классовых сил (и вообще любых общественных сил), какое-то относительное равновесие и т. д. При такой группировке к категориям состояния будут отнесены «общественно-экономическая формация», «социальный состав общества», «политическая организация общества» и др. Понятно, что к категориям действия отнесем тогда «прогресс», «классовая борьба», «политический режим» и др.

Трудности разработки категориально-понятийного аппарата усугубляются стремлением к необоснованному расширению его за счет внесения понятий частных наук. Особенно большие трудности создает перенесение биологических и иных естественнонаучных понятий на область общественных наук. Иной раз текст бывает настолько густо приправлен естественнонаучной терминологией, что не сразу удастся понять принадлежность работы к области наук гуманитарных.

Все помнят, разумеется, слова В. И. Ленина о том, что приклеивание «энергетических» и «биолого-социологических» ярлыков на явления вроде кризисов, революций, борьбы классов есть бесполезное и даже вредное занятие. Это все знают. Однако некоторые философы не видят методологического значения указанных положений. А между тем, В. И. Ленин ставил вопрос именно в общем плане и писал так: «Перенесение биологических понятий вообще в область общественных наук есть фраза» [5, 349].

Видимо, некоторые из современных авторов считают, что это к ним не относится, если в произведениях В. И. Ленина не упоминается именно тот термин, которым они жонглируют. Напомним в связи с этим еще одно общее методологическое положение. «В социологии, — писал В. И. Ленин, — эмпириокритицизм ведет, даже при самом искреннем сочувствии к выводам марксизма, к искажению исторического материализма претенциозно пустой энергетической и биологической словесностью» [5, 349—350]. Не надо думать, что мы собираемся обвинить кого-то в приверженности к махизму, мы лишь хотим сказать, что претенциозная пустая словесность весьма характерна для многих наших философских работ.

Ряд терминов, которые стали весьма распространенными в нашей философской литературе, употребляется в самых различных значениях. Взять многострадальную «структуру», которая является, пожалуй, самым модным словечком в философских публикациях последних лет. Мы сейчас отвлекаемся от тех многочисленных, к сожалению, случаев, где употребление термина «структура» ничем не обусловлено и свидетельствует лишь о стремлении не отстать от моды. Мы будем говорить о таком словоупотреблении, при котором термин «структура» действительно что-то выражает.

В области общественных наук одни авторы употребляют термин «структура» для обозначения элементов, составляющих какое-то целое, другие — для обозначения связей между этими элементами, третьи — как совокупность элементов и связей. Мы думаем, что тут необходимы разные обозначения и это совсем не трудно сделать.

Для обозначения элементов, составляющих какое-то целое, более подходит термин «состав». Тогда, например» термином «социальный состав» будем обозначать те социальные общности и группы людей, из которых общество состоит. Термином «классовый состав» будем обозначать те классы, которые характерны для данного общества.

Термин «структура» более отвечает характеристике именно связей, отношений. В таком смысле этот термин употребляется К. Марксом и в предисловии к работе «К критике политической экономии» [2, 627] и Ф. Энгельсом в работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» [3, 26]. В. И. Ленин — в работе «Что такое «друзья народа»...» [4, 137]. Если пересматривать сложившуюся терминологию и иметь в виду необходимость согласования научных терминов, то термин «социальная структура» следует обозначать именно связи, отношения между социальными общностями и группами (элементами), и под классовой структурой будем понимать отношения между классами данного общества.

В этом случае состав (т. е. совокупность элементов) и структуру (т. е. совокупность связей, отношений между ними) удобно обозначить термином «строение». Этот термин более широкий по сравнению с терминами «состав и структура». Он отвечает на вопросы о том, из чего состоит общество и как оно устроено. В нашем примере анализ классового строения будет включать изучение составляющих общество классов и отношений между ними.

Особое место занимают в историческом материализме соотносительные или парные категории, имеющие, впрочем, очень большое значение в философии вообще.

Попробуем сопоставить такие понятия, как «материальные отношения», «производственные отношения», «базис», «экономические отношения». Не трудно видеть, что перечисленные термины отражают фактически одно и то же, т. е. необходимые, от воли людей независимые отношения, в которые люди вступают в процессе производства материальных благ и которые лежат в основе всех других общественных отношений. Чем же обусловлена необходимость всех этих терминов в науке? Ответ на этот вопрос приводит нас к утверждению неразрывной связи двух понятий, к утверждению того, что некоторые категории могут употребляться лишь как парные.

Так, термин «материальные отношения» образует категориальную пару — материальные и идеологические отношения — которая используется для исследования только отношений, при этом более всего с точки зрения их формирования. Тут подчеркивается, что все отношения делятся на материальные и идеологические и что материальные являются первичными, а идеологические — вторичными.

В соотношении «базис и надстройка» те же материальные отношения (базис) выступают в другой паре, в другое соот-

ношение. Познавательное значение этой парной категории в том чтобы показать зависимость от материальных отношений, не только других отношений, но также взглядов, теорий и утверждений. Нельзя не обратить внимание на то, что сам термин «базис» употребляется Марксом как образное выражение для утверждения того, что материальные, производственные отношения лежат в основе, в фундаменте всех тех отношений, явлений, теорий, учреждений, которые определяются в данном случае термином «надстройка».

Производственные отношения есть те же самые материальные отношения, но термин этот употребляется уже в паре с термином производительные силы для обозначения одного из элементов способа производства. Таким образом, категориальной парой «производительные силы и производственные отношения» обозначают элементы способа производства, раскрытие этой категории предполагает изучение взаимоотношения между производительными силами и производственными отношениями в плане познания закономерностей развития общественного производства.

Таким образом, смысл парных категорий, их научно-познавательное значение состоит в том, что они отражают разные зависимости в многообразии общественной жизни. При этом упомянутые парные категории исторического материализма отражают наиболее общие и наиболее существенные связи.

Итак, в науке могут применяться различные признаки классификации в зависимости от цели исследования

ЛИТЕРАТУРА

1. Маркс К. и Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1956.
2. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 13.
3. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 21.
4. Ленин В. И. ПСС, т. 1.
5. Ленин В. И. ПСС, т. 18.
6. Ленин В. И. ПСС, т. 29.
7. Ленин В. И. ПСС, т. 42.

СИСТЕМАТИЗАЦИЯ КАТЕГОРИЙ ИСТОРИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

О значении систематизации категорий. В последнее время значительно возрос интерес философов к проблеме систематизации категорий. Она имеет множество аспектов, требующих самого тщательного рассмотрения. Актуальность этой проблемы объясняется прежде всего тем, что ее решение тесно связано с дальнейшим развитием теории марксистской философии.

В общетеоретическом плане данная проблема должна решаться на основе принципа единства диалектического и исторического материализма. Нельзя не видеть и того, что она, в свою очередь, способствует более глубокому пониманию этого принципа. Единство диалектического и исторического материализма раскрывается здесь не только в плане единства предметов, не только в плане общности диалектического метода, не только на уровне связи и взаимного обогащения и конкретизации отдельных категорий, но и на уровне единства и связи систем категорий этих составных частей философии марксизма. В этой связи нельзя не сказать о том, что на повестку дня встает проблема систематизации категорий теории истории философии, марксистской этики и эстетики, научного коммунизма.

Сущность систематизации категорий заключается в том, что она характеризует тенденции становления нового качества философского знания, обеспечивает прогресс теоретического мышления. Система категорий становится средством синтеза философских знаний и преобразования логики мышления, в результате чего вырабатывается метод теоретического анализа, адекватно отражающий развитие современной действительности.

Некоторые авторы, разрабатывая тот или иной вариант системы категорий, нередко увлекаются логической выводимостью категорий друг из друга и забывают как о социальной природе самих категорий, так и о значимости предлагаемых систем. Систему категорий нельзя сводить только к логической упорядочиваемости категорий, хотя это — один из

критериев системы. Система категорий — это прежде всего отражение эволюции социального бытия во всей его многогранности, это и отражение исторических ступеней освоения человеком природного и социального мира, и отражение исторического становления самого человека как субъекта деятельности и общественных отношений, и отражение исторического развития самопознания человека. Поэтому исторически оправданной оказывается такая система, которая «работает», формируя метод мышления, отвечающий требованиям реального исторического процесса, социально-экономическим и культурным условиям эпохи и раскрывающий эти условия. Систематизация категорий исторического материализма в этой связи важна именно тем, что способствует более полному и строгому раскрытию социального конкретно-исторического содержания философских категорий.

Основания систематизации категорий. Уже давно стало всеобщим убеждение, что системность есть признак подлинной науки, что система категорий для философии необходима. Однако это признание не устраняет тех трудностей, которые возникают при решении этой проблемы. Прежде всего, как понимать систематизацию категорий? Обычно ее рассматривают как создание такой системы, где все категории расположены строго иерархично. Но такое понимание системы вызывает справедливые возражения. Так, М. И. Конкин пишет, что «имеются все основания предположить, что сама проблема (в том виде, как она формулируется и ставится) может так и остаться нерешенной». [14, 57]. Поэтому необходимо прежде поставить и вкратце рассмотреть вопрос об основаниях систематизации.

Проблема систематизации категорий имеет многовековые традиции и уходит своими истоками вглубь истории. Попытки создать систему категорий связаны, например, с именами Аристотеля, Бэкона, Канта, Гегеля. Имеются многочисленные варианты систем не только в марксистской, но и в буржуазной философии. Можно утверждать, что эта проблема является одной из вечных проблем философии, актуализируясь заново в каждую эпоху. В ней раскрываются характерные черты способа философствования, в ней выражено стремление философа осмыслить сущность человеческого бытия, философски освоить и познать его. Система тесно связана со способом мышления, детерминированным социально-экономическими и культурно-историческими факторами. Ис-

торически различные системы категорий отражают историческое различие мыслительных структур.

Эта связь является одним из критериев периодизации исторического развития философии. Так, например, историю средневековой философии «нужно начинать с того момента, когда философия впервые сознательно ставит себя на службу религии и теологии откровения, и заканчивать тогда, когда союз между философией и богооткровенной теологией можно считать в основном распавшимся» [16, 5]. Для средневекового способа мышления характерны ретроспективность и традиционализм, дидактизм и рефлексивность, а также сопряженность с религиозной идеологией, что не могло не найти своего отражения в категориальном аппарате соответствующей ему философии [16, 4, 9—18].

В домарксистской философии Гегель, создавая систему, делает попытку унифицировать историю, «добиваясь» этого ценой абсолютизации определенной исторической ступени общественного развития. Нечто подобное происходит и в различных направлениях современной буржуазной философии и методологии истории, которые подходят к историческому процессу с идеалистическими и антиисторическими мерками [10, 68—138].

Маркс, как известно, отказался от рассмотрения «истории вообще», дав научный анализ одной общественной формы — капитализма. Значение методологического наследия Маркса велико и для систематизации категорий. Разработав научные основы понимания истории, марксизм внес в понимание проблемы систематизации категорий такие важные моменты, как учет преемственности развития систем категорий, как развертывание и приведение в соответствие сущности системы с сущностью отображаемой ею эпохи. При этом критерий развития становится важнейшим основанием субординации категорий, «развитие пронизывает категориальную систему марксистской диалектики» [18, 5], а также исторического материализма.

В. И. Ленин высоко оценивал открытое Марксом понятие общественно-экономической формации и методологическую роль последней при анализе общественной жизни. «Анализ материальных и общественных отношений сразу дал возможность подметить повторяемость и правильность и обобщить порядки разных стран в одно основное понятие **общественной формации** [2, 137]. С помощью этого понятия, как говорит Ленин, был внесен порядок в «соответствующие факты», была

дана живая картина «известной формации при строго научном объяснении ее».

Проблема создания системы категорий, пишет М. И. Конкин, «не вытекает непосредственно из задачи дальнейшей разработки диалектики, а скорее продиктована определенной философской доминантой, возникающей под влиянием бурного развития познания реальных процессов комплексного характера...» [14, 62]. Мы полагаем, что систематизация категорий тесно связана как с внутренней потребностью развития диалектики, марксистской философии в целом, так и с внешними, эмпирическими истоками, оказывающими влияние на характер этого развития. Поэтому следует выделить помимо историко-философских еще и эмпирические основания систематизации, кроющиеся в самой социальной действительности.

Переход человечества от капитализма к социализму во всемирном масштабе, начало которому положила Великая Октябрьская социалистическая революция, связан с началом формирования целостности социального бытия. Как отмечал В. И. Ленин, бурные, революционные периоды общественной жизни отличаются «большей плановностью, большей систематичностью, большей смелостью и яркостью исторического творчества по сравнению с периодами... реформистского прогресса» [4, 390]. Еще в большей степени эти отличительные черты общественной жизни раскрываются в период строительства социализма. Системность социалистического бытия осуществляется в таких объективных процессах, как гармонизация развития отраслей народного хозяйства, выравнивание темпов экономического и культурного развития социалистических стран, в расцвете и сближении наций и формировании новой социально-исторической общности людей — советского народа, в формировании гармонически развитой личности. В итоге стихийность общественного развития, характерная для досоциалистического периода, сменяется при социализме плановостью.

Более тесными становятся связи общества и природы, государств с различным социальным строем, складывается всемирная хозяйственная система, углубляется мировой революционный процесс. Эти связи разворачиваются не без противоречий, порою не без ущерба для самого человека, но они реальны и носят глобальный характер. Системность бытия природы и социальной действительности в XX веке обнаруживается достаточно определенно. Поэтому и тенденции обнаже-

ния всеобщей зависимости и связи общества и природы, цивилизации и общественного прогресса должны быть осмыслены адекватным образом. Следовательно, доминанта систематизации категорий точно отвечает характеру и уровню философского осмысления и обобщения современной действительности. Системный подход присущ современной науке в целом, он «в значительной мере вызван к жизни потребностями адекватного отражения явлений и закономерности интеграции... [15, 61]. Систематизация категорий исторического материализма в этой связи представляет процесс проникновения системного подхода в научную социологию и выработку соответствующего интегрального аппарата исследования общества. При этом проблема создания системы категорий превращается во внутреннюю проблему развития самой философии. Именно здесь обнаруживается единство историко-философских, эмпирических и логико-теоретических оснований систематизации категорий.

Диалектика системы категорий. Система должна обладать известной устойчивостью и замкнутостью — только в этом случае можно говорить о логически определенной иерархии категорий. Обычно это ее свойство и принимают за исходное, приступая к исследованию системы в «чистом» виде. В то же время ясно, что система должна быть открытой, способной к развитию, пополнению новыми категориями. Поэтому получается, что система категорий лишается своей логической однозначности. Она оказывается столь трудновыделяемой явно, что под сомнение ставится правомерность самой проблемы систематизации.

В чем причина этого? Ведь факт существования системы, как правило, сомнений не вызывает. Дело в том, что реальное функционирование системы, отличающейся многогранностью связей между категориями, и ее логически фиксированное состояние — разные вещи. И выявить логические связи категорий в системе — значит зафиксировать ее в определенном срезе, выхватить ее из той универсальности, в которой она только и пребывает во всей своей многогранности. Различные отношения категорий позволяют осуществить различные представления системы.

В связи с этим встает вопрос о числе систем категорий, их типах и соотношении последних друг с другом. Система, как отвечает Г. П. Орлов, выражает объективную основу науки, является структурой и организацией науки, в которой отдель-

ные ее звенья составляют целостность [19, 13]. Поэтому вопрос о числе систем категорий — это и вопрос об основаниях и способах организации философской науки.

В литературе имеется множество систем категорий. По мнению П. В. Алексеева, множественность систем — позитивное явление, отражающее гибкость теории диалектического материализма. Он говорит о трех типах систем: базовых, частных и производных [5, 100—104]. Мы полагаем, что идея типологии систем требует своего уточнения и дальнейшего развития. В факте множественности систем выражен процесс структурализации современного уровня развития философии. В разных типах систем отражается диалектика общего и отдельного реального процесса систематизации категорий. При этом целесообразно говорить о существовании универсальной, гибкой и многогранной системы, которая в своем функционировании отражает социальное бытие и деятельность человека как целостность. Смысл и назначение универсальной системы, включающей в себя «блоки», ряды категорий, в том, чтобы отразить историческое развитие общества во всей его целостности и конкретности. Это не значит, что речь идет об абсолютной и неизменной системе категорий. Напротив, только в универсальности и всеобщности, которые сами имеют исторически развивающийся характер [20, 9—10], заключается гибкость и творческое содержание системы. —

К систематизации категорий следует подходить диалектически, исследуя общие закономерности построения системы и фиксируя особенности их проявления в каждом случае. Так, в частности, необходимо учитывать специфику эмпирического и теоретического уровней социального познания и различие методов, используемых здесь, и, сообразуясь с этим, строить систему. Это особенно важно в историческом материализме, так как обсуждение проблемы системного изложения его понятийного аппарата «велося порою без должного учета всей сложной иерархической структуры социологической теории, каждый уровень которой характеризуется своей степенью обобщения конкретного эмпирического материала» [12, 20]. Специфика как отношений между категориями, так и состава категорий на каждом из этих уровней должна, очевидно, определять и специфику применения категорий для обобщения изучаемого материала.

Система категорий исторического материализма, как пишет В. С. Барулин, отражает всеобщность социального целого на различных уровнях, будучи системой рядов, групп катего-

рий. Он выделяет два основных ряда: ряд способа производства и ряд общественного бытия. Остальные же категории «представляют собой либо конкретизацию, либо обобщение выделенных категорий и могут быть определенным образом «выведены» из категориальных рядов» [6, 36, 48, 131]. Очевидно, возможны и иные категориальные ряды, по-прежнему «рассекающие» историю и отражающие уровни социального целого. Сюда можно отнести ряд категорий общественной формации, дающей представление об обществе как естественноисторическом процессе. Историю общества можно рассматривать и через призму развития родовой сущности человека [7], а это — новый аспект анализа общественной жизни как целого.

Исследование всеобщего общественной жизни есть изучение генезиса ее исторических форм и уровней. Рациональный смысл многоуровневой системы категорий заключается в ее способности давать структуру всеобщего с позиций принципа историзма. Поэтому такая система органически исторична.

Каково соотношение категориальных рядов, с одной стороны, и категорий внутри каждого ряда, с другой? Внутри ряда категории объединяются на основе одного и того же принципа, их отношения в этом случае суть отношения структуры, которые могут быть логически выведены. Отношения же рядов категорий в рамках универсальной системы — это отношения генетические, опирающиеся на систему принципов, ядро которых составляет принцип материалистического понимания истории. И «выводимость» рядов категорий обеспечивается за счет обращения исследователя к действительности, к системе фактов человеческой деятельности.

Система, метод, начало. Система категорий — мощное средство исследования действительности. Ее отсутствие, недостаточная разработанность и даже стихийное применение дают о себе знать, как только философ приступает к анализу реальности. Именно здесь обнажается связь метода и системы. Отсутствие системы означает и неразвитость метода. Формирование метода связано с разработкой системы категорий. Маркс, создавая диалектико-материалистический метод, создает вместе с тем и систему категорий политэкономии капитализма.

Система может реализоваться не иначе, как в постоянном воспроизводстве метода. Метод ведет систему, дает ей новое содержание. Система — то средство, с помощью которого метод осуществляет свое движение. По отношению к системе метод выступает как движущая сила ее развертывания. Метод,

соответствующий системе, служит гарантом ее жизненности. В. И. Ленин отмечает: «Если применение материализма к анализу и объяснению одной общественной формации дало такие блестящие результаты, то совершенно естественно, что материализм в истории становится не гипотезой уже, а научно проверенной теорией; совершенно естественно, что необходимость такого метода распространяется и на остальные общественные формации... [2, 143]. Перенесение метода на новые области — необходимое условие возникновения новых категорий и пополнения ими системы. Система же категорий в свете сказанного должна рассматриваться не в ее актуально данном развернутом состоянии, а как процесс осуществимости самого метода.

Построение системы категорий требует выделения начала, движение которого дает в результате всю разветвленную систему, отражающую реальное целое в его конкретности. Проблема выбора начала и связанной с ним исходной абстракции («клеточки») является чрезвычайно актуальной для рассматриваемой нами проблемы. И прежде всего потому, что начало позволяет реализоваться системе категорий как процессу. В науках, которые строятся либо по схеме формально-логической дедукции, либо индуктивным путем, исходной абстракции нет. В некоторых случаях ее вычленить трудно, поскольку данная наука, может, еще не поднялась до того уровня, на котором это осуществимо. Понятие «клеточки» является относительным: то, что имеет «клеточную» природу в одной науке, может быть достаточно сложной системой в другой [17, 453—454]. Исходная абстракция в свернутом виде содержит противоречие как источник движения всей системы. В ней отражено такое отношение предмета, которое дальше разложить нельзя, не выходя за рамки данного специфического предмета» [9, 32].

Назовем здесь два заслуживающих внимания момента, связанных с проблемой систематизации. Это, во-первых, вопрос о том, сколько «клеточек» может лежать в фундаменте системы категорий? Однозначного ответа пока нет. В литературе предлагаются системы, где число исходных понятий колеблется от одного до четырех и более. Так, при построении системы категорий диалектики в качестве исходных А. П. Шептулин называет категории «материи», «сознания», «практики» и «противоречия» [21]. Для системы категорий исторического материализма в качестве исходных А. Д. Шершунов предла-

гает «общественно-экономическую формацию» и «образ жизни людей» [22]. Ясно, что начинать следует с простейших, наиболее «тощих» абстракций. Но где тот критерий, «с помощью которого можно было бы установить, что именно данное, а не какое-нибудь другое абстрактное понятие должно быть принято за начало исследования?» [13, 333]. Очевидно, указание на такой критерий должно дать ответ и на вопрос о числе исходных понятий. Во-вторых, некоторые авторы предлагают различать «начало» и «клеточку» при построении системы категорий. Так, в диалектическом материализме в качестве начала системы выдвигается соотношение категорий «материя» и «сознание», а в качестве «клеточки» — «материя» [5, 125—130]. В историческом материализме на роль начала выдвигают «жизнедеятельность людей», а в качестве «клеточки» называют «образ жизни живых поколений отдельных народов — этносов» [23, 21—26]. При этом отмечается тесная связь между началом и клеточкой. Мы полагаем, что рациональный смысл такого различия заключается в стремлении выделить в явном виде метод развертывания клеточки в систему. Уже Гегель ставил вопрос о начале того, что составляет метод. Начало должно быть простым и всеобщим, а его содержание есть нечто непосредственное [11, 292—294]. Природа начала противоречива: оно и элементарно и всеобще, и непосредственно, и развертывается в многообразное целое (систему). «Начало — пишет В. И. Ленин, — самое простое, обычное, массовое, непосредственно «бытие»: отдельный товар («Sein» в политической экономии)» [3, 301].

С чего начинать? Какой метод исследования выбрать? Эти вопросы детально исследует Маркс: «Кажется, правильным начинать с реального и конкретного, с действительных предпосылок...» [1, 36]. Конкретное есть «исходный пункт содержания и представления», а метод восхождения от абстрактного к конкретному «есть лишь тот способ, при помощи которого мышление усваивает себе конкретное, воспроизводит его как духовно конкретное» [1, 37—38]. Духовно конкретное — это реально конкретное, отраженное и воспроизведенное в мышлении посредством переработки представлений и понятий. Реально конкретное — условие и предпосылка выделения простейших абстракций. Так, меновая стоимость, говорит Маркс, предполагает население, а также определенные формы семьи, общины или государства. «Меновая стоимость может существовать только как абстрактное, одностороннее отношение пе-

которого уже данного конкретного живого целого» [1, 38]. Простейшая абстракция есть одностороннее выражение некоторого живого целого и возникает благодаря бытию этого целого, существует в нем реально как его определенное отношение. Простейшая абстракция, далее, не выражает всех отношений конкретного целого сразу, целиком, а порождает в своем движении совокупность категорий, необходимых для воссоздания реально конкретного в его целостности: «движение категорий выступает как действительный... акт производства, результатом которого является мир...» [1, 38]. Логическая структура системы категорий, возникающих исторически, определяется теми отношениями, в которых они находятся друг к другу в наивысшей развитой общественной форме, следовательно, с развитием самой формы изменяется и место простейшей абстракции, причем «более простая категория может выражать собой господствующие отношения менее развитого целого или подчиненные отношения более развитого целого... В этом смысле ход абстрактного мышления, восходящего от простейшего к сложному, соответствует действительному историческому процессу» [1, 39].

Проблема исходной абстракции весьма оживленно обсуждается и в историческом материализме. На роль таковой предлагаются, например, родовая сущность человека, общественно-экономическая формация, способ производства, общественные отношения, образ жизни. В свете вышесказанного эти предложения в большей мере неудачны. Так, формация как реальное целое имеет сложную структуру, начиная с системы общественных отношений, классовой структуры и кончая бытом, идеологией. Она содержит в себе простейшее отношение, которое необходимо выделить. Как показал Маркс, решение этой задачи неизбежно ведет к экономической основе общества как определяющей: «Каждая форма общества имеет определенное производство, которое определяет место и влияние всех остальных производств и отношения которого поэтому точно так же определяют место и влияние всех остальных отношений» [1, 43]. Короче говоря, в буржуазном обществе — к товару и товарным отношениям. Изменяется сущность формации — изменяется и исходная абстракция. На примере труда как простой абстракции Маркс показывает, что абстрактные категории, несмотря на то, что они «имеют силу для всех эпох, в самой определенности этой абстракции представляют собой в такой же мере и продукт исторических условий и обладают

полной значимостью только для этих условий и в их пределах» [1, 42]. Иными словами, нет «исходной абстракции вообще», а есть определенная клеточка определенного общества, генетически вырастающая из предыдущей. При социализме товар изменяет свою природу, клеточка коммунистического общества вырастает как отрицание товара. Поэтому при анализе общественных форм необходимо учитывать историзм клеточки. Данное обстоятельство нужно учитывать и при разработке системы категорий исторического материализма. Признание же в качестве клеточки общественной формации отнюдь не снимает вопроса о ее структуре и движущих силах развития. Она не есть непосредственное выражение простейших отношений.

То же самое относится и к образу жизни. Образ жизни имеет сложную, исторически изменяющуюся структуру, определяемую целой совокупностью социально-экономических, естественно-географических, культурно-исторических и иных факторов. Как пишет А. П. Бутенко, «буквально все — естественные и общественные условия, материальное и духовное производство, техника и наука, культура и национальные традиции, семья и школа, а также многое другое — так или иначе сказывается и проявляет свое значение в образе жизни людей» [8, 26]. Образ жизни, взятый в многообразии его форм, представляет собой тот эмпирический материал, с изучения которого начинается выделение простейших отношений. Не случайно поэтому Маркс и Энгельс в «Немецкой идеологии», говоря о предпосылках материалистического понимания истории, указывают на определенный вид жизнедеятельности индивидов, на их определенный образ жизни. Образ жизни должен быть сам понят и воспроизведен в категориях, составляющих его внутреннюю структуру. В последней как раз и должна быть вычленена всеобщая абстракция, выражающая собой тот микропроцесс общественной жизни, который, воспроизводясь в структуре рассматриваемого целого — образа жизни, — модифицируется в различных функциях и отношениях.

Понятие исходной абстракции методологически оправдано тем, что нацеливает философа на поиск простейшего носителя сущностного противоречия общественной формы. Анализ проблемы систематизации категорий в историческом материализме позволяет преодолеть известную диспропорцию уровней и принципов методологической разработки теории диалектического и исторического материализма.

1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. 1.
2. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1.
3. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29.
4. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41.
5. Алексеев П. В. Предмет, структура и функции диалектического материализма. Изд. Моск. ун-та, 1978.
6. Барулин В. С. Соотношение материального и идеального в обществе. М., 1977.
7. Батенин С. С. Человек в его истории. Л., 1976.
8. Бутенко А. П. Социалистический образ жизни: проблемы и суждения. М., 1978.
9. Вазюлин В. А. Логика «Капитала» К. Маркса. Изд. Моск. ун-та, 1968.
10. Вайнштейн О. Л. Очерки развития буржуазной философии и методологии истории в XIX—XX веках. Л., 1979.
11. Гегель Г. Наука логики, т. 3, М., 1972.
12. Исследования в области исторического материализма в 1971—1975 годах.—Вопросы философии, 1976, № 5.
13. История марксистской диалектики. От возникновения марксизма до ленинского этапа. М., 1971.
14. Конкин М. И. Проблема формирования и развития философских категорий. М., 1980.
15. Кузьмин В. П. Место системного подхода в современном научном познании и марксистской методологии. — Вопросы философии, 1980, № 1.
16. Майоров Г. Г. Формирование средневековой философии. Латинская патристика. М., 1979.
17. Марксистская философия в XIX веке, кн. 1. М., 1979.
18. Миклин А. М., Подольский В. А. Категория развития в марксистской диалектике. М., 1980.
19. Орлов Г. П. Проблема классификации категорий исторического материализма.—В кн.: Категории исторического материализма в их взаимосвязи. Свердловск, 1978.
20. Рыбаков Н. С. Систематизация категорий исторического материализма как методологическая проблема.—В кн.: Проблемы систематизации категорий исторического материализма. Тезисы республиканского координационного совещания. Челябинск, 1980.
21. Шептулин А. П. Исходные начала и принципы построения системы категорий диалектики.—Философские науки, 1979, № 2.
22. Шершунев А. Д. Категории исторического материализма в их взаимосвязи. М., 1975.
23. Шершунев А. Д. От категорий «начала» — «клеточки» социального целого и исходного понятия как самого абстрактного выражения сущности общественной жизни — к выведению остальных категорий исторического материализма и их системе.—В кн.: Проблемы систематизации категорий исторического материализма. Тезисы республиканского координационного совещания. Челябинск, 1980.

ЕДИНСТВО ПРЕДМЕТА ИСТОРИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА И ПРОБЛЕМЫ ЕГО НАЧАЛА

Несмотря на многообразие подходов к определению предмета исторического материализма все они исходят из представления об обществе как органической системе, элементы которой находятся в тесном единстве и взаимодействии. Более того, специфика того или иного понимания предмета определяется в немалой степени авторскими представлениями о логической структуре категорий исторического материализма, их иерархии и субординации. Условием успешного разрешения последней проблемы является правильный выбор «точки отсчета», исходного системообразующего начала.

В качестве такого начала может быть выбрана та или иная сторона сущности исторического материализма. Важно, чтобы этими сторонами, — отмечает Г. П. Орлов, — выступали «такие узлы» познания, «клеточки», исходные категории, которые пронизывают весь исторический процесс по «вертикали» и по «горизонтали» [6, 10]. Широко известны классификации, где в качестве исходных категорий предлагаются такие, как «деятельность», «общество», «общественные отношения», «образ жизни», «общественно-экономическая формация», «предмет» [5, 7, 8] и т. д. Все они имеют право на существование, ибо общество есть такая система, где каждый структурный элемент прямо или косвенно, связан со всеми другими, своеобразно отражая и преломляя богатство всех составляющих его компонентов. В этой связи нельзя не отметить методологической трудности, возникающей при таком подходе, а именно, возможность практически неограниченных концептуальных подходов к систематизации категорий философской науки об обществе.

Преодоление этой трудности заключается, на наш взгляд, в выделении такого социального явления, которое, являясь основой жизнедеятельности целостного социального организма, одновременно содержит в себе потенциально, в свернутом виде, подобно дубу в желуде, все многообразие противоречий общественной жизни. Применительно к политэкономии в качестве такой исходной клеточки К. Маркс выделяет категорию

«товар» и, раскрывая его содержание, создает стройное здание экономической науки.

Какую дефиницию в качестве исходной можно предложить для исторического материализма? На наш взгляд, таковой является «труд». «Для марксистов-ленинцев характерно, что избранный ими определяющий фактор исторического исследования является таковым и в реальной истории. Этот фактор — труд...» [6, 68]. Можно говорить о трех аспектах первичности труда применительно к обществу и науке об обществе. Во-первых, труд первичен в генетическом плане, что нашло воплощение в ставшей аксиоматичной формуле Ф. Энгельса — труд создал самого человека. Во-вторых, труд первичен в социологическом (онтологическом) плане. Марксизм нашел ключ к пониманию всей истории развития общества в истории развития труда [3, 317]. Наконец, можно говорить о логико-методологической (гносеологической) первичности труда. Последний является системообразующим элементом логико-методологической конструкции исторического материализма.

Развертывая теоретическую модель исторического материализма на базе категории «труд», необходимо руководствоваться методом восхождения от абстрактного к конкретному. Отталкиваясь от наиболее простого определения труда, антимистического в своей основе, попытаемся вывести ряд фундаментальных категорий исторического материализма. «Труд, — пишет К. Маркс, — есть прежде всего процесс, совершающийся между человеком и природой, процесс, в котором человек своей собственной деятельностью опосредствует, регулирует и контролирует обмен веществ между собой и природой» [1, 188]. Уже в этом простом определении заключена глобальная проблема исторического материализма — взаимодействие человека и природы, важнейшая субъектно-объектная связь, составляющая исходную основу всех исторических коллизий.

Но, в отличие от животных, изменяющих природу в силу своего присутствия, человек преобразует ее в соответствии с заранее поставленной целью. Созидательная материально-предметная деятельность — важнейший атрибутивный признак общественного человека, а применительно к философии проблема деятельности является узловой для многочисленных теоретических изысканий. Трудовая деятельность есть противоречивое единство материального и идеального. Наличие в ней идеального момента составляет важнейшую сущностную характеристику человека, так как «сознательная жизнедеятель-

ность непосредственно отличает человека от животной жизнедеятельности» [2, 93]. В труде отдельного человека материальный и духовный моменты находятся в синтетическом единстве. Что касается общества в целом, то этот дуализм материального и идеального в труде является, по мере исторического развития, источником деления социальной жизни на материальную и духовную: опять-таки важнейший категорный ряд исторического материализма.

Природа, на которую воздействует человек, могуча, сопротивляется ему, оказывает человеку «противодействие» [4, 77]. Чтобы преодолеть это сопротивление, человек опосредует свое воздействие на природу искусственно созданными средствами труда. Живой труд, сливаясь с овеществленным, функционирует в качестве производительных сил — революционного фактора способа производства.

Но материальное производство всегда социально. В его процессе люди вступают в определенные, от их воли и сознания не зависящие производственные отношения, составляющие реальный базис всех иных общественных отношений. Сами эти отношения, и здесь наглядно проявляется принцип историзма, не остаются неизменными, следуя за изменениями в характере связей вещественного и личного элементов производительных сил. А способ и характер, которым осуществляется данное соединение, отличает различные стадии социально-экономического прогресса; то есть в форме соединения работника со средствами производства, обусловленными отношениями собственности, виден ключ к выделению категории «общественно-экономическая формация».

Таким образом, «труд» это такая категория, которая имплицитно, в снятом виде, содержит фундаментальные категорные ряды исторического материализма, составляя основу реального единства общества как целого. Выделение системы категорий из исходного начала — общественный труд — и восстановление таким образом ступень за ступенью всей иерархии общественных отношений представляется важной задачей методологии социального познания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 23.
2. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 42.
3. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 2. V

4. Гегель. Сочинения, т. VII. М.-Л.: Соцгиз, 1934.
5. Каряпаев Г. Г. Исторический материализм — метод познания общественных явлений. — М.: Высшая школа, 1973.
6. Орлов Г. П. Проблема классификации категорий исторического материализма. — В кн.: Категории исторического материализма в их взаимосвязи. Свердловск, Изд-во Уральского государственного университета. 1978.
7. Систематизация категорий исторического материализма. Челябинск, 1980.
8. Тугаринов В. П. Соотношение категорий исторического материализма. Л., Изд-во Ленинградского университета, 1958.

В. П. ФОФАНОВ

О РАЗРАБОТКЕ ТЕОРИИ ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ФОРМАЦИИ НА ОСНОВЕ МЕТОДА ВОСХОЖДЕНИЯ ОТ АБСТРАКТНОГО К КОНКРЕТНОМУ

В последние годы в печати и в устных обсуждениях все чаще ставится вопрос о необходимости применения метода восхождения от абстрактного к конкретному в разработке исторического материализма. Наше понимание этой проблемы было сформулировано в работе [7]. В данной статье обсуждаются три узловых вопроса — о субстанции, изоморфе и «клеточке» общественно-экономической формации.

Еще относительно недавно были полностью справедливы слова: «Вопрос о «клеточке» человеческого общества, т. е. о начале исследования в историческом материализме, продолжает оставаться одной из слабо разработанных проблем этой науки. Более того, можно сказать, что ему не придавалось того значения, которое он заслуживает» [9, 24]. Что касается степени разработки — существенных перемен пока нет, но степень осознания значимости проблемы заметно возросла. Более того, рассуждения о «клеточке» становятся своеобразной модой. К сожалению, однако, при этом не затрагиваются ни проблема субстанции, ни проблема изоморфа социальной системы, ни большинство других теоретико-методологических проблем, связанных с обоснованием столь сложной теоретической конструкции, какой является «клеточка» восхождения вообще и восхождения в рамках исторического материализ-

ма — в особенности. В объеме данной статьи, конечно же, нет возможности охватить тему достаточно полно, поэтому мы ставим задачу хотя бы очертить ее контуры.

Разработанное классиками марксизма-ленинизма понятие общественно-экономической формации обладает огромной обобщающей силой. В. И. Ленин отмечал, что К. Маркс «впервые поставил социологию на научную почву, установив понятие общественно-экономической формации» [4, 139]. Общественно-экономическая формация — это категория для фиксации общества как сложной саморазвивающейся системы, как социального организма. Это центральная категория исторического материализма. Если выделить в историческом материализме главное, то его вполне можно назвать учением о формациях как закономерных качественно специфических ступенях общественного развития. В законах, по которым живут формации, имеет место сложная диалектика общего и особенно — [6].

Исторический материализм обладает сложным, многоуровневым строением. В его составе можно выделить раздел, связанный с представлением формации как сложного целого — теорию формации в узком смысле слова. Она диалектически взаимосвязана с другими разделами данной науки, конкретизирующими и развертывающими общую теорию формации — такими, как теория материального производства, теория общественного сознания и т. д. В литературе отмечалось, что здесь есть немало проблем, требующих дальнейшего изучения [5]. В частности, во многом неясен вопрос о том, какую роль в разработке теории формации играет категория социальной деятельности.

За последнее время в советской философской литературе получило определенное распространение выражение «деятельностный подход». Оно используется применительно к исследованию как отдельных социальных процессов, например, познавательных, так и общественной жизни в целом. В отношении «деятельностного подхода» имеется сдержанно-скептическая позиция, имеется более или менее выраженный негативизм. Однако имеется и немало энтузиастов так называемого «деятельностного подхода», и их количество, пожалуй, возрастает.

Нам думается, что за выражением «деятельностный подход» скрываются весьма различные позиции, и поэтому в каждом конкретном случае необходимо уточнять, что, собственно, имеется в виду. Уже поэтому использование данного выраже-

ния создает определенные трудности и, по крайней мере, нуждается в спецификации. Есть, однако, и более серьезное обстоятельство. К сожалению, у ряда авторов, пишущих о деятельности, независимо от того, употребляют они или нет выражение «деятельностный подход» для обозначения своей позиции, имеется тенденция к преувеличению роли этой категории в исследовании общественных процессов. Думается, что такая абсолютизация возникает прежде всего как следствие одностороннего понимания самой деятельности, что и затрудняет адекватную оценку познавательных возможностей этой категории.

В связи с участвовавшими попытками представить человеческую деятельность в качестве чуть ли не основной категории социально-философского исследования, все чаще раздаются голоса, напоминающие о том, что человеческую целесообразную деятельность нельзя рассматривать как исходное понятие в построении социальной теории. Какая же «деятельность» имеется в виду спорящими сторонами? Анализ показывает, что, хотя это обстоятельство зачастую и не фиксируется в явной форме, имеется в виду живая деятельность, которая понимается иногда как деятельность субъекта-группы, иногда как деятельность человека-рода, то есть человечества как единого субъекта, а нередко и как «деятельность» отдельного человека.

С нашей точки зрения, понимание человека как рода есть абстракция, несомненно нуждающаяся в конкретизации, особенно если речь идет о поиске исходного понятия для построения диалектико-материалистической концепции общества. Идет ли здесь речь о понимании человечества как единого субъекта, идет ли здесь речь о фиксации сущностных характеристик, присущих человеку как представителю особого рода существ,— эти и другие возможные трактовки данного выражения означают возникновение совершенно разных познавательных ситуаций. Думается, однако, что ни одна из этих ситуаций не представляет собой достаточно содержательную исходную позицию для решения обсуждаемой задачи.

Для достижения подлинно системного понимания социальной деятельности необходимо преодолеть три основные разновидности неполноты выделения системы, имеющиеся в современной советской литературе. Речь идет, во-первых, о сведении живой социальной деятельности к действиям отдельного человека, во-вторых, о сведении социальной деятельности вооб-

ще к живой социальной деятельности, и в-третьих, о сведении взаимной деятельности двух субъектов к деятельности одного субъекта. Все перечисленные проблемы непосредственно связаны с выделением субстанции социальной системы, а на этой основе — и с ее структурированием.

Подавляющее большинство авторов, пишущих о деятельности, имеют в виду **живую** деятельность. В результате возникает странная ситуация. Сторонники «деятельностного подхода» сводят деятельность к ее частному проявлению, к одному из ее моментов. Противники «деятельностного подхода» как будто бы полемизируют с ними, — но, по существу, понимают деятельность столь же односторонне. Расхождения между ними сводятся лишь к оценке эвристических возможностей одного и того же, весьма одностороннего понимания деятельности. Первые считают, что это понятие способно выступить в качестве объяснительного принципа общественной жизни, исторического процесса, — и соответственно, способно выступить в качестве основного понятия при разработке социальной теории. В противовес такому подходу вторые считают, что деятельность не может пониматься как основное понятие, как основной объяснительный принцип в научной трактовке общественной жизни.

Нельзя не согласиться, что так понимаемая деятельность действительно не может выполнить эту роль, ибо это противоречит принципу материалистического понимания истории. Деятельность в такой трактовке, то есть **живая** человеческая деятельность, как бы ни понимался субъект — ее носитель, не может рассматриваться в качестве исходного определения общества. Такой подход в конечном счете ведет к идеализму в понимании общества, ибо первичным и определяющим элементом живой деятельности является цель, то есть образование идеального. Думается, в этом споре затронута одна из проблем, где принцип партийности марксистско-ленинской философии требует прямых определений и недвусмысленных квалификаций. Дело в том, что такое понимание деятельности не является целостным, диалектическим ее пониманием. Оно абстрактно-односторонне, — и поэтому его применение там, где необходимо целостное представление деятельности, способно лишь породить заблуждения. Разумеется, что это не только не мешает, но и требует применять понятие «живая деятельность» там, где речь идет именно об этой модификации социальной деятельности как многообразного целого.

В рамках системно-диалектического понимания деятельности речь вовсе не должна идти о каком-то едином, универсальном понятии. Социальная деятельность как реально существующий внутренне единый и вместе с тем сложно дифференцированный процесс может и должна рассматриваться на разных уровнях абстракции. Самым абстрактным в ряду понятий, фиксирующих социальную деятельность, является понятие социальной деятельности вообще, в отвлечении от ее внутренних различий. Это понятие в силу своей малосодержательности само по себе может иметь лишь вспомогательное значение. Однако оно совершенно необходимо для конкретизации, развертывания теории. Его значение состоит в том, что оно фиксирует субстанцию социальной системы. Фиксируя субстанцию, фактически фиксируют тот предел, дальше которого познание в рамках данного научного предмета не идет. А в онтологическом плане таким образом фиксируется тот инвариант, который специфичен для данной формы, данного уровня движения.

Отсюда и возникает ряд конкретизаций, в своем единстве позволяющих представить деятельность в конечном счете достаточно полно и всесторонне. Развертывание исходного понятия путем раскрытия внутренних противоречий, тех конкретных модификаций деятельности, через которые эти противоречия развиваются, тех общих структур, в которых происходит движение данной субстанции,— все это позволяет показать внутреннее единство, скрывающееся за такими сложными, развитыми формами общественной жизни, которые фиксируются в понятиях общественно-экономической формации, материальных и надстроечных общественных отношений и т. д. По существу, речь идет о задаче теоретической реконструкции системы на основе выявления ее субстанционального единства.

Правомерен ли такой подход? На наш взгляд, он не только правомерен, но и необходим. Его непревзойденным образцом является «Капитал». Еще В. И. Ленин поставил задачу использовать все богатство созданной К. Марксом методологии для дальнейшего развития научного общественнознания. Это делает попытки применения такого подхода в историческом материализме насущным долгом советских философов.

В Марксовой политэкономии капитализма нет ничего, кроме стоимости: и зарплата, и рента, и прибыль,— все это лишь определенные модификации стоимости. Вместе с тем система

капиталистических экономических отношений не есть просто стоимость вообще. Стоимость—это лишь предельно общая абстракция и, как всякое абстрактно-общее понятие, она не охватывает систему в ее конкретности. Между тем, научная истина конкретна, поэтому весь смысл исследования, проведенного К. Марксом, состоит в раскрытии тех конкретных модификаций стоимости, которые составляют качественную специфику капиталистического производства.

При таком подходе в социальной системе тоже нет ничего, кроме социальной деятельности: и отдельные виды общественных отношений, и такие сложные подсистемы социального организма, как, например, способ производства материальных благ, и, наконец, общественно-экономическая формация в целом,— все это есть различные системы, виды, способы, формы, процессы и продукты деятельности. Вместе с тем социальная система в ее действительной конкретности отнюдь не есть только социальная деятельность вообще. Действительное содержание системы, подлежащее теоретическому отображению, состоит в том богатстве **специфических** видов, способов, форм деятельности, которые в своем противоречивом единстве составляют общественную жизнь. Без раскрытия их конкретной содержательности нет и конкретности научной истины.

Зачем же тогда необходима категория «социальная деятельность вообще» или, кратко, «социальная деятельность»? Ее значение именно в том, что она задает некоторое единое,— пусть абстрактное, но **предметно единое** видение социальных объектов. Она есть необходимая предпосылка, средство введения всего богатства многообразных, конкретных, сложных в себе понятий, способных раскрыть социальную диалектику в ее конкретно-исторических формах. На нее опирается, как на важный вспомогательный этап, то **конкретное** предметно единое видение общества, которое достигнуто в понятии общественно-экономической формации. Поскольку теория формации есть **генетическая** теория, то первое различие внутри абстрактного целого «деятельность вообще» должно вводиться через понятие развития. Органическая система есть диалектическое противоречие, движущей силой которого является борьба противоположностей. Задача, следовательно, сводится к тому, чтобы выяснить, как выступает в процессе деятельности всеобщее внутреннее противоречие движения.

Внутренним противоречием движения является, как известно, противоречие между изменчивостью и покоем. Покой

есть собственный момент движения, и в то же время он относительно обособлен и выступает как диалектическая противоположность изменчивости.

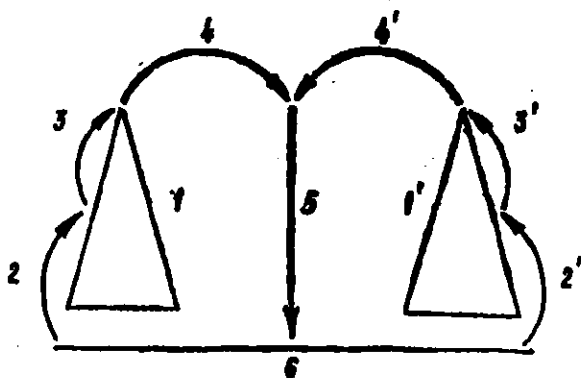
Момент изменчивости в системе деятельности выступает как деятельность живая, а момент покоя как деятельность опредмеченная. Живая и опредмеченная деятельность — это два взаимодополнительных способа существования деятельности вообще. Какой бы конкретный вид деятельности мы ни взяли, она существует всегда лишь в единстве этих двух противоположностей. Живой труд невозможен без опредмеченного, выступающего в виде средств производства. В свою очередь, средства производства не являются таковыми, пока их не охватит живой труд. «Машина, которая не служит в процессе труда, бесполезна. Кроме того, она подвергается разрушительному действию естественного обмена веществ. Железо ржавеет, дерево гниет. Пряжа, которая не будет использована для тканья или вязанья, представляет собой испорченный хлопок. Живой труд должен охватить эти вещи, воскресить их из мертвых, превратить их из только возможных в действительные и действующие потребительные стоимости» [2, 194]. Точно так же не может быть ученым человек, который не овладел опредмеченным в знаковых системах научным знанием. Однако и научные знания, записанные, например, в книге, мертвы без совокупного ученого, они живут и развиваются лишь через его живую деятельность.носителем живой деятельности является субъект, группа лиц. Как отмечал В. И. Ленин, в марксизме действия отдельных лиц «сведены к действиям групп личностей» [4, 430]. В классовом обществе основным типом субъекта является класс.

Однако различие живой и опредмеченной деятельности само по себе тоже еще весьма абстрактно. Только когда противоречие живой и опредмеченной деятельности рефлексировано в себя, только когда возникает поляризация внутри каждой из этих противоположностей, только тогда возникает система в собственном смысле, то есть целое, способное к саморазвитию. Простейшая система социальной деятельности в ее абстрактном представлении включает в себя двух субъектов, взаимодействующих между собою в условиях, которые представляют собою не что иное, как их предшествующую опредмеченную деятельность. Взаимная живая трудовая деятельность субъектов непосредственно опирается на их предшествующий опредмеченный труд, выступающий в виде наличного

конкретно-исторического уровня развития средств производства. Взаимная политическая деятельность субъектов непосредственно опирается на уровень предшествующей политической деятельности, как он воплощен в наличных формах политических учреждений и организаций, — и прежде всего государства. Каждая такая система деятельности включена в сложную их взаимосвязь в рамках формации как целого, причем определяющую роль играют виды деятельности, осуществляемые в сфере материального производства. В данном контексте важно подчеркнуть следующее. Деятельность любого вида, осуществляемая данным субъектом, всегда соотносительна с деятельностью его контрсубъекта, она существует лишь как **взаимная** деятельность. Реально существует именно **взаимодействие** субъектов, так что деятельность каждого из них есть составляющая, которая не может быть понята вне данного целого. Взаимодействие это имеет исторический характер, оно зависит от своей истории, воплощенной в снятом виде в опредмеченной деятельности.

Таким образом, простейшая система социальной деятельности есть самовоспроизводящийся цикл. Условия в виде опредмеченной деятельности детерминируют деятельность каждого из субъектов; разнонаправленная деятельность каждого из субъектов снимается их взаимодействием; взаимодействие опредмечивается, модифицируя условия; новые условия полагают новый акт взаимодействия субъектов — и т. д.

Система социальной деятельности может быть схематически изображена следующим образом:

Цифрами обозначены: 1 и 1' — субъекты — носители данной системы деятельности; 2 и 2' — объективный интерес каждого из субъектов; осознаваемый как цель его деятельности; 3 и 3' — отображение действительности, т. е. данной системы деятельности, которое формируется у субъекта на основе его цели; 4 и 4' — программа деятельности и сам процесс деятельности по ее реализации; 5 — результирующая, реальный процесс взаимодействия субъектов, представляющий собой снятие их разнонаправленных деятельностей; 6 — опредмеченная деятельность, исходное условие и конечный результат каждого цикла деятельности (взаимодействия) субъектов. (Характеристика системы деятельности дана, ради краткости, крайне схематично. Подробнее см. [8, 252—259]).

Значение этой схемы в том, что она воспроизводит изоморф социальной системы, то есть те инвариантные черты строения, которые присущи каждому ее элементу. Типовыми элементами формации являются общественные отношения. Каждое из них есть весьма сложная система социальной деятельности определенного вида, обладающая своими специфическими особенностями. Однако всякое общественное отношение обладает двумя субъектами-носителями, в каждом отношении есть необходимая связь между условиями и деятельностью, выступающая как объективный интерес субъекта и т. д.

«Система социальной деятельности» есть теоретический конструкт, который тоже не имеет самостоятельного значения, однако необходим для разработки понятий о тех конкретных общественных отношениях, которые в своем единстве составляют общественно-экономическую формацию.

Выработка данной конструкции была результатом идеализирующей схематизации эмпирического материала, — от чего в данном контексте мы полностью отвлекаемся. Будучи сформирована, она, наоборот, сама становится средством организации эмпирии. Наличие такой модели и дает, на наш взгляд, возможность перейти к основному этапу — к этапу вычленения и субординации конкретных видов деятельности, реально существующих в форме соответствующих общественных отношений.

В ряду категорий, отображающих социальную деятельность как качественно особую сферу действительности, для марксизма главной является отнюдь не категория деятельности вообще. Принципиальное значение для возникновения материалистического понимания истории имело выделение прак-

тической деятельности (практики) и еще уже — практической деятельности в сфере материального производства.

К. Марксу и Ф. Энгельсу был чужд спекулятивный подход. Изложение материалистического понимания истории в «Немецкой идеологии» они начинают с констатации фактов: «Предпосылки, с которых мы начинаем,— не произвольны, они не догмы; это — действительные предпосылки, от которых можно отвлечься только в воображении. Это — действительные индивиды, их деятельность и материальные условия их жизни. Таким образом, предпосылки эти можно установить чисто эмпирическим путем» [3, 18].

Далее вновь речь идет об индивидах, но уже в ином аспекте, в иной связи: «Первая предпосылка всякой человеческой истории — это конечно, существование живых человеческих индивидов. Поэтому первый конкретный факт, который подлежит констатированию,— телесная организация этих индивидов и обусловленное ею отношение их к остальной природе» [3, 19]. Если в первом случае индивиды фиксируются «в себе», в единстве лишь с непосредственными условиями их жизни, то теперь — в их отношении ко всей «остальной природе». По существу, здесь задана внешняя связь, внешняя система,— и задана через материальность, «телесность» индивидов, которая обуславливает их единство с природой,— и выступает в виде предпосылки специфически человеческого взаимодействия с нею.

Третья — хронологически первая — констатация предпосылок имеется в черновом варианте первой главы «Немецкой идеологии» и включена в полемический контекст: «Имея дело со свободными от всяких предпосылок немцами, мы должны прежде всего констатировать первую предпосылку всякого человеческого существования, а следовательно, и всякой истории, а именно ту предпосылку, что люди должны иметь возможность жить, чтобы быть в состоянии «делать историю» [3, 26]. Здесь индивиды взяты в отношении к своей истории. Необходимость жить, определяемая телесной организацией индивидов, фиксируется как предпосылка не только их взаимоотношений, но также и их собственного исторического процесса.

Как видим, К. Маркс и Ф. Энгельс начинают с констатации некоторых неоспоримых фактов. Однако это именно лишь предпосылки для разработки концептуальной схемы. Начать с фактов — значит преодолеть спекулятивный подход. Огра-

попытки «только фактами» — значило бы впасть в эмпиризм. Выход состоит в том, чтобы на основе эмпирических предположений сформулировать теоретическую конструкцию, которая позволяет посредством введения соответствующих абстракций и идеализаций в первичном эмпирическом материале вычленив систему, зафиксировать ее элементы и их связи.

Следовательно, возникает необходимость постоянного различения с одной стороны — формируемой теоретической картины действительности, с другой — познавательного процесса, в ходе которого эта картина формируется и разворачивается, — то есть различения онтологического и гносеологического аспектов.

В гносеологическом аспекте существенно, что констатация фактов сама по себе есть лишь предпосылка для разработки собственно теоретической конструкции. В онтологическом аспекте существенно, что эти факты имеют различное значение для изучаемого целого. Констатация отношения индивидов к природе и их отношения к собственной истории выделяет контуры, границы объективной действительности, попадающей в сферу видения формируемой концепции. В центре же намечаемой конструкции находятся индивиды в единстве с непосредственными условиями их жизни. Рассмотрим, как стороны этого единства соотносятся между собой.

Первый вывод, полученный на основе эмпирических предпосылок, выглядит тоже как всего лишь констатация фактов, непосредственно доступная эмпирической проверке: «люди должны иметь возможность жить, чтобы быть в состоянии «делать историю». Но для жизни нужны прежде всего пища и питье, жилище, одежда и еще кое-что» [3, 26]. Этот тезис внешне почти тавтологичен: чтобы жить — надо иметь возможность жить. Но за этой кажущейся тавтологичностью кроется существенная новизна. Это становится очевидно, если тезис развернуть более подробно: индивиды — живые телесные существа; поэтому, чтобы жить — им надо иметь возможность жить, то есть иметь жизненные средства. Суть этого тезиса — в констатации наличия у людей материальных потребностей, то есть нужды в определенных жизненных средствах, обусловленных их собственной природой. Индивиды нуждаются в определенных условиях, — материальных, как они сами. По существу, здесь содержится указание на необходимую связь первоначально выделенных компонентов, указание на то, что перед нами не просто фрагменты действительности, а

элементы существующей в действительности системы. Безусловно, выделение системы еще не завершено, однако решающий шаг сделан. Именно этот шаг позволяет вывести тезис, лежащий в основе материалистического объяснения истории — тезис о первичности материального производства.

Неразрывный ряд «почти тавтологий», неразрывный ряд констатаций неопровержимых фактов делает неопровержимым и вывод: «...люди должны иметь возможность жить, чтобы быть в состоянии «делать историю». Но для жизни нужны прежде всего пища и питье, жилище, одежда и еще кое-что. Итак, первый исторический акт, это — производство средств, необходимых для удовлетворения этих потребностей, производство самой материальной жизни» [3, 26].

Структура вывода такова.

Люди, индивиды есть материальные живые существа.

Чтобы «делать историю», люди должны жить, существовать.

Чтобы жить, они должны иметь материальные жизненные средства. Чтобы иметь жизненные средства, они должны их производить.

Следовательно, чтобы «делать историю», люди должны производить жизненные средства.

Так возникает понятие «производство материальной жизни» или, коротко, «материальное производство».

Введя понятие **материального производства**, К. Маркс и Ф. Энгельс, по существу, «замкнули» первоначально выделенные компоненты друг на друга, то есть зафиксировали их как **элементы системы**. С одной стороны, индивиды нуждаются в определенных материальных условиях, которые, таким образом, выступают в качестве предпосылок для индивидов. С другой стороны, индивиды **производят** эти условия, то есть сами выступают в качестве их предпосылок. Понятие «материальное производство» и фиксирует эту взаимобусловленность сторон. Выявление их целостности позволяет наряду с различием сторон показать и их тождественность: «То, что они (индивиды — В. Ф.) собой представляют, совпадает, следовательно, с их производством — совпадает как с тем, что они производят, так и с тем, как они производят» [3. 19].

Фиксация тождества взаимобусловленных сторон, пожалуй, есть ключевой момент в теоретической реконструкции действительной системы. Это позволяет раскрыть их взаимопроникновение, без чего констатация взаимобусловленности может оказаться лишь внешней характеристикой.

До сих пор речь шла о некотором способе соотнесения компонентов (элементов), выделенных в их непосредственной **эмпирической данности**. Как всякое эмпирически конкретное, они бесконечно многообразны. Однако возникает вопрос: какова же качественная определенность тех системных связей, которые были выделены в данном объекте? Какой системообразующий признак кроется за эмпирическим разнообразием «индивидов» и «материальных условий»? Почему это не просто компоненты, а именно элементы системы? Что их объединяет? Почему они способны обуславливать друг друга, переходить друг в друга? Ответ можно получить лишь путем введения понятия, фиксирующего стороны в их тождественности друг другу. В гносеологическом плане суть вопроса состоит в том, как надо рассматривать объект, какой аспект, какой **«предметный срез»** следует в нем выделить, чтобы уловить **внутреннее единство** зафиксированных компонентов. Собственно говоря, лишь таким путем их можно представить в виде элементов системы. Пока не зафиксирована себестоимость системы, не раскрыто ее субстанциональное единство, говорить о теоретическом выделении системы преждевременно.

Свой способ видения К. Маркс и Ф. Энгельс фиксируют однозначно: «для нас исходной точкой являются действительно **деятельные** люди (выделено мной — В. Ф.)» [3, 25]. **Деятельные люди, люди как носители деятельности**, — такова та познавательная призма, при помощи которой формируется теоретическая картина социальной действительности. При характеристике сущности материалистического понимания истории этот мотив звучит постоянно. К. Маркс и Ф. Энгельс неоднократно отмечают: «Речь идет о действительных, действующих людях» [3, 24].

Второе столь же фундаментальное обстоятельство состоит в том, что деятельность понимается как чувственно-предметная, практическая деятельность. Характеризуя свой подход к обществу, К. Маркс и Ф. Энгельс пишут: «Этот способ рассмотрения не лишен предпосылок. Он исходит из действительных предпосылок, ни на миг не покидая их. Его предпосылками являются люди, взятые не в какой-то фантастической замкнутости и изолированности, а в своем действительном, наблюдаемом эмпирически процессе развития, протекающем в определенных условиях. Когда изображается этот **деятельный процесс жизни**, история перестает быть собранием мертвых фак-

тов, как у эмпириков, которые сами еще абстрактны, или же воображаемой деятельностью воображаемых субъектов, какой она является у идеалистов.

Там, где прекращается спекулятивное мышление, — перед лицом действительной жизни, — там как раз и начинается действительная положительная наука, изображение практической деятельности, практического процесса развития людей (выделено мной — В. Ф.)» [3, 25—26].

Итак, классики понимают людей как носителей практической деятельности. И это отнюдь не частность. «Тезисы о Фейербахе», этот «гениальный зародыш нового мировоззрения», начинаются следующими словами: **«Главный недостаток** всего предшествующего материализма — включая и фейербаховский — заключается в том, что предмет, действительность, чувственность берется только в форме **объекта**, или в форме созерцания, а не как **человеческая чувственная деятельность**, практика, не субъективно» [1, 1]. —

Если таков **главный недостаток** домарковского материализма, то очевидно, главное преимущество, **главная специфическая особенность** диалектического и исторического материализма по сравнению с другими материалистическими концепциями состоит в том, что действительность понимается как **человеческая чувственная деятельность, практика**.

Именно практическая, и еще уже — производственная — деятельность выступает в марксизме как объяснительный принцип всей общественной жизни: **«Общественная структура и государство постоянно возникают из жизненного процесса определенных индивидов — не таких, какими они могут казаться в собственном или чужом представлении, а таких, каковы они в действительности, т. е. как они действуют, материально производят»** [3, 24].

Поскольку производство существует всегда в определенной конкретно-исторической форме, постольку объяснительным принципом выступает не производственная деятельность вообще, а производственная деятельность, оформленная в виде исторически складывающихся производственных отношений. В этих отношениях деятельность индивидов предстает в единстве с ее условиями: индивиды **«действенно проявляют себя в определенных материальных, не зависящих от их произвола границах, предпосылках и условиях»** [3, 24].

Раскрывая природу предметных условий деятельности, классики преодолели присущий буржуазному миропониманию

товарно-фетишистский натурализм, который сводит общественные отношения людей к «отношениям вещей», возникающим якобы благодаря их природным, естественным свойствам. Такой подход мистифицирует общество, разрывает социальное целое, извращает сущность общественных отношений. Рационально понятая категория деятельности позволяет раскрыть действительные истоки того, почему вещи способны выполнять определенные социальные функции. Достигается это благодаря тому, что вещные условия живой деятельности также представляются как некоторая модификация деятельности. Без этого системная концепция материального производства логически невозможна. Когда К. Маркс и Ф. Энгельс фиксируют эмпирические предпосылки материалистического понимания истории, они соотносят индивидов-деятелей с материальными условиями их жизни. Чрезвычайно важно, что уже здесь условия даны во вполне специфическом определении. Условия жизни индивидов определены как **продукт** деятельности, то есть как их предшествующая живая деятельность, ныне опредмеченная в вещах. В результате и возникает новая концепция истории. «История есть не что иное, как последовательная смена отдельных поколений, каждое из которых использует материалы, капиталы, производительные силы, переданные ему всеми предшествующими поколениями; в силу этого данное поколение, с одной стороны, продолжает унаследованную деятельность при совершенно изменившихся условиях, а с другой — видоизменяет старые условия посредством совершенно измененной деятельности» [3, 44—45]. История предстает как саморазвивающийся, непрерывно расширяющийся процесс, внутренним механизмом которого являются диалектические переходы живой и унаследованной опредмеченной деятельности поколений.

К. Маркс и Ф. Энгельс не только раскрывают роль материального производства как главную сферу человеческой деятельности, основу всей общественной жизни, — но также выделяют его элементы. Они называют «четыре момента, четыре стороны первоначальных, исторических отношений» [3, 29].

Исторически первичные отношения включают в себя «производство жизни — как собственной, посредством труда, так и чужой, посредством деторождения» [3, 28]. При этом производство «выступает сразу же в качестве двойного отношения: с одной стороны, в качестве естественного, а с другой — в качестве общественного отношения» [3, 28].

Поскольку объекты полисистемны, постольку в отдельном материальном образовании в принципе могут быть выделены различные системы. Поэтому важно учесть оговорку К. Маркса и Ф. Энгельса: «Способ производства надо рассматривать не только с той стороны, что он является воспроизводством физического существования индивидов» [3, 19], с этой стороны рассматривать надо, ибо «физическое существование», «телесная организация» индивидов — есть **объективная** предпосылка материального производства. Но не только и не столько с этой стороны, ибо «физическое существование» есть лишь предпосылка». В еще большей степени, это — определенный способ деятельности данных индивидов» [3, 19].

Таким образом, в виде простейшей и генетически первичной системы общественных отношений классики выделяют материальное производство, включающее в себя две взаимосвязанных подсистемы общественных отношений: определенный конкретно-исторический способ производства материальных благ и способ производства человека. На наш взгляд, материальное производство в таком его понимании и составляет «клеточку» социальной системы и, соответственно, исходный пункт восхождения в рамках генетического развертывания теории общественно-экономической формации.

Конечно, было бы преувеличением утверждать, что в «Немецкой идеологии» К. Маркс и Ф. Энгельс сконструировали «клеточку» формации. Это было бы неверно уже потому, что они и не ставили в этой работе задачу найти исходный пункт построения теоретической социологии на основе метода восхождения от абстрактного к конкретному, — а всякая «клеточка» есть конструкция сугубо рефлексивная, и поэтому она не может быть получена в неявном виде, как побочный результат. Утверждая приоритет классиков марксизма-ленинизма в постановке или разработке той или иной проблемы, важно избежать модернизации их взглядов, привнесения того, что отсутствует в их текстах. Вместе с тем, нельзя и преуменьшать значение фактически сделанного. Поэтому можно считать, что в «Немецкой идеологии» была выделена та простейшая система общественных отношений, которую правомерно использовать как исходную клеточку в процессе восхождения от абстрактного к конкретному в теоретической социологии. Этот процесс, как известно, в значительной мере еще предстоит осуществить. Соответственно и вопрос о «клеточке» требует дальнейшей детальной проработки, направленной на раскрытие

законов формирования, функционирования и развития этой простейшей относительно последующего, но на самом деле чрезвычайно сложной в себе системы материальных отношений. Думается, что в решении этой задачи роль важного средства может сыграть представление об изоморфе социальной системы, вкратце охарактеризованное выше.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч., т. 3.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч., т. 23.
3. Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч., т. 3.
4. Ленин В. И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов.—Полн. собр. соч., т. 1.
5. Общественно-экономические формации. (Отв. ред. Момджян Х. Н.). М., 1978.
6. Уледов А. К. Социологические законы. М., 1975.
7. Фофанов В. П. Исторический материализм и метод восхождения от абстрактного к конкретному.—В кн.: Методологические проблемы науки. Вып. 1. Новосибирск, 1972.
8. Фофанов В. П. Экономическое сознание и экономические отношения. Новосибирск, 1979.
9. Шершунов А. Д. Категории исторического материализма в их взаимосвязи. М., 1975.

Ю. А. ХАРИН

СОЦИАЛЬНАЯ ДИАЛЕКТИКА И ИСТОРИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ

Перед философами-марксистами стоит важная и актуальная задача дальнейшей разработки диалектики как общей теории развития, как логики и теории познания. В частности, необходимо изучать пути ее конкретного применения к познанию самых сложных явлений и процессов во всех областях знания [7]. Это касается особенно и прежде всего исследования социальной реальности, поскольку здесь вопрос о методологической значимости материалистической диалектики до сих пор интерпретируется неоднозначно. Так, можно прочитать, что «наиболее адекватной формой метода материалистической диалектики, которая соответствует специфике соци-

альных явлений, выступает исторический материализм» [6, 179]. Высказано и такое мнение, что «относительное различие между диалектикой природы и диалектикой общества обуславливает и относительное различие между диалектическим и историческим материализмом» [4, 54]. Утверждается также, что сущность исторического материализма состоит в «распространении на изучение общественных явлений, положений и принципов диалектического материализма» [3, 13]. С другой стороны, в последние годы в общественное сознание все более внедряется термин «социальная диалектика» [5, 9], который опять-таки толкуется по-разному.

Возникает тем самым потребность не только уточнения соотношения диалектического и исторического материализма, но и выяснения существа «социальной диалектики», ее места в структуре исторического материализма.

Обратимся в этой связи прежде всего к рассмотрению самого понятия социальной диалектики. Выражение «социальная диалектика» в общем-то не ново. Оно встречается, например, у французского социолога Габриеля Тарда (1843—1904). Тард истолковывал социальную диалектику как дисциплину, «работающую над увеличением верования и желания..., а также над высшим уравниванием того и другого путем образования великих социальных систем» [8, 177]. В современной буржуазной философии социальная диалектика предстает как субъективистски-идеалистическая интерпретация человеческой деятельности.

Что касается марксистской литературы, то по вопросу о социальной диалектике можно выявить следующие точки зрения (ограничимся их воспроизведением без указания конкретных имен): а) никакой особой социальной диалектики не существует, есть одна диалектика — материалистическая; б) социальная диалектика — это просто совокупность примеров диалектики из области общественных явлений; в) научная социальная диалектика — это исторический материализм.

Приведенные суждения о социальной диалектике вызывают возражения. Их теоретическая уязвимость состоит в недостаточном строгом понимании принципов конкретности и развития всеобщих моментов действительности. Важно подчеркнуть, что объективная противоречивая диалектика всеобщего, особенного и отдельного универсальна, но эта универсальность ее не должна представляться как некая абстрактная и мертвая всеобщность. Напротив, универсальный характер

диалектики существует только в конкретном и всестороннем саморазвитии материи. Абстракция диалектики, ее категории и законы обнаруживают в полной мере свою значимость только применительно к анализу конкретного, действительного природного и исторического процесса [11, 920].

Здесь возникает необходимость обратить внимание на одно существенное обстоятельство, касающееся разработки теории материалистической диалектики в ее социальных аспектах. Как известно, Ф. Энгельс писал: «История природы и человеческого общества — вот откуда абстрагируются законы диалектики. Они как раз не что иное, как наиболее общие законы обеих этих фаз исторического развития, а также самого мышления» [1, 384]. С точки зрения общего хода процесса познания открытие универсальных диалектических моментов, таким образом, можно представить как движение от конкретного к абстрактному. Дальнейшая же разработка теории уже выявленных всеобщих диалектических абстракций требует — как и в случае любого познавательного акта — перехода к духовному воспроизведению конкретного в единстве многообразия его определений, восхождения от абстрактного к конкретному. Именно этим вторым этапом исследования всеобщих моментов объективной реальности и предстает анализ специфики социальной диалектики (равно как диалектики природы и диалектической логики).

Возвращаясь к уточнению термина «социальная диалектика», напомним, что следует различать объективную диалектику социальной реальности (в этом случае выражения «диалектика общественного развития», «диалектика общества», «социальная диалектика» — синонимы) и учение об этой объективной диалектике общественного развития. Совершенно ясно, что один и тот же объект познания (здесь: диалектика развития общества) может быть предметом различных по целевым ориентациям теорий.

Не вдаваясь в обсуждение затронутого вопроса во всей его многогранности, подчеркнем лишь, что материалистическая диалектика (диалектический материализм) и исторический материализм исследуют развитие общества под разным углом зрения, используя специфический категориальный аппарат. Поэтому, конечно, ошибочно приведенное выше мнение, что исторический материализм — это просто распространение положений диалектического материализма на область общественных явлений. Идеи исторического материализма связаны

со всеобщими диалектическими принципами, но в них виртуально не содержатся. Поэтому-то в социальном познании и важно использование, с одной стороны, общефилософских категорий (материалистической диалектики), а с другой — понятий исторического материализма. В общем выражаемая этими понятиями проблематика — базис и надстройка, общественно-экономические формации, личность и общество, классы и классовая борьба и т. д. — не входит в предмет диалектического материализма и не может интерпретироваться как конкретизация последнего к общественной жизни.

Тем более неверно проводить различие между диалектическим и историческим материализмом на основе различия между диалектикой природы и диалектикой общества. Подобная трактовка вопроса неправомерно ограничивает сферу методологической компетенции материалистической диалектики и лишает, по существу, философского статуса теорию исторического материализма.

Сказанное не означает, что мы отрицаем различие в диалектике природных и социальных процессов. Напротив, это различие существует и оно весьма существенно. Но это различие требуется осмысливать в рамках единой философии диалектического и исторического материализма. Здесь-то уместно сказать еще об одном смысле выражения «социальная диалектика», имеющем для разработки и исследования диалектики общества особую эвристически-методологическую значимость. Под социальной диалектикой нами понимается формирующаяся в рамках диалектического и исторического материализма теория функционирования общедиалектических моментов в их опосредовании социальными действиями людей.

Правомерность сформулированного подхода к исследованию диалектики общественного развития вытекает из функционирования на уровне социальной реальности законов диалектики в специфически-конкретном виде. Это обусловливается тем, что в силу особенностей социальной формы движения материи в механизме проявления социальных законов возникает принципиально новый по сравнению с законами природы компонент — социальный субъект как субстанциально-функциональная единица и носитель общественных процессов. В известном смысле социальные законы предстают как своего рода моменты практической деятельности людей, хотя они и не сводятся к этой деятельности. Законы общества, конечно, не растворяются в чистом процессе социальных дей-

ствий. Они имеют объективный характер. Поскольку материальное производство составляет необходимую основу существования общества, законы, функционируя в действиях людей, в то же время определяют их границы и общую направленность.

Не только, однако, собственно социальные законы, но и всеобщие законы диалектики в истории человеческого общества проявляются как общественные отношения и социальные действия. Эти действия людей в их специфических конкретных формах оказываются необходимым условием функционирования социальной диалектики. Отмечая это обстоятельство, укажем в то же время на полнейшую несостоятельность попыток буржуазных идеологов противопоставить К. Маркса В. И. Ленину на том основании, что будто бы диалектика, по Марксу, осуществляется «в ходе самого исторического развития, а в трактовке Ленина она должна реализоваться и подтверждаться только посредством действий людей» [12 179]. В марксизме-ленинизме же на самом деле нет дилеммы: объективная диалектика общественного развития или социальные действия. Вопрос ставится иначе: условием реализации социальной необходимости является активное массовое действие людей. Важно при этом учитывать, что социальная деятельность людей, а тем самым и объективная диалектика развития общества, не может быть правильно осмыслена вне конкретно-исторических общественных отношений.

Человечество в целом с его внутренней дифференцированностью и многообразными материальными и идеологическими отношениями людей образует социум, представляющий собой пространственно-временной континуум материи на социальном уровне ее развития и организации. Действия классов, масс протекают в рамках этого континуума, категориальным выражением которого выступает понятие общественно-экономической формации. Ключ к научному пониманию общества дало лишь учение исторического материализма об общественно-экономических формациях. В. И. Ленин подчеркивал, что «диалектика буржуазного общества у Маркса есть лишь частный случай» [2, 318]. Всеобщие законы диалектики, безусловно функционируя в истории человеческого общества, поразному обнаруживаются в развитии конкретных формаций. Так, диалектика буржуазного общества есть частный случай диалектики, во-первых, потому, что существует еще объектив-

ная диалектика природы, где всеобщие закономерности проявляются иначе, чем в социальных действиях людей. Во-вторых, развитие буржуазного общества представляет собой частный случай диалектики ввиду его своеобразия отношения к другим общественно-экономическим формациям и по отношению к социализму.

Можно, например, выделить следующие черты объективной диалектики капитализма. Прежде всего эта диалектика характеризуется антагонистической природой социальных противоречий, обусловленных господством частной собственности и эксплуатации человека человеком. Буржуазное общество развивается в конфликтных социальных действиях, в классовой борьбе. Социальные действия людей характеризуются разнонаправленностью и противоположностью. Реализация социальной необходимости здесь наталкивается на противодействие реакционных сил. Прогресс в условиях капитализма отличается неравномерностью, дисгармоничностью и ограниченностью. Вследствие развертывания внутренних социальных противоречий и революционных действий трудящихся усиливается процесс самоотрицания капитализма.

Иной характер имеет объективная диалектика социализма. Ее своеобразие определяют социалистическая форма общественных отношений, планомерно организованное производство на базе общественной собственности, отсутствие эксплуатации человека человеком. К специфическим чертам диалектики социализма можно отнести прежде всего неантагонистический характер социальных противоречий, обусловленный господством общественной собственности на средства производства. Социализму присущи единство и в целом однонаправленность массовых действий людей. Это определяет проявляющийся во всех сферах общественной жизни социальный динамизм. Диалектику социализма отличает планомерность и постепенность, все большая гармонизация социальных процессов. Существенно и то, что в социалистическом обществе возрастает роль субъективного фактора, сознательных действий людей в осуществлении социальной необходимости. В силу единства социальных действий людей прогресс в рамках коммунистической формации становится безграничным и неисчерпаемым.

Проведенный краткий анализ специфики диалектики социальной реальности и ее особенностей применительно к разным формациям позволяет сделать вывод об ограниченности

как абстрактно-философского, так и односторонне-социологического аспектов обсуждения вопросов диалектики общественного развития. Так, чисто «диаматовский» (широко распространенный подход к истолкованию общества как «резервуара» примеров диалектики) срез рассмотрения социальных противоречий, социального отрицания и т. д. явно не схватывает специфики упомянутых диалектических моментов в их социальном контексте. Ведь для понимания социальных противоречий важно учитывать их особенности как субъектно-объектных отношений; в анализе социального отрицания требуется принимать во внимание то, что отрицание в общественных процессах приобретает форму социального действия; такая же важная категория философии, как качество, применительно к социальным явлениям и процессам ориентирует исследователя на необходимость раскрытия конкретно-исторического типа общественных отношений. Соответствующее «восхождение от абстрактного к конкретному» должно быть осуществлено и относительно других общедиалектических категорий при их «социальном» прочтении.

С другой стороны, в сложившейся практике «истматовской» трактовки диалектики общественного развития также обычно игнорируется приобретение общедиалектическими моментами новых определений на уровне социальной реальности. Тем самым методологический потенциал исторического материализма в социальном познании используется далеко не полностью. Исторический материализм как социально-философское знание выражается в категориях двойного типа. Существенное место в системе категорий исторического материализма занимают например, такие понятия, как «общественное бытие», «общественное сознание», «социальный прогресс», «социальное противоречие», «социальная революция», «социальный закон», «социальное действие» и т. п. Особенностью таких социально-философских категорий исторического материализма (в отличие от собственно социологических категорий — базиса, надстройки, класса, общественно-экономической формации, личности и др.) является то, что их содержание может быть раскрыто лишь с учетом соответствующих общедиалектических моментов. Именно здесь социологический подход должен сочетаться с общифилософским аспектом анализа понятий.

В плане диалектической логики соотношение между философскими и социально-философскими понятиями может быть выражено в терминах «категории (предикаменты)» и «суб-

категории (предикабилии)». Предикабилии — это производные или подсобные понятия, выводимые из предикаментов и служащие раскрытию их содержания. Категории социальной диалектики — как формулируемой в названном выше смысле теории — и выполняют по отношению к исходным философским концептам функцию субкатегорий.

Дальнейшая разработка категорий социальной диалектики требует не только учета этого своеобразия «субкатегорий», но и выявления внутреннего единства различных по характеру понятий исторического материализма. Нельзя не согласиться с тем, что «философские (научная социальная диалектика, научная социальная логика, социальная гносеология, социальная онтология и философия истории и социологические моменты в историческом материализме взаимно проникают до такой степени, что неотделимы и неразличимы друг от друга в содержании этой науки. По своей сущности философский момент в ней есть и социологический, а социологический момент предстает как философский [10, 53].

Исследование социального аспекта категорий материалистической диалектики обогащает методологический потенциал исторического материализма как социально-философского знания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 20.
2. Ленин В. И. ПСС, т. 29.
3. Васильев Ю. А. Ленин и социальное предвидение. Минск, БГУ, 1978.
4. Гиндес П. Философия и социальное познание. М., 1977.
5. Категории социальной диалектики. Минск, БГУ, 1978.
6. Покрытан А. К. Историческое и логическое в экономической теории социализма, М., 1978.
7. Суслов М. А. Дело всей партии. — Правда, 1978, 17 октября.
8. Тард. Социальная логика. СПб, 1901.
9. Вълв Т. Проблемите на социалната диалектика. — Философска мисъл, 1979, кн. 1.
10. Щипски И. Историческият материализъм като наука. — Философска мисъл, 1976, кн. II.
11. Dialektik des Geschichtsprozesses in der Epoche des Übergangs vom Kapitalismus zum Sozialismus (Material zum Thema des V Philosophie-Kongress der DDR) — Dzf Ph, 1979, H8.
12. Sonntag H. Marx und Lenin. Zur Soziologie der modernen Revolution. Bochum, 1968.

**ОТ КАТЕГОРИЙ «НАЧАЛА» — «КЛЕТОЧКИ»
СОЦИАЛЬНОГО ЦЕЛОГО И ИСХОДНОГО ПОНЯТИЯ
КАК САМОГО АБСТРАКТНОГО ВЫРАЖЕНИЯ
СУЩНОСТИ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ —
К ВЫВЕДЕНИЮ ОСТАЛЬНЫХ КАТЕГОРИЙ
ИСТОРИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА**

Разработка системы категорий исторического материализма путем применения метода материалистической диалектики как логики и теории познания предполагает установление двух первоначальных понятий — «клеточки» социального целого, в которой на эмпирическом уровне преломляется специфика общественной жизни, и исходного понятия, в котором в наиболее абстрактном виде выражается сущность общественной жизни.

Необходимость выделения «клеточки» социального целого в качестве одной из первоначальных категорий определяется тем, что исторический материализм как наука о сущности общественной жизни должен начинать исследование этой сущности подобно любой науке с явлений, фактов, опираться на эмпирическую основу, а следовательно, должен подчиняться одной из наиболее общих закономерностей всякого познания — движения от явлений к сущности. При этом понятие «клеточки», разработанное в трудах Маркса и Ленина, есть не просто иное выражение движения мысли от явления к сущности, а более конкретная применительно к масштабам отдельной науки характеристика той изучаемой на эмпирическом уровне определенной целостности, в которой в неразвернутом, зародышевом виде содержится сущность исследуемого наукой объекта. В ней выражается и способ воспроизводства и совершенствования изучаемого объекта.

Напомним характеристику К. Марксом и В. И. Лениным признаков «клеточки» капиталистического производства, имеющих общелогическое значение: в «клеточке» должна быть преломлена специфика буржуазного производства; она должна выражать самое простое отношение исследуемого объекта в форме явления, точнее «непосредственного бытия»; в ней должно быть отражено развитие изучаемого объекта; в «кле-

точке» должны содержаться в неразвернутом виде все главные противоречия, определяющие развитие исследуемого целого.

В выделении «клеточки» социального целого наиболее четко фиксируется одно из требований диалектического метода о необходимости отправления мысли при изучении природы общественной жизни от явлений и фактов к сущности, о необходимости, выражаясь словами Ф. Энгельса, поднятия в процессе познания единичного из единичности в особенность, а из этой последней во всеобщность.

В метафизической неспособности вести исследование общественной жизни, отправляясь от фактов, Ленин видел важнейшую методологическую ограниченность домарксистской социологии. Все прежние социологические теории, как отмечал он, на 9/10 состоявшие из чисто абстрактных, априорных построений того, что такое общество, не сумели даже подойти к серьезному фактическому изучению общественных отношений. «Это самый наглядный признак метафизики, с которой начинала всякая наука: пока не умели приняться за изучение фактов, всегда сочиняли аргюи общие теории, всегда остававшиеся бесплодными» [3, 141].

Путь к установлению «клеточки» социального целого идет не только через эмпирическое изучение исследуемого объекта, но и через образование определенного понимания специфики и сущности исследуемого объекта, хотя бы сначала на уровне понятия — представления, а в идеале — путем выработки исходного понятия, в котором выражается в самом абстрактном виде сущность изучаемого объекта. Именно такое самое абстрактное понятие, в котором выражается сущность исследуемого объекта, понятие по объему самое широкое и всеобъемлющее об этом объекте, должно стать исходным в процессе восхождения от абстрактного к конкретному как метода воспроизведения в мышлении во всей полноте и глубине сущности внутренне расчлененного целого.

Этот метод был применен и разработан Марксом при введении категорий капиталистического производства в «Капитале».

В этой связи напомним также известное требование к разработке категорий, выдвинутое Лениным: «Категории надо вывести... из простейших, основных» [4, 86].

Возникает вопрос: категория «клеточки» или категория «исходного понятия» является первоначальной? По нашему

мнению, категории «клеточки» и «исходного понятия» представляют единство противоположностей и должны устанавливаться в неразрывной связи как первоначальные.

Рассмотрим это на примере установления «клеточки» социального целого и исходного понятия исторического материализма.

В нашей литературе высказываются различные взгляды о «клеточке» общественной жизни: одни авторы считают такой «клеточкой» общественное отношение, другие — деятельность, третьи — материальное производство, четвертые — культуру.

С предлагаемыми решениями нельзя согласиться, прежде всего, потому, что в них не находит выражения тот признак, что «клеточка» должна характеризоваться конкретностью и определенностью явления, точнее «непосредственного бытия». У нас нередко допускается смешение признаков, присущих «клеточке» общественной жизни, и признаков исходного понятия исторического материализма. Когда, например, утверждается, что в клеточке фиксируется предельно абстрактная конкретность всех социальных процессов, то это также один из примеров подхода, ведущего к подобного рода смешению.

По нашему мнению, «клеточкой» общественной жизни является образ жизни живых поколений отдельных народов — этносов, представляющих человечество на каждом историческом отрезке его существования и развития. Исходным же понятием исторического материализма является жизнедеятельность людей как единство социальной деятельности и обстоятельств (условий), при которых она происходит, как единство деятельности и общественных отношений.

В исходном понятии исторического материализма — жизнедеятельности людей, — выражающем субъектно-объектный характер взаимодействий в обществе, фиксируется в самом абстрактном виде сущность общественной жизни. В понятии «клеточка» социального целого — образе жизни этносов человечества на каждом отрезке истории — фиксируется конкретно-эмпирическая социальная целостность, в которой преломляется специфика человеческого общества, соединены в неразвернутом виде единичные, особенные и общие стороны человеческого общества, содержатся его важнейшие противоречия, в «снятом» виде выражено предшествующее развитие человечества.

Выдвигаемые идеи мы находим в работах классиков марксизма-ленинизма.

В марксистской науке было высказано положение, что специфика и наиболее общая сущность общественной жизни заключается в том, что люди сами делают историю, опираясь на унаследованные от прошлых поколений условия жизни и изменяя их, и что важнейшая особенность человеческой деятельности состоит в ее производящем, преобразующем характере.

Правда, чтобы осознать и понять, что в утверждении «люди сами делают свою историю»... заключена специфика и самая общая сущность общественной жизни, нужно его перевести на язык философско-социологических категорий. Однако по вопросу о том, в каком понятии фиксируется специфика и самая общая сущность общественной жизни, какое понятие следует считать исходным, основополагающим в историческом материализме, единого мнения в нашей философской литературе пока не существует.

Исходное понятие исторического материализма, в котором отражается самая общая сущность общественной жизни, и вместе с этим такое социальное отношение, которое является базой, необходимым условием всех других отношений, нельзя отождествлять с понятиями, в которых отражается самая глубокая сущность или основное, определяющее отношение общественной жизни, т. е. с категориями общественного бытия и общественного сознания.

Если положение «люди делают свою историю...», в котором в неразвернутом виде представлена специфика и самая общая сущность общественной жизни, выразить через выделение того социального положения, которое является исходной основой общественной жизни, то общественную жизнь следует определить как сферу субъектно-объектных отношений, осуществляемых в форме производства.

Если принять это определение общественной жизни, то самая общая структура субъектно-объектного отношения должна быть выражена через такие элементы, как субъект, объект, деятельность, общественное отношение, производство. (Производство как наиболее характерный и существенный признак человеческой деятельности, в отличие от деятельности животного, здесь берется в широком смысле, а не только как производство материальных благ).

Люди сами делают свою историю, исходят при этом из различных обстоятельств и изменяют их — это субъектно-объектное отношение характеризуется следующими элементами:

субъект (люди) — социальная деятельность — объект (социальная среда и природа).

Анализируя элементы этого отношения и взаимодействие между ними, Маркс и Энгельс указывали на двойную роль обстоятельств. Обстоятельства, как отмечали они, «с одной стороны... видоизменяются новым поколением, но, с другой стороны, предписывают ему его собственные условия жизни...» [1, 37]. Они выступают в качестве социального объекта деятельности. В такой роли обстоятельства противостоят людям как субъекту деятельности. Они являются предпосылками, условиями деятельности людей. В такой роли обстоятельства выступают по отношению к деятельности людей, их действиям.

Рассмотрение взаимодействия между людьми и обстоятельствами позволило Марксу и Энгельсу сформулировать одно из важнейших противоречий общественной жизни: «Обстоятельства в такой же мере творят людей, в какой люди творят обстоятельства» [1, 37]. Формой разрешения его выступает человеческая деятельность.

Если в субъектно-объектном взаимодействии выделить «общественное отношение» в качестве самостоятельного элемента, наряду с деятельностью, то субъектно-объектное отношение можно представить как единство деятельности и общественных отношений.

Так, например, способ производства материальной жизни как единство производительных сил и производственных отношений характеризуется субъектно-объектным строением и взаимодействием. Субъектно-объектное строение имеют производительные силы, ибо люди, обладающие опытом и навыками, применяющие орудия труда — это субъект, предметы труда — объект. Субъектно-объектное строение имеют и производственные отношения (например, различные классы). Лишь в результате определенного экономического и технологического соединения людей со средствами производства, т. е. субъектно-объектного взаимодействия и отношений создается исторически определенный способ производства.

Итак, структура исходного субъектно-объектного отношения может быть выражена следующим образом: субъект — социальная деятельность — объект (социальная и природная среда); субъект — объект — деятельность — общественные отношения. Мы подошли к важному пункту анализа — выделению и определению того понятия, в котором фиксируется специфика и общая сущность общественной жизни, ее исходное

субъектно-объектное отношение. Таким понятием является «жизнедеятельность людей». Оно вводится и трактуется Марксом и Энгельсом в качестве фундаментального понятия исторического материализма.

Анализируя родовой характер человека, Маркс писал: «В характере жизнедеятельности заключается весь характер данного вида, его родовой характер...» [2, 565]. В «Немецкой идеологии» способ производства рассматривался как главная форма жизнедеятельности людей, определенный вид их жизнедеятельности [3, 19].

Анализ понимания жизнедеятельности людей Марксом и Энгельсом приводит нас к выводу, что они не отождествляли понятие «жизнедеятельности людей» с понятием «деятельность людей», ибо жизнедеятельность рассматривалась ими как единство деятельности и обстоятельств, как единство деятельности и общественных отношений.

Но трактовать жизнедеятельность людей как единство социальной деятельности и обстоятельств, при которых она осуществляется, как единство деятельности и общественных отношений — это значит определять ее через элементы, характеризующие исходное субъектно-объектное отношение общественной жизни, выявлять тем самым специфику и самую общую сущность общественной жизни.

Следует обратить внимание на два аспекта понимания жизнедеятельности людей. Определяя жизнедеятельность людей как единство социальной деятельности и обстоятельств, мы рассматриваем общественную жизнь как процесс и результат взаимодействия живой и прошлой деятельности людей; определяя жизнедеятельность как единство деятельности людей и общественных отношений, мы представляем общественную жизнь как процесс и результат взаимодействия между различными формами жизнедеятельности, выявляем, в частности, способ производства материальной жизни в качестве формы жизнедеятельности, объединяющей все явления общественной жизни в целостные социальные организмы.

В понятии «форма жизнедеятельности» выражается определенный вид жизнедеятельности, т. е. единство определенного вида деятельности и общественных отношений, единство определенного вида социальной деятельности и обстоятельств, при которых она осуществляется.

Свою первую проверку как исходного понятия исторического материализма понятие «жизнедеятельность людей» дол-

жно пройти на примере рассмотрения состава категорий исторического материализма, чтобы оно было внутренне обоснованным, и определения оснований классификаций категорий, как мы приходим, например, к установлению внутренне обоснованного понимания «клеточки социальной жизни», опираясь на жизнедеятельность людей как исходное понятие исторического материализма.

Необходимо, прежде всего, выделить основные виды социальных организмов — обществ, существующих в истории. Если в трехэлементную формулу жизнедеятельности: люди — деятельность — обстоятельства (или люди — деятельность — общественные отношения) вместо индивидов поставить тех субъектов, которые представляют общества как социальные организмы, то в историческом процессе можно выделить 3 вида социальных организмов — обществ: жизнедеятельность отдельных народов — этносов, образующих нередко общество — страну; жизнедеятельность человечества на исторически определенном этапе его существования и развития (общественно-экономические формации); и жизнедеятельность человечества вообще (общество как целое).

Поскольку жизнедеятельность народов-этносов есть такое отдельное в истории, в котором соединены единичные, особенные и общие стороны общественной жизни, то жизнедеятельность отдельных народов-этносов точнее выражает понятие «образ жизни». Образование понятия образа жизни народа-этноса должно ориентировать исследование на то, что общественная жизнь в таком конкретном обществе должна быть представлена как единство сущности и явления, как единство существенно формационного и индивидуально-этнического.

Введение понятия жизнедеятельности людей и выделение 3-х видов обществ в истории позволяет определить клеточку социального целого — выделить на эмпирическом уровне исследования такую целостность на каждом отрезке общественного развития, в которой в неразвернутом виде соединены единичные, особенные и общие стороны исторического процесса. Такой клеточкой социального целого является образ жизни живых поколений народов-этносов, составляющих и представляющих человечество на любом отрезке общественного развития.

«История есть не что иное, — отмечал Маркс и Энгельс, — как последовательная смена отдельных поколений». [1, 44].

Выведение состава категорий исторического материализма из жизнедеятельности людей как исходного понятия происходит следующим образом.

Структура исходного отношения, как было показано, фиксируется 2 формулами:

1) Субъект — социальная деятельность — объект (социальная и природная среда).

2) Субъект — деятельность — общественные отношения — объект.

Введем понятие «форма жизнедеятельности людей», которая соответственно трех- или четырех-элементной структуре жизнедеятельности людей характеризуется также то 3 элементами (определенный вид субъекта — социальная деятельность — объект), то 4 элементами (определенный субъект, вид деятельности и отношений, объект) и выделим, учитывая решение этого вопроса в Предисловии «К критике политической экономии», особенные и общие формы жизнедеятельности людей.

Берем трехэлементную формулу структуры форм жизнедеятельности: субъект — социальная деятельность — объект.

1) Особенности формы жизнедеятельности:

Личность, социальные группы, народ

Производство и отношения экономическая, бытовая, политическая и др.

а) Производство и экономические, бытовые и другие условия жизнедеятельности

2) Общие формы жизнедеятельности:

Работники физического и умственного труда. Личность, социальные группы, народ

Практическая и теоретическая деятельность

а) Материальные и духовные условия жизнедеятельности

Берем четырехэлементную формулу структуры формы жизнедеятельности.

1) Особенности формы жизнедеятельности.

Способ производства материальной жизни — социальные, политические и духовные формы жизнедеятельности.

2) Общие формы жизнедеятельности.

Материальная жизнь людей — духовная жизнь людей.

Состав категорий, далее, должен быть классифицирован. Мы согласны с точкой зрения, высказываемой в нашей литературе, что исходное отношение науки должно выполнять

функцию полного основания классификации категорий, т. е. быть не только основанием разделения всех категорий на определенные группы, но и основанием необходимой связи одной группы с другой, а также между категориями в рамках одной группы. Исходная категория должна связывать все остальные категории в отдельные группы и единое целое.

Применительно к историческому материализму такая классификация, по нашему мнению, может быть разработана в результате соединения принципа исходной категории (исходного отношения) с принципом материалистического понимания истории (определяющего отношения) на 2-х основных уровнях его выражения — уровне особых (и отдельных) форм жизнедеятельности людей, где объединяющим началом является закон обусловленности способом производства материальной жизни социальных, политических и духовных форм жизнедеятельности людей, и общих форм жизнедеятельности, где объединяющим началом является закон обусловленности материальной жизнью духовной жизни людей, общественным бытием общественного сознания.

Если руководствоваться указанными двумя принципами, то классификация категорий исторического материализма может быть представлена в следующем виде.

1. Категории, в которых отображается целостная специфика общественной жизни как способа жизнедеятельности людей, осуществляемого в форме производства, и выделяются в зависимости от субъекта жизнедеятельности истории — выступают ли в качестве этого субъекта жизнедеятельности отдельные народы, человечество на определенном этапе развития или человечество вообще — 3 типа социальных организмов: конкретные общества — этносы (образ жизни отдельных народов), отдельные общественные формации, общество как целое.

К этой группе категорий относятся жизнедеятельность людей, как исходная категория исторического материализма, и простейшие понятия, через которые выражается жизнедеятельность людей (субъект, объект, деятельность, общественное отношение, производство, потребность, форма жизнедеятельности).

Сюда также относятся клеточка общественной жизни — образ жизни отдельных поколений народов-этносов.

2. Категории, в которых целостная специфика и сущность человеческого общества познаётся и воспроизводится через особые (и отдельные) формы жизнедеятельности людей. Об-

единяющим началом этой группы категорий является закон обусловленности способом производства материальной жизни социальных, политических и духовных форм жизнедеятельности людей. К этой группе, в частности, относятся категории базиса и надстройки.

3. Категории, в которых специфика и сущность человеческого общества познается и воспроизводится через общие формы жизнедеятельности людей—материальную и духовную жизнедеятельность. Объединяющим началом этой группы категорий является закон обусловленности материальной жизнью общества духовной жизни общества, закон обусловленности общественным бытием общественного сознания. К этой группе, в частности, относятся категории материальных и идеологических отношений.

4. Категории, в которых отражается прогрессивное развитие общества, и содержание которого составляет культура как мера гуманизации и развития жизнедеятельности людей, а основными типами социального прогресса выступают формационные ступени человеческого общества.

Предлагаемую здесь группировку категорий исторического материализма нельзя рассматривать в плане традиционной формально-логической классификации.

Главная задача, решаемая в процессе создания классификации категорий исторического материализма, состоит не в том, чтобы, взяв за основу деления один из многих признаков, разделить категории на группы, а в том, чтобы эта классификация содействовала раскрытию предмета исторического материализма—его категорий, законов, а также его теорий как специфических гнезд понятий, объединенных определенным началом. Решение этой задачи должно опираться на принцип исходной категории исторического материализма, выражающий субъектно-объектную природу общественной жизни, и принцип материалистического понимания истории на двух главных уровнях воспроизведения сущности общественной жизни: особенных форм жизнедеятельности («четырёхчленка») и общих форм жизнедеятельности («двухчленка»).

Такой подход к классификации категорий исторического материализма имеет важное значение, в частности, для уточнения содержания тех категорий исторического материализма, в понимании которых существует неоднозначность.

Как известно, к числу таких категорий относятся общественное бытие и общественное сознание, объективные условия

и субъективный фактор общества, образ жизни людей, культура и другие.

Покажем это на примере понятий «объективные условия и субъективный фактор общества».

Ни одна из парных категорий исторического материализма не характеризуется, пожалуй, такой неоднозначностью, как категории «объективные условия» и «субъективный фактор» общественной жизни.

Среди различных трактовок содержания рассматриваемых понятий следует выделить две основных.

Согласно первой, господствующей в нашей литературе точке зрения, под объективными условиями общественной жизни следует понимать совокупность не зависящих от воли и сознания субъекта обстоятельств, процессов и явлений, при которых люди осуществляют свою деятельность, делают свою историю. Совокупность объективных условий, основу которых составляет способ производства, и образует ту социальную среду, в которой независимо от воли и желания людей функционируют законы развития общества.

Объективные условия определяют основные направления деятельности людей.

Под субъективным фактором общества следует понимать сознательную, организационную деятельность людей, направленную на решение определенных исторических задач. Было бы неправильно, однако, относить повседневную производственную деятельность трудящихся масс к субъективному фактору истории, как подчеркивают сторонники этой концепции, ибо через практику производственной деятельности реализуются объективные законы развития общества, относящиеся к объективным условиям общества. Утверждается также, что применительно к обществу в целом понятия «объективные условия» «субъективный фактор» совпадают по содержанию с категориями общественного бытия и общественного сознания, материальной жизни общества и духовной жизни общества [5, 45].

Согласно второй точке зрения, в категориях объективных условий и субъективного фактора выражается отношение между обстоятельствами, при которых происходит деятельность людей, и самой деятельностью людей.

К объективным условиям относятся не зависящие от воли и сознания субъекта обстоятельства, при которых осуществляется деятельность людей, субъективный фактор — это опи-

рающаяся на объективные условия практическая и теоретическая деятельность людей. Было бы неправильным сводить объективные законы лишь к области объективных условий общественной жизни, ибо объективные законы представляют единство моментов объективных условий и моментов субъективного фактора.

Рассмотрение объективных условий деятельности людей позволяет выделить те предпосылки деятельности, которые делают необходимыми выдвижение и решение возникающих перед людьми задач. Но реализация этих задач зависит от общественных сил, которые должны их осуществлять, от их энергии, их реальной силы. Если достижение результата зависит не только от наличных объективных условий, но и от самого процесса деятельности, от энергии и активности людей, то каковы те категории, в которых одновременно фиксируется зависимость результата и от условий действия и от акта действия, активности и энергии действующего субъекта?

Таковыми категориями являются по терминологии, упрочившейся в марксистской литературе, «объективные условия и субъективный фактор».

Как было показано, обстоятельства и деятельность людей являются неотъемлемыми сторонами жизнедеятельности людей. Определяя жизнедеятельность как единство социальной деятельности и обстоятельств, при которых она происходит, мы рассматриваем общественную жизнь как процесс и результат взаимодействия живой и прошлой деятельности, как единство объективных условий и целесолагающей деятельности людей.

Обстоятельства, как результаты деятельности предшествующих поколений и прошлой деятельности живых поколений во всех сферах общественной жизни, выступают в качестве объективных условий деятельности людей, ибо каждая дальнейшая ступень в развитии любого общества объективно обусловлена предшествующей. Поэтому не правы те авторы, которые утверждают, что в масштабе общества объективные условия жизни и деятельности людей тождественны их общественному бытию. Тем самым сторонники этой концепции одновременно и расширяют понятие объективных условий в масштабе общества, включая в них, кроме материальных производственно-экономических условий, также и практику производственно-экономической деятельности, и сужают понятие объективных условий общества, ибо политические и духовные условия жиз-

ни людей действительно не могут быть включены в общественное бытие, но относятся к объективным условиям жизни людей. Если практическая деятельность народа в сфере производства относится к субъективному фактору, то нельзя не признать ошибочной точку зрения тех авторов, которые утверждают, что в масштабе общества понятие субъективного фактора тождественно понятию общественного сознания.

Что касается соотношения между объективными условиями и субъективным фактором в общественной жизни и их роли в решении общественных задач и в достижении результатов деятельности, то оно выражается в следующем.

Объективные условия детерминируют характер деятельности людей, и если нет налицо объективных предпосылок для осуществления соответствующих преобразований, то никакие усилия и действия людей не приведут к достижению результатов. Но если имеются объективные условия для осуществления соответствующих преобразований, то решающее значение в достижении результатов имеют действия и энергия людей, которые также выступают и в качестве причины, изменяющей наличные условия существования людей.

Мы рассмотрели кратко содержание категорий «объективные условия» и «субъективный фактор общества», необходимость уточнения их понимания.

Установление категории «начала», разработка внутренне обоснованного подхода к рассмотрению состава и классификации категорий исторического материализма является предпосылкой решения более сложной задачи — построения системы категорий исторического материализма.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 3.
2. Маркс К. и Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1956.
3. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1.
4. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29.
5. Глезерман Г. Е. Исторический материализм и развитие социалистического общества. М., 1973.

СОДЕРЖАНИЕ

Ю. П. Андреев. Предмет, структура и система категорий исторического материализма	4	
Г. С. Арефьева. О некоторых условиях и принципах построения системы категорий исторического материализма	11	
В. С. Барулин. На путях к системе законов и категорий исторического материализма	30	
Н. Н. Большаков. Выбор исходной абстракции теории исторического материализма	45	
В. А. Демишев. Об историческом материализме как теоретической системе и некоторых проблемах его изложения	48	
Ф. М. Землянский, А. И. Никитов. О систематизации категорий исторического материализма	58	
В. Ж. Келле, М. Я. Ковальзон. Систематизация категорий и опыт истории	65	✓
З. А. Лазченко. Проблема соответствия категорий исторического и диалектического материализма	76	
М. В. Лашина. Марксистско-ленинская концепция основных сфер общественной жизни и систематизация категорий исторического материализма	83	
А. В. Маргулис. О методологических аспектах общесоциологической теории	92	✓
В. В. Никаноров. Целенаправленная связь категорий в социальном исследовании (проблема методологической систематизации категорий исторического материализма)	106	
Ю. К. Плетищев. Проблема начала в теории исторического материализма	119	✓
В. И. Разин. О признаках классификации категорий исторического материализма	123	
Н. С. Рыбаков. Систематизация категорий исторического материализма как методологическая проблема	131	
В. К. Трофимов. Единство предмета исторического материализма и проблемы его начала	143	
В. П. Фофанов. О разработке теории общественно-экономической формации на основе метода восхождения от абстрактного к конкретному	146	✓
Ю. А. Харин. Социальная диалектика и исторический материализм	162	
А. Д. Шершунов. От категорий «начала» — «клеточки» социального целого и исходного понятия как самого абстрактного выражения сущности общественной жизни — к выведению остальных категорий исторического материализма	170	✓

Редактор Ю. В. Тихонова.
Техн. редактор З. В. Лосенкова.

Челябинский государственный педагогический институт,
пр. им. В. И. Ленина, 69.

Сдано в набор 6.5.81 г. Подписано в печать 8.VII.81 г.
ФБ00093. План 1981 г., п. 19. Печать высокая. Формат 60×84¹/₁₆.
Объем 11,5 п. л., 10,695 усл. п. л., 10 уч.-изд. л. Тираж 1000.
Заказ 3227. Цена 1 руб. 50 коп.

454080, г. Челябинск, Свердловский проспект, 60.
Типография издательства «Челябинский рабочий».